

Екатерина

ВИЛЬМОНТ

ЗДРАВСТВУЙ,
ГРУЗДЬ!

Заражайтесь оптимизмом ■ Екатерина Вильмонт

Annotation

Ах, насмешница-судьба! Как любит она порой расставлять ловушки!..

Он – известный писатель, одинокий волк. Его жизнь – сплошная круговерть из рукописей и презентаций вышедших книг, поездок на книжные ярмарки и ставших со временем скучными встреч. Он тоскует о настоящем и искреннем – возможно, о любви. И услужливая фортуна подкидывает ему загадку – незатейливую сережку на гостиничной лестнице. А уж писательская фантазия создает ее хозяйку – ту единственную, которая непременно должна войти в его жизнь. И надо же такому случиться – придуманная мечта неожиданно становится явью...

- [Екатерина Вильмонт](#)

-

Екатерина Вильмонт

Здравствуй, груздь!

Черт побери, до чего же мерзкая погода! А кто-то уверял, что начало октября в Европе чуть ли не лучшее время. Мелкий холодный дождь, и ветер пробирает до костей. А я, идиот, поверил. Завтра же куплю теплую куртку, знать бы еще, где ее купить... Сволочи, пригласили на ярмарку – и запихнули в эту дыру! И никто меня теперь не убедит, что Висбаден не дыра! Знаменитый курорт, чтоб ему пропасть! А завтра с утра надо тащиться на вокзал и сесть на нужный поезд, тоже задача не из легких, особенно когда по-немецки ни в зуб ногой. И совершенно никому нет до меня дела. А почему, собственно, кому-то должно быть до меня дело? Что я за персона такая? Писатель? Ну и что? Писателей тут как собак нерезаных, вон одно наше издательство привезло сюда человек тридцать, если не больше, и все считаются писателями. Какие-то неведомые люди. Впрочем, для них и я, наверное, неведомый. Даже наверняка! Так что все правильно, Федор Васильевич, все правильно. А Висбаден все равно дыра, и гостиница... Даже поужинать нельзя, видите ли, у них только завтраки... Воображаю эти завтраки! И телефона в номере нет, и вообще он больше похож на келью, хорошо, хоть сортир и душ имеются. Тоска смертная. Нормальный человек, наверное, пошел бы в казино, разыскал бы хороший ресторан, не может же быть, что тут нет хороших ресторанов. Я почему-то сразу невзлюбил этот город и не хочу ничего искать, я бы и сам не поверил, что в первый вечер в Висбадене буду ужинать в каком-то занюханном кебаб-хаузе... Впрочем, надо признать, эта турецкая шамовка довольно вкусная, но все равно противно и наверняка заболит печень. А завтра еще предстоит какое-то мероприятие, где главным действующим лицом буду я. И в издательстве никто не объяснил, что именно это будет. Интервью? Выступление? На мой вопрос директор издательства рассмеялся и ответил беспечно: «Не волнуйтесь, Федор Васильевич, ну зададут вам пару вопросов, вот и все. Гуляйте себе, получайте удовольствие!» Легко сказать! Я ведь тут первый раз... Вот перед Лейпцигской ярмаркой мне все четко и заранее объяснили: такого-то числа – круглый стол, такого-то – вечер в кафе и надо прочитать по-русски отрывок из романа, потом переводчик прочтет тот же отрывок по-немецки, а потом будут вопросы посетителей кафе. Я думал, ни одна собака не задаст мне вопроса, но, как ни странно,

вопросов было немало. Приятно, что ни говори; там вообще было приятно, в Лейпциге. Отлично все организовано, прекрасная гостиница в центре города, а тут... Никто не встречал, никто даже не предупредил, что жить я буду в Висбадене... До сих пор противно вспомнить, как страшновато было ехать по темному шоссе неведомо куда... Перетрухали, Федор Васильевич, признайтесь? Стареее, голубчик, дорожите своим комфортом, разбаловались, разнежились... Занимался бы этими гостиничными проблемами мужик, я бы с ним поговорил по-своему, а тут девица... красивая, надо заметить, и у нее таких, как я – тридцать пять человек... Хотя предупредить, что эта чертова гостиница находится не во Франкфурте, она могла бы... Но бог с ней, пусть живет. Интересно, она с кем-то из приехавших живет? Эффектная, сексуальная. Может, приударить за ней? Да ну, не хочу я ни за кем приударять. Надоело. И вообще, надо пойти и лечь спать. Утро вечера мудренее. Может, завтра и Висбаден не покажется такой уж дырой... Тут вроде бы и Тургенев бывал, и Достоевский. А вот теперь и вы, Федор Васильевич, сподобились.

Он открыл выданным ему ключом дверь маленькой провинциальной гостиницы. Вероятно, подразумевалось, что это семейный отель, но его все безумно здесь раздражало. Он стал подниматься к себе на четвертый этаж. Он был в неплохой физической форме, и ему не составляло труда подняться наверх, но он помнил, как в момент его водворения здесь приехала весьма упитанная, немолодая дама с огромным, неподъемным чемоданом и ее, разумеется, поселили на последний этаж, а в гостинице ни лифта, ни боя, и он просто не мог оставить даму в беде... Она так его благодарила... Тоже писательница, как выяснилось, пишет дамские романы. Интересно, чем они думали, запихивая ее на верхний этаж?

Свет на лестнице был неяркий, но он вдруг увидел, как на ступеньке что-то блеснуло. Пригляделся. Какое-то дамское украшение. Сережка, что ли? Да, сережка. Полукруг с меленькими темно-красными камушками и штырьком на изнанке. Гранаты, сразу определил он. Надо бы отдать портье, но там, похоже, уже никого нет, во всяком случае, когда он проходил мимо двери, ведущей в маленький зал, где была стойка портье и где утром подают завтраки, свет уже не горел. Ничего, утром отдам. Должно быть, владелица гранатов обрадуется. Интересно, какая она? Странно, раздражения и злости как не бывало. Черт побери, а это неплохой сюжетный ход, наверняка старый как мир, но... Герой гадает по найденному украшению, какая она, женщина, потерявшая его? Молодая? Вероятно. Красивая? Неизвестно. Наверняка небогатая, украшение скромное, в серебре, но изящное, хорошего вкуса. Гранаты... Его мать

обожала купринский «Гранатовый браслет», а ему эта вещь всегда представлялась пошлостью... Вероятно, она невысокая кареглазая блондинка, с хорошей фигурой, но с пышными формами, веселая и привлекательная. Но раз в воображении возник именно такой образ, то, скорее всего, она длинная, тощая брюнетка. А может, рыжая, среднего роста, лет двадцати трех, почему-то возраст определялся только у рыжей... И зовут ее... Впрочем, какая разница, как ее зовут. В любом случае найденная сережка – отличный повод для знакомства. А что, если сережку потеряла та полная дамская писательница? Она милая, с хорошим чувством юмора, но для романа безнадежно стара... Нет, у нее в ушах были серьги с бирюзой, сейчас он отчетливо это вспомнил. Вот и хорошо. У Светланы, той красотки, которая в издательстве ведала расселением, в ушах были длинные цыганские серьги, – значит, не она. Что ж, тем лучше, тем интереснее. А может, пусть Андрей – он имел в виду героя своей новой повести – тоже найдет серьгу... Это очень кстати... Ему вдруг безумно захотелось домой, в свою маленькую квартиру, к компьютеру... Он не любил тусовку, а тут предстояла, как он понял, именно мощная тусовка, как в анекдоте... К черту, буду лучше думать о незнакомке. И он уснул.

Когда утром он спустился к завтраку, никого из издательских там уже не было. Он без всякого удовольствия позавтракал, но тут же вспомнил чеховскую Мерчуткину: «Нынче кофей пила без всякого удовольствия!» – и рассмеялся. Поднявшись к себе, позвонил по мобильнику приятелю, живущему ныне в Дюссельдорфе:

- Привет, Владя! Звоню, как обещал.
- Ну как, где ты устроился?
- Меня запихали в Висбаден.
- Висбаден? Тебе повезло, чудесный городок!
- Ну пока я ничего чудесного не обнаружил. Но дело не в этом. Ты ко мне собираешься?
- У тебя во сколько выступление?
- Я даже не знаю, выступление ли это будет, но назначено на час дня.
- Черт, тогда надо выезжать немедленно... У тебя есть для меня билет?
- Конечно, я попросил в издательстве, мне без звука дали.
- Хорошо. Тогда давай в четверть первого на главном вокзале.
- погоди, я ж ничего тут не знаю!
- Ах ну да! Значит, слушай. Ты сядешь на поезд, доедешь до главного вокзала во Франкфурте, называется Хауптбанхоф, найдешь там главный выход и будешь меня ждать. Выезжай пораньше, чтобы не заблудиться. Если я задержусь, не волнуйся, я могу не сразу припарковаться.

– Слушай, а четверть первого не поздно, мне ж надо все-таки прийти хоть за пять минут...

– Там три минуты езды на метро. На машине просто нет смысла. Все, я выезжаю.

А он-то, дурак, надеялся, что Владя заедет за ним сюда, но, видимо, ему не по дороге. Как отвратительно чувствовать себя немым идиотом. Надо, наверное, заняться языками. Школьный английский – это ничто. Мог бы, между прочим, и раньше об этом подумать, но... Всякий раз, оказываясь за границей, он решал, что в Москве пойдет на курсы погружения, чтобы иметь возможность хотя бы минимального общения, но все что-то мешало – то работа, то лень... А впрочем, шут с ним, не пропадет же он в Висбадене. Вчера, подъезжая к гостинице на такси, он заметил вокзал и быстро сориентировался. Гостиница была в пяти минутах ходьбы. Действительно, он безошибочно вышел к вокзалу. В тайге и в тундре не заблудился, так не заблудится и во Франкфурте!

Билетной кассы он, однако, не обнаружил. Зато нашел автомат по продаже билетов и принялся изучать длиннющий список станций. Нашел Франкфурт-на-Майне с разными непонятными обозначениями. Аббревиатуру HBF он расшифровал: Хауптбанхоф, главный вокзал. Уже хорошо, но как выбрать подходящий поезд? Вот 10.20, этот, вероятно, подойдет, но кроме HBF там было что-то еще, уже не поддающееся расшифровке. Но тут он увидел вчерашнюю дамскую писательницу, которая изучала такое же расписание у соседнего автомата, и растерянности он у нее не заметил.

– Простите, ради бога, здравствуйте!

– О, мой спаситель! – улыбнулась дама.

– Вы что-нибудь тут понимаете?

– Что-нибудь понимаю! Вам во Франкфурт, естественно?

– Да, но я тут запутался. У меня встреча на главном вокзале...

– И у меня тоже, – рассмеялась она. – Вот подходящий для нас поезд, десять тридцать пять.

– А в десять двадцать?

– Он дольше идет и приходит на подземный вокзал, а там мы можем запутаться.

– Вы тут уже бывали?

– Нет, но я немного знаю немецкий.

– О, значит, мне повезло!

Наконец билеты были куплены, до поезда оставалось пятнадцать минут. Он был преисполнен благодарности. Но тут же с некоторым

раздражением подумал, что теперь придется всю дорогу беседовать с дамой, а о чем можно говорить с автором дамских романов? Но она вовсе не стремилась с ним беседовать, кивнула ему и пошла в магазинчик, где торговали газетами и открытками, вскоре вышла оттуда, держа в руках яркий иллюстрированный журнал, и направилась к лавочке, стоявшей на перроне.

Что это она меня игнорирует? Хотя к чему она мне? И я ей тоже зачем сдался? Я помог ей, она помогла мне – мы квиты, и до свидания. Но насколько я знаю баб, они раньше всегда на меня реагировали. Но зачем мне реакция этой? Она старше меня лет на пятнадцать. Но тогда тем более... Или я растренировался, потерял форму и даже такие гримзы на меня уже и смотреть не хотят? А может, я просто не в ее вкусе? Или она лесбиянка? А может, уже не чувствует себя женщиной? Да нет, непохоже. Одета модно, современно. Губы накрашены, глаза тоже... Значит, я ей неинтересен? Надо проверить. И тут вдруг он вспомнил про найденную сережку. Отличный предлог!

– Простите меня, – обратился он к ней.

Она оторвалась от журнала и вполне доброжелательно на него взглянула:

– Да?

– Это случайно не вы потеряли?

– Нет, – она покачала головой, – не я. А где вы это нашли?

– Вчера на лестнице в этой чертовой гостинице.

– Надо бы отдать портье.

– Да-да, я просто забыл. И вот подумал, не ваша ли...

В этот момент у дамы в сумке зазвонил мобильник. Она торопливо выхватила его:

– Алло!

И тут ее лицо осветилось такой радостью, что он понял: дама влюблена, ей звонит какой-то Сергей Иванович. Он деликатно отошел в сторонку. Вот уж воистину любви все возрасты покорны! А я и забыл, что это такое. Он задумчиво смотрел на гранатовую сережку. Она навевала мысли о любви. Грустные мысли, надо сказать. Две его любви окончились крахом. Он с юности умел четко разделять любовь и секс, любовь и увлечение, даже любовь и влюбленность. Все, что не любовь, приносило радость, удовольствие, а от любви одни только неприятности. И он не умел писать о любви. В его ярких приключенческих романах любовь была лишь символом. Ради любви его герои совершали подвиги и подлости, ради любви они боролись со злом, но самой любви в его книгах не было. Он не

умел. Однако в последнее время ему хотелось написать что-то лирическое, тонкое, какую-нибудь новеллу о грустной любви, такой, какая была у него с Верой...

Вера часто ему снилась, и он просыпался тогда весь в поту и потом не мог спокойно работать. Надо о ней написать... Изжить это таким образом, во всяком случае попытаться. Конечно, это не будет их история, кому это нужно, нет, просто героиня будет носить имя Вера... И еще она тоже умрет... А герой останется... И найдет сережку... не сразу, а через много лет, а потом по этой сережке отыщет женщину, в которую влюбится... Наверное, именно влюбится, а не полюбит, и это будет счастье. Вера и вправду умерла, а я нашел сережку... Значит, и женщину найду, веселую, рыженькую, кареглазую, пухленькую, со звонким голосом, нежную, горячую... Его будут звать Сергеем, Сережкой. На этом можно неплохо сыграть. Сережка нашел сережку... Игра, конечно, не бог весть какая, но может получиться довольно мило, а то мне уже надоели мои мужественные парни, готовые в огонь и в воду. Но они принесли мне успех, и деньги, и, кажется, что-то вроде славы, во всяком случае некоторую популярность – уж точно. Разве я когда-нибудь думал, что буду давать автографы? Смешно, ей-богу! Скорей бы увидеться с Владькой, с ним никакие лирические мотивы в голову не полезут. Пойдем куда-нибудь – пообедаем, выпьем, как бывало, и всю эту лирику как рукой снимет.

Он так задумался, что едва не пропустил поезд. И оказался один в вагоне. Черт, надо было сесть с этой теткой, она все-таки знает немецкий, если что. А что, собственно, может быть? Ну войдет, на худой конец, контролер, так я же не зайцем еду. А станция моя конечная, так в чем дело? Нет, все-таки необходимо знать хоть один иностранный язык, отвратительное ощущение немоты и беспомощности. Пойти, что ли, по вагонам, отыскать дамскую писательницу? Как-то спокойнее будет... Подходить к ней и лезть с разговорами не стану, просто сяду в том же вагоне. Надо же, она влюблена... Интересно, в кого? В молодого, наверное? Такие дамы обычно влюбляются в мальчиков, ну не в старика же, в самом деле? Но она назвала его по имени-отчеству... А что тут такого? Он может быть вполне взрослым мужчиной, которого зовут по имени-отчеству, но лет на двадцать моложе ее... Ну это я хватил! А впрочем, шут с ней. Но он все-таки решил поискать соотечественницу. Правда, в этот момент появился какой-то парень, сразу подошел к нему и как-то требовательно протянул руку. Он в ответ вытащил из кармана билетик, вовсе не будучи уверенным, что парень – контролер. Но тот и вправду оказался контролером. К тому же поезд остановился и в вагон вошли две юные девицы, обе столь

умопомрачительно длинноногие, что он забыл обо всех своих сомнениях и остался сидеть. Они окинули его оценивающим взглядом, но, по-видимому, он ничем их не заинтересовал, и девицы прошли в другой конец вагона. Что это такое? Старая баба не глядит, юные красотки тоже, неужто я уже вышел в тираж? Мне всего сорок четыре, рановато. Но факт налицо. Или, став писателем, я утратил свою мужскую привлекательность? Это что же, и есть та самая сублимация, о которой писал старик Фрейд? Да и женщины у меня уже недели три не было. И ведь только сейчас я об этом вспомнил... Надо срочно найти кого-то. А может, все-таки пора уже жениться, я хорошо отдохнул от семейной жизни, можно еще разок попробовать... Ох, нет, не хочу! Надо завести постоянную бабу, с самого начала оговорить все условия, чтобы зря не обнадеживать, молодую, хорошенькую, рыженькую, кареглазую... Хотя нет, молодая не пойдет, она будет непременно стремиться замуж, нет, лучше найти красивую, лет тридцати пяти, разочарованную в семейной жизни, разведенную жену какого-нибудь психа или алкаша, тоже ценящую свою свободу... Можно даже с детьми. Нет, с детьми не надо, ей будет не до меня... Значит, лет за тридцать, самостоятельную, но разочарованную в семейной жизни. Такая тоже может быть и рыженькой, и пухленькой. Я буду ей помогать материально. Но так, не слишком, чтобы она не вздумала прибрать меня к рукам, а только чувствовала легкую благодарность. Можно будет ездить с ней отдыхать на недельку, не больше, чтобы не обрыдла. Надо только, чтобы она жила недалеко. Нет, лучше далеко, у меня, в конце концов, есть машина, а если она будет жить близко, то вздумает меня опекать, а это лишнее, ей-богу.

За окном ничего особенно интересного не было. О чем я, кретин, думаю, у меня же в час дня какое-то непонятное мероприятие. Что я буду там делать? Надо подумать, о чем говорить, если придется говорить, что отвечать, если придется отвечать.

Постепенно пустой вагон наполнялся народом, и он успокоился. Все нормально. Я, известный писатель, еду на Франкфуртскую ярмарку, и в этом нет абсолютно ничего особенного, все в порядке вещей. Но черт побери, разве я мог еще несколько лет назад об этом мечтать? Я и писателем не мечтал быть, все вышло случайно... В моей жизни вообще много случайностей, но эта, пожалуй, самая счастливая. А по-настоящему привлекательных девушек что-то не видно, что-то мне они не нравятся... Грубые, какие-то бесполые и все, как одна, не отрываются от мобильных. Наверное, я стал старый и ворчливый. Это я писатель еще молодой, а мужик уже старый, папик... Именно таких, как я, эти юные особы называют папиками... Какая гадость!

Сориентироваться на франкфуртском вокзале было не так-то просто, к тому же там почему-то стоял лютый холод. Впрочем, и на улице не слишком тепло, а на вокзале просто колотун. Он даже заглянул в какой-то магазинчик, чтобы согреться, и купил там теплые перчатки. Вот что значит осень. В марте на Лейпцигской ярмарке тоже было страшно холодно. В соответствии с московскими и интернетовскими прогнозами все оделись легко, а поскольку на календаре была весна, то найти в Лейпциге теплые перчатки оказалось невозможно. Смешно, ей-богу, опять я на книжную ярмарку приехал – и опять мерзну... Только в Лейпциге все было как-то мило и уютно, а тут...

Наконец он нашел то, что счел главным выходом, и остановился у эскалатора. Тут я сразу увижу Владьку. Только бы не опоздал, а то как я найду этот чертов павильон и стенд, говорят, ярмарка – это целый город...

– Федька!

– О, Владя! Не опоздал, молодчина!

Они обнялись.

– Ну, писатель, дай на тебя поглядеть в новом качестве! Постарел, но... Есть в тебе что-то эдакое, писательское!

– Да ладно тебе! Сколько ж мы не виделись, лет семь?

– Восемь! Когда я уезжал, ты вроде и не собирался писать. Или это было тайной мечтой?

– Даже и не мечтал никогда, а вот начал и не могу остановиться!

– И не надо! Я в Интернете смотрел, у тебя определенный успех!

– В общем да, как ни странно. А ты хоть читал что-нибудь?

– А как же! «Удача с нами!» Любимая книжка моего сына!

– Сколько ему?

– Уже шестнадцать.

– С ума сойти! Ну, Владька, надо мчаться, а то у меня в час...

– Да тут езды пять минут, правда, там надо еще дойти, но все равно успеем. А вот после твоего триумфа...

– Типун тебе на язык!

– Ладно, после твоего провала...

– Еще один типун, нет, лучше два. Так что после?

– Пойдем обедать куда-нибудь в хорошее место, я приглашаю!

– Заметано!

– Федор Васильевич, наконец-то! – кинулась к нему знакомая девушка из издательства. – Идемте скорее!

– Людочка, а что это все-таки будет?

– Да ничего особенного, постоите час на стенде, и все! Книжки подпишете, если надо! – запыхавшись, бросила девушка.

У стенда с его книгами стоял высокий столик, почему-то напомнивший ему аналой, хотя крышка не была покатою и на нем лежало не Священное Писание, а его собственные книги. Но тут к нему подошел кто-то из руководства, пожал руку, выразил восхищение – не столько книгами, сколько их тиражами.

– Федька, ты тут пока купайся в славе, а я пойду поищу знакомых! – бросил Владька и исчез.

К стенду почти все время подходили люди. Он знал, что в первые дни на ярмарку не пускают простых посетителей, а только специалистов – издателей, книготорговцев, распространителей. Тем приятнее было выслушивать комплименты. Ну и давать автографы. Профессионалы все-таки.

Подошел известный писатель-детективщик, по книгам которого как раз неделю назад показывали бездарнейший сериал. Он сразу обратился к Валентину Геннадьевичу, который представлял тут издательское руководство:

– Приветствую, Игнатъич!

– Геннадьевич, – скривился тот.

– Извини, старик, я тут все на свете забыл! Представляешь, в Москве уже открыли ресторан «У Вишни!». – Вишня – фамилия его героя, сотрудника всех на свете спецслужб без страха и упрека. – Я им сразу заявил, что они должны мне платить процент за использование имени героя! И пусть не говорят, что имели в виду Остапа Вишню или просто плодородное дерево! – Он громко расхохотался. – Как ты считаешь, я прав?

– Прав, Гога, прав, но извини, сейчас не твое время, я занят.

Тот смерил Федора невидящим взглядом, кивнул и удалился, в твердом сознании своего величия.

Господи, не дай мне превратиться в такого же самовлюбленного кретина, взмолился он.

Стоять так у «аналоя» было довольно тягостно, и он украдкой то и дело поглядывал на часы. Еще целых двадцать минут! Но тут он заметил Владю, который появился с двумя женщинами. Одна из них была рыженькая и пухленькая, цвет глаз, правда, он не мог разглядеть, но лет ей было от силы двадцать пять! Другая, высокая и худая, о чем-то оживленно беседовала с Владей, а пухленькая и рыженькая только кивала в такт чужому разговору, словно поддакивая худой и высокой. Владя помахал

Федору рукой: мол, я тут и все помню, он даже слегка щелкнул себя по горлу – выпьем, дружище, как и собирались. Валентин Геннадьевич как раз говорил Федору, что удивлен до крайности – на рекламу его романов практически ничего не потрачено, а тиражи растут, спрос огромный. И вообще всячески выражал Федору свое восхищение. Что ж, это было довольно приятно, тем более что можно будет повторить его слова Владе в присутствии рыженькой и пухленькой. Она моложе меня лет на двадцать, надо производить впечатление на барышню. Одного мужского обаяния может быть недостаточно. Тем более что она явно тоже занимается книгами.

Наконец мероприятие закончилось. Валентин Геннадьевич долго тряс ему руку, а кто-то проворно убирал с «аналоя» оставшиеся книги. Следующей была дамская писательница. Она рассеянно кивнула ему.

– Ну, Федька, поздравляю, ты, говорят, пользуешься бешеным спросом! А вот познакомься, это моя давняя подруга Геля, а это ее незаменимая помощница Мака!

Высокая протянула ему руку, а пухленькая зарделась.

– Ой, я читала вашу повесть «Медленно, но верно». Мне так понравилось! – поспешила вставить Мака.

Интересно, что это за имя – Мака?

Глаза у нее оказались серо-зеленые. Не то! Хотя она в общем вполне миленькая.

– Геля, вы правда не можете уйти? – спросил Владя.

– Да нет, я ж тебе все объяснила, – не без раздражения ответила приятельница Влады. – Нам не на кого оставить стенд, а у нас еще не все готово. Так что не обессудь! – Голос у нее был низкий, прокуренный.

– Жаль, а я думал, мы вместе пообедаем! А может, отпустишь с нами Маку? Обещаю, мы ее покормим и отправим назад!

– Я не вправе оставлять Маку без обеда! – сухо проговорила Геля. – Если хочет, пусть идет.

– Ой, нет, что вы, я не могу... Нет-нет, ни в коем случае, я никуда не пойду, – заторопилась Мака, и видно было, что ей ужасно хочется пойти с ними, но она не решается.

– Ну что ж, тогда мы двинули, а, Федя?

– Ну да, наверное...

Ему вообще-то хотелось посидеть вдвоем со старым приятелем, вспомнить молодость, рассказать о том, как он начал писать и что пишет теперь, а с другой стороны, Мака все же заинтересовала его. Но она никуда не денется, в конце-то концов! Завтра с утра он ее разыщет и пригласит

куда-нибудь. Надо надеяться, эта Геля отпустит ее часа на два, когда ей будет удобно. Или же сама уйдет, а он останется с Макой дежурить на стенде. Тоже неплохо!

– А где ваш стенд? – спросил он у Маки.

– Вон там, Д-восемнадцать!

– Я непременно зайду завтра!

– Ой, Ангелина Викторовна, вам Головин понравился? – спросила Мака, сидя на корточках у ящика под стендом.

– Что ты там ищешь?

– Плакат!

– Да вот же он лежит.

– Ой, правда! Вот я дура! Ищу-ищу!

– Меньше надо на мужиков заглядываться, – с легким смешком заметила Ангелина Викторовна.

Мака вспыхнула:

– Да я... Я просто хотела спросить, почему мы его не издаем?

– Во-первых, он нам не по карману уже, а во-вторых, не по профилю.

– А вы его читали?

– Да, что-то читала. Джек Лондон для бедных.

– Что значит «для бедных»?

– Только то, что он все-таки не Джек Лондон.

– Но Джек Лондон тоже ведь писатель не первого ряда!

– Может, и не первого, но я его обожаю.

– Как странно! – удивленно протянула Мака.

– А что тут странного?

– Я не думала, что вы... А Головин вам совсем не понравился?

– Почему же? Он хорошо пишет, у него отличный слог, это в наше время редкость, особенно среди популярных авторов. Так что Головин твой вполне съедобен.

– Почему – мой? – вскинулась Мака.

– Ну он же тебе понравился, не отпирайся.

– Вообще-то да, – опять вспыхнула Мака. – Интересный мужчина.

Плечи такие широкие... надежные... И вообще...

– Вот и займись.

– А он женат?

– Понятия не имею. Слушай, где у нас Северянин?

– Вот он! Куда его лучше поставить?

– Сюда!

Издательство «Фатум» делило стенд еще с одним новым издательством, специализирующимся на архитектуре. Его тоже возглавляла женщина, Инна Николаевна Вешко, красивая, но непомерно толстая и непомерно энергичная. От ее энергии у Ангелины Викторовны начинала болеть голова, а от ее туалетов рябило в глазах. А вот ее помощник Артур оказался милым парнем, готовым служить всем трем женщинам. Но ему явно приглянулась Мака.

– Ангелина Викторовна, – робко обратился к соседке Артур, – извините, а что это за имя – Мака?

– Тамара, – ответила Геля и усмехнулась про себя. Ничего тебе, парень, не светит. Во-первых, у Маки совсем другие устремления, а во-вторых, твоя начальница быстро даст тебе укорот. Она дама не промах.

– Да? Спасибо, – пролепетал Артур.

А вот у Маки как раз может что-то получиться, этот Головин, кажется, положил на нее глаз. Во всяком случае, смотрел на девчонку с явным удовольствием. Надо будет разузнать у Влади, что он за тип, а то я обещала Макиной маме приглядеть за ней...

– Слушай, Владя, я что-то проголодался, просто жуть. Пошли скорее, а то недолго и дуба дать! Даже голова кружится!

– Это у тебя головокружение от успехов, – засмеялся приятель. – Сейчас мы пойдем в одно клевое итальянское заведение, останешься доволен.

– Ладно, мне все равно, хоть в китайское, лишь бы поскорее.

– В китайское – это без меня, терпеть не могу всякую восточную шамовку, мне кажется, там обязательно подсунут каких-нибудь червяков или насекомых. Фи!

– А в итальянской кухне все эти дары моря...

– Я их никогда не беру, и дело с концом. Если я закажу рыбу, это будет рыба, если мясо, то мясо!

– А если макароны, то макароны?

– Вот именно!

– Знаешь, однажды в итальянском ресторане в Вене мне вместо нормальной горячей рыбы подали какую-то соленую холодную гадость, меня едва не стошнило после нее.

– Значит, ты что-то не то заказал. Она была холодная в каком смысле? Остывшая или...

– Нет-нет, просто холодная. Так, видимо, полагалось.

– Языки надо учить, я давно тебе твержу.

– И ты абсолютно прав! Ладно, пусть будет итальянский ресторан. Ты же меня проконсультируешь?

– Бесспорно! Признайся, старик, ты положил глаз на Маку?

– Да ну, глупости, хотя она аппетитненькая.

– Ты по-прежнему ничего не понимаешь в женщинах!

Но тут они пришли. Итальянский ресторан оказался небольшим, уютным, с миловидной и весьма приветливой хозяйкой-итальянкой.

Владя придирчиво выбирал вино, требуя, чтобы оно ни в коем случае не было венецианским, и заказал массу всяких блюд.

– Владька, а мы не лопнем?

– Молчи, примитивный тип! Я знаю, что и как надо заказывать, чтобы получить удовольствие и не обожраться. Положись на меня.

– Так и быть. Слушай, а почему ты сказал, что я ничего не понимаю в женщинах?

– Потому что положить глаз на Маку, когда рядом Ангелина...

– А что такого в этой Ангелине? Ни кожи, ни рожи.

– Вот я и говорю, что ты так же ничего не понимаешь в женщинах, как в тонкостях кулинарии. Если хочешь знать, Мака – это картошка с селедкой, а Геля... – он поцеловал кончики своих пальцев, – Геля весьма изысканное и очень дорогое блюдо. Но у тебя вкусы всегда были примитивные.

– Да ладно, тоже мне гурман нашелся! Особенно если вспомнить твою Зойку!

– Да, Зойка была девчонка простая, без затей...

– В жизни не видел девки вульгарнее!

– И на старушку бывает прорухка, – засмеялся Владя.

– Что ж ты сам не займешься этой Ангелиной, а?

– О, наш поезд давно ушел. Я еще в юности понял ей цену, а она на меня и не глядела. А когда я через несколько лет сделал новый заход, она уже была замужем и с ребенком... А ты не обратил внимания, какая она элегантная?

– Нет, только заметил, что тощая. И немолодая к тому же!

– Тридцать девять, по-твоему, это уже старость?

– Ну в принципе для бабы – да.

– А я вот молоденьких не люблю. Что с ними делать?

– А то ты не знаешь?

– Фу, Федя, все не так примитивно.

– Да ладно тебе, просто у меня нормальные, здоровые вкусы, а ты некоторым образом извращенец!

– Пусть так, не будем ссориться, старик! И вообще, давай-ка лучше выпьем за тебя! Не ожидал я, что ты вдруг начнешь писать.

– Я и сам не ожидал, – рассмеялся Федор Васильевич.

– А как это тебе в голову взбрело?

– Хочешь, расскажу, только закажи мне лучше граппу, не люблю я эту кислятину!

– Ты это дивное вино называешь кислятиной? Боже, зачем ты дал талант писателя такому убогому типу! Ну так что тебя заставило взяться за перо?

– Ты не поверишь, но Ольга Митрохина.

– То есть как? – поперхнулся Владя.

– А вот так! Она мне позвонила в момент, когда я был в жутком состоянии. Умерла Вера, все валилось из рук, фирмочка, которую мы создали с двоюродным братом, обанкротилась, и тут вдруг Ольга... мне нужна была тогда жилетка, вот я и воспользовался, пригласил ее в кабак и выложил все свои печали...

– Ишь ты, как по-писательски звучит «все свои печали»!

– Да ну тебя...

– Прости, старик, я тебя слушаю!

– Ольга вот тоже выслушала меня, а потом говорит: «Федя, а не хочешь попробовать пойти к нам консультантом?» Она тогда работала администратором на каком-то сериале про золотодобытчиков.

– Да, в этом ты разбираешься.

– Обещала хорошо платить и все такое. Одним словом, я согласился, чтобы не удавиться от тоски. Мне дали сценарий. Это было такое говно – ни в сказке сказать, ни пером описать. Я Ольге честно об этом заявил, а еще добавил, что тут надо все в корне менять. Однако менять что-либо, ну кроме каких-то мелочей, было уже поздно, но Ольга все же познакомила меня с режиссером. Я все ему объяснил, он, вопреки Ольгиным ожиданиям, ко многому прислушался и утвердил меня консультантом, хотя продюсер долго упирался. Мне платили что-то, но я был при деле, и потом, там была одна девушка-гримерша...

– Ага, опять подножный корм!

– Владька! Она была очень миленькая... Словом, я стал приходить в себя и в одну прекрасную ночь вдруг подумал: этот сценарий написан по какому-то роману. Я его прочитал, тоже то еще говно. Я мог бы написать не хуже, а уж тему-то знаю в сто раз лучше... И я написал повесть, буквально за полтора месяца, без всяких мук творчества, просто сел с утра за компьютер и писал, пока задница не онемееет. И чувствовал, что занимаюсь

своим делом. Это было удивительно! А когда дописал, прочитал и сказал себе: черт возьми, а ведь это здорово и наверняка многим понравится. Показал Ольге, она пришла в восторг, отнесла режиссеру, тот тоже одобрил и предложил вместе написать по моей повести сценарий. Но я отказался, я уже не хотел никакого кино, мне было жалко свою повесть, я уже знал, что киношники делают с литературными произведениями... И я отнес рукопись в одно издательство. Мне там сказали, что повесть хорошая, но слишком маленькая, чтобы выпускать отдельной книгой. Напишите, мол, еще одну и приносите. А мне только того и надо! Я засел за компьютер и через полтора месяца написал вторую. Понес в то издательство, а там все редакторы поменялись, никто про мою повесть и слыхом не слыхал. Я разозлился и сказал: «Вы об этом еще пожалеете!» Там только рассмеялись! А сегодня директор того издательства, когда я на стенде стоял, вокруг меня кругами ходил, извинялся, признавал свои ошибки. Знаешь, я, как теперь говорят, проперся!

– Надо думать!

– А потом я показал свои повести одному соседу, который работает в журнале, и он посоветовал обратиться в издательство «Гриф». Я пошел туда, и через неделю меня пригласили подписать договор. Заплатили гроши, но обещали выпустить очень быстро. И правда, через три месяца книжка вышла! Что со мной было! Я чуть не умер от счастья!

– Извини, а на что ты жил это время?

– За консультации продолжали платить, и еще я на машине бомбил по ночам. Это было счастливое время, Владька! Днем я писал, часов до пяти, потом спал до десяти, с десяти до трех-четырёх левачил... И мне ничего другого уже не хотелось. Но через пару месяцев вдруг выяснилось, что моя книжка хорошо продается, и мне предложили написать еще одну, а у меня уж она готова, и тогда они сами мне гонорар прибавили. Так вот и пошло... А теперь я у них, можно сказать, один из главных авторов. Самому странно...

– Да, история невероятная! Совсем не «Мартин Иден», и слава богу!

– При чем тут Мартин Иден? Он молодой и темный, а я совсем не молодой и не такой уж темный, и...

Его часто сравнивали с Джеком Лондоном, и почему-то его это обижало.

– Федя, я же как раз сказал, что совсем не Мартин Иден! «Не», понимаешь, «не»?

– Ладно, проехали!

– Ну а что у тебя на личном фронте?

– Как ты выражаешься, подножный корм, и меня это вполне устраивает.

– Что, совсем нет постоянной бабы?

– Нет, уже года два, как я в свободном полете. Возраст уже...

– Хочешь сказать, потенция уже не та, потребностей меньше?

– И это тоже, как ни грустно признаваться. И потом, знаешь, мне сейчас хорошо, я, Владька, когда начал писать, вдруг почувствовал, что под сорок лет только зажил своей жизнью, той, которая мне предназначена была. И видимо, мне лучше жить одному, чтобы заниматься своим делом.

– Слушай, а ты что, никогда раньше писать не пробовал?

– Сроду не писал ничего, кроме школьных сочинений, да и в них не блистал... А вот поди ж ты! – счастливо рассмеялся Федор Васильевич. – Ну что мы все обо мне и обо мне! Расскажи лучше о себе.

– Да у меня все то же! Та же профессия, та же жена, те же дети, просто живем мы не в Москве, а в Дюссельдорфе, только и всего. Неинтересно! Кстати, ты должен к нам приехать, Риммка жаждет с тобой повидаться.

– А что ж ты ее с собой не взял?

– Так она служит, это я свободный художник, работаю по договорам.

Владислав Иванович был классным дизайнером.

– Ну а на личном фронте что? – подмигнул ему старый приятель.

– Да кое-что есть, одна очаровательная мулаточка. – И он поцеловал кончики пальцев.

Мака трепетала. Ей так понравился Головин! И хотя он был лет на двадцать старше нее, но ей нравились такие мужчины – взрослые, пожившие, за плечами у которых есть волнующий опыт и которые в состоянии оценить ее молодость и свежесть. Но молодость и свежесть – явление недолговечное, и Мака прекрасно отдавала себе в этом отчет. Она просто еще не встретила мужчину, который был бы достойной дичью. Но Головин – это то, что надо! Талантливый писатель, популярный уже, получающий, как говорят, приличные гонорары и ужасно интересный мужчина, к тому же холостой. Все это она успела узнать у приятельницы из «Грифа». И ко всему прочему, он положил на нее глаз, даже Ангелина это заметила!

Завтра с утра он, наверное, придет на ярмарку, и уж я его не упущу. Только надо сделать вид, что это он будет меня добиваться, а не я его. Кое-какой жизненный опыт и у меня есть, и я сумею, должна суметь! Плохо, конечно, что мы в разных гостиницах, а он к тому же вообще в Висбадене... Но при желании это преодолимо. Хотя лучше, наверное,

отложить сближение до Москвы...

В Москве у Маки была отдельная двухкомнатная квартира, где можно достойно принять такого человека... Ему это должно понравиться, он поймет, что я не лимитчица какая-нибудь, которой нужна жилплощадь. Как пишут в брачных объявлениях: «Молодая, весьма привлекательная особа без м. пр.», то есть без материальных проблем. Ах, как с ним должно быть интересно, он такой романтичный... столько всего знает и наверняка похож на своего героя Никиту Завьялова... Одинокого, мужественного, с хорошим чувством юмора... Я когда читала, просто влюбилась в него, а уж в автора сам бог велел влюбиться. Надо сегодня пораньше лечь, все равно Ангелина поднимет ни свет ни заря... А завтра с утра надо голову вымыть, подкраситься и надеть зеленую кофточку, глаза тогда будут совсем зеленые, и он не устоит. Это хорошо, что Ангелина все поняла, и еще хорошо, что он ей не понравился... Она хоть и старая, но... Эх, мне бы ее стильность и элегантность. А впрочем, Головин же положил глаз на меня, и это уже залог успеха.

Кажется, девчонка втюрилась, подумала Ангелина Викторовна, заметив, что ее помощница вот уже два часа как не раскрывает рта, тогда как обычно болтает без умолку. Макина мать, преподаватель английского, у которой Ангелина когда-то училась и с которой они сдружились, просила ее приглядеть за дочкой, а что приглядывать за совершенно взрослой и к тому же давно самостоятельно живущей особой? Вероятно, Маруся имела в виду что-то другое... Конечно, она просто не решилась сказать: «Геля, познакомь ее там с какими-нибудь приличными людьми!» Мать давно мечтает выдать Маку замуж и, вероятно, сочтет Головина хорошей партией, она обожает творческую интеллигенцию. А что, все может получиться, я хорошая сваха, трех своих знакомых замуж пристроила...

– Извините, можно посмотреть том Гумилева? – спросила пожилая красивая дама.

– Да, пожалуйста!

– А купить его можно?

– Нет, к сожалению, пока нельзя, но в последний день, вероятно...

– Спасибо. У вас хорошее оформление, интеллигентное...

– Мы стараемся.

– Дай вам бог удачи!

– Спасибо большое!

Слова этой дамы почему-то страшно тронули Ангелину. Ей сейчас так нужна удача!

– Пойдите, я подарю вам этот томик!

– О, спасибо, но я...

– Берите, берите, я хочу вам это подарить!

– Спасибо огромное!

– А хотите немного вина? – сама не зная почему, предложила Ангелина. Ей показалось, что эта дама – добрая фея, которую нельзя упустить.

– Спасибо, с удовольствием.

– Садитесь, пожалуйста. Мака, где у нас стаканчики?

Мака словно очнулась и с удивлением взглянула на шефиню. Что это с ней? Но тут же достала припасенную заранее упаковку бумажных стаканчиков. И коробочку конфет.

– Боже мой, московская пастила! – воскликнула дама. – Неужели вы кроме книг везли из Москвы еще и пастилу?

– Да, я обожаю пастилу, – призналась Ангелина.

– Я тоже! Помню, в моем детстве были удивительно красивые коробки, серебристо-серые со снежками, кажется...

– А я таких не помню.

– Естественно, это было так давно... А я, знаете, уже пятнадцать лет живу в Германии, мы с мужем уехали в самом конце восьмидесятых. Теперь муж умер – и мне одиноко... Спасибо одной знакомой, она дала мне билет, а то ведь в первые дни посетителей не пускают, а потом билеты стоят недешево. Я так люблю книги, а русские книги здесь очень дороги. Знаете, в моей молодости Гумилев был вроде как запрещен. И Северянина практически не печатали. Скажите, неужели на это еще есть спрос?

– Есть, конечно, есть, нельзя сказать, что огромный, но... Во всяком случае, наши издания не залеживаются, правда, у нас и тиражи небольшие...

– А вы, простите, кто?

– Я? В каком смысле?

– Ну вы редактор, директор?

– Я и директор, и главный редактор, и хозяйка, – с гордостью заявила Ангелина.

– О боже, и все это в одном лице? У вас маленькое издательство?

– Да, маленькое, мы, конечно, некоторым образом зависим от крупной издательской фирмы, ну распространение и все прочее, но политику проводим самостоятельную. Я предпочитаю издавать не так много, но никаких этих массовых авторов... Пока получается, но что будет дальше, кто знает. Извините, а как ваше имя-отчество?

– Маргарита Романовна, а вас как звать-величать?

– Ангелина Викторовна, а это моя помощница Тамара.

Мака недовольно поморщилась, она не любила свое имя, ей больше нравилось быть Макой.

– Ангелина Викторовна, – к стенду подошел главный редактор издательства «Минимум» с каким-то иностранцем, – позвольте вам представить моего друга Штефана из Венгрии...

Ангелина извинилась и вступила в разговор с венгром, вполне прилично говорившим по-русски. Разговор был сугубо профессиональным и деловым. Она хотела пригласить его сесть за столик, но там расположилась Маргарита Романовна и вести беседу при ней было как-то не очень ловко. И она предложила ему присесть на ящик под стендом. Когда минут через пятнадцать венгр ушел, присутствие Маргариты Романовны вдруг стало раздражать Ангелину. Она еще раз извинилась перед ней и вышла на открытую галерею, где во множестве расположились торговцы сувенирами. Черт, какой собачий холод! И совсем не хочется смотреть на прилавки. И вообще, хочется вернуться к себе на стенд и чтобы там не было этой Маргариты. Гелька, ты что с ума сходишь, сама же ее пригласила, старушка одинока, ей, видно, не с кем поболтать по-русски, а ты бесишься. А чего беситься? Пойди и скажи честно: извините, дорогая Маргарита Романовна, но мне надо работать. Или она не поймет? Думает небось, что это за работа, одна болтовня? Но нет, она вроде продвинутая, книги любит, Гумилева, а ты, Гелька, просто дура! Какая-то тетка пожелала тебе удачи, ты и растрогалась. Конечно, растрогалась, еще бы не растрогаться, если все вокруг тебе пророчат только всякие гадости! Поневоле от первого доброго слова рассиропишься... Нет, растекаться в сироп не стоит, надо просто воспринять добрые слова этой тетки как первую ласточку... Теперь тебе будут говорить много добрых слов... В конце концов, официальное открытие будет только завтра, а тебе уже сказали добрые слова... – уговаривала себя Ангелина, трясаясь от холода.

– Гелечка, вы что тут мерзнете? – спросил ее симпатичный пожилой художник из «Грифа».

– Так, на нервной почве, – стуча зубами, ответила она.

– Да вы простудитесь, идите в помещение!

– Да, в самом деле, спасибо!

На стенде Маргариты уже не было.

– Ангелина Викторовна, вы же сами ее пригласили, – смеялась Мака, наливая ей горячий чай из термоса. – Так почему убежали? Она вполне милая, только вот всю пастилу слопала. А так очень даже славная

старушка.

- Да знаю, она обиделась?
- Кажется, нет, просто поняла, что пастилы больше не дадут, а еще я ей посоветовала заглянуть на стенд «Серебряного века».
- К конкурентам спланировала? – улыбнулась Ангелина.
- Вот именно.
- Ты иди поешь, а я тут побуду!
- Да ну, Ангелина Викторовна, пошли вместе, Артур присмотрит, правда, Артурчик?
- Да-да, не волнуйтесь, я никуда не уйду!
- ...Нравится тебе тут? – поинтересовалась Ангелина, откусывая длинную франкфуртскую сосиску.
- Где? В кафе? – уточнила Мама.
- Да нет, на ярмарке.
- Не то слово! Просто кайф в чистом виде, так интересно! Сегодня будет пресс-конференция Болотина, вы пойдете?
- Да нет, мне он совсем не интересен.
- А можно я пойду? Она в шесть часов начинается.
- Да ради бога, я сама уберу книги.
- Нет, зачем? Я без пятнадцати уберу и успею к началу.
- А что это ты так плохо ешь?
- Аппетита нет.
- Влюбилась! Чтобы у тебя не было аппетита, я такого не помню.
- Я тоже! – радостно воскликнула Мама. – А вы верите в любовь с первого взгляда?
- Пожалуй.
- И сами влюблялись с первого взгляда?
- Сама? Нет. Со второго было, а с первого...
- Ой, Ангелина Викторовна, а вы правда думаете, что у нас может что-то получиться?
- Откуда я знаю? Но в принципе почему бы нет?
- Вы только маме ничего не говорите, ладно?
- Так пока и говорить нечего, – рассмеялась Ангелина. – Ты решительно не хочешь вторую сосиску?
- Решительно!
- А я возьму. Я ни в кого не влюблена и хочу есть.
- Неужели вы ни в кого не влюблены?
- Нет.
- Но почему? Вы такая интересная женщина!

– Да не в кого мне влюбляться. В нашем издательском бизнесе с мужиками напряженно.

– Почему? Сейчас масса мужчин занимаются...

– Так это они с виду мужчины, а на самом деле... Ну их!

– А почему вы решили, что Головин положил на меня глаз?

Боже мой, ничего не меняется в этом мире! Вот и я когда-то задавала такие же дурацкие вопросы. А хотелось бы мне опять влюбиться? Наверное, только мне некогда. Да и потом, я с первого взгляда не умею, а со второго в моем возрасте сразу видишь кучу недостатков – и куда уж тут влюбляться. Влюбленность – это иллюзия, а со второго взгляда какие иллюзии...

– Ну, Ангелина Викторовна, вы мне не ответили!

– Извини, я задумалась. Так что ты спросила?

После долгого, основательного итальянского обеда друзья намеревались погулять по городу, но опять начал накрапывать дождь, и они отправились в бар.

– Слушай, а как же ты поедешь? – беспокоился Федор Васильевич.

– А я не поеду сегодня, переночую у одного приятеля и завтра утром вернусь.

– Так надо позвонить Римме!

– Позвоню, в чем проблема? Расслабься, Федюня, живи спокойно и получай от жизни удовольствие.

– Обычно я так и делаю, а тут что-то мне нейдет...

– Может, это из-за рыженькой Маки?

– Может быть...

– У тебя проблемы с бабами?

– Да вроде нет. Слушай, а куда бы мне ее завтра пригласить?

– На какой предмет?

– Ну для начала пообедать или поужинать, а там видно будет.

– Значит, речь просто о хорошем ресторане?

– Ну да, что-нибудь местное, специфическое...

– О, я знаю! Гениальное местечко! Я только не помню, как оно называется.

– Здравсте, приехали!

– Не проблема! Берешь такси и говоришь шоферу...

– Говоришь! На каком языке я буду с ним говорить?

– Ерунда! Предоставь это Маке, она отлично говорит по-немецки. Ресторан в старом городе, где подают апфельвайн, этого достаточно.

- Что?
- Яблочное вино!
- Сидр, что ли?
- Нет, какой там сидр! Сидр сладкий и шипучий, а тут настоящее яблочное вино.
- Именно вино, не водка, как там ее звали у Ремарка или Хемингуэя?
- Кальвадос, что ли?
- Ну да.
- Нет, именно вино, несладкое, ароматное, прелесть просто. Я, дурак, забыл про это заведение... И кормят там вкусно, такая добротная, простая немецкая жратва. Тебе понравится, я уверен.
- И ты полагаешь, что достаточно сказать таксисту...
- Совершенно уверен!

В гостиницу Федор Васильевич попал поздно, и трезвым его никто не считал бы. Однако он благополучно поднялся к себе, напрочь позабыв о гранатовой сережке, лежащей в кармане.

Проснулся он рано и первым делом вспомнил о Маке. Черт возьми, как забавно вчера она материализовалась! Только я вообразил себе пухленькую рыженькую, как вот она... И она обратила на меня внимание, так что зря я вчера беспокоился. Я вчера вообще что-то много беспокоился. А сегодня все, свободен как ветер, никаких обязательных мероприятий. Надо бы, наверное, сходить в дом Гете, но что-то не хочется никаких музеев! А вот Маку я хочу! Только имя мне не нравится, какая-то собачья кличка. Мака! Мака-макака! Мака-собака! Напрашивались и вовсе некрасивые рифмы, но он просто решил, что потом придумает, как звать такую милую, аппетитную девушку. Сколько ей может быть лет? На вид не больше двадцати трех, ну максимум двадцати пяти. Самое оно! Это уже не юность, не молочно-восковая спелость, всегда вызывавшая в нем некоторый ужас, но еще и не зрелость! Это просто наглая, дивная, восхитительная молодость, а, учитывая явную бойкость и наше время, наверняка есть уже некоторый опыт, одним словом, то, что надо! Может, с ней и поговорить найдется о чем, все-таки работает в издательстве. Федор Васильевич, вперед и с песней!

Он вскочил, отжался двадцать пять раз – необходимый минимум, дома он отжимается по пятьдесят раз – и принял душ. Потом быстро оделся и побежал вниз завтракать, он здорово проголодался. Там никого не было, только известный детский писатель, с которым его вчера познакомили. Федор хотел было к нему подсесть и поговорить, но тот сделал вид, что не узнал его, и даже не ответил на приветствие. Ну и черт с ним! Если он

завистливый дурак, кому он нужен? Только не мне.

Но, позавтракав, он подумал, что, может быть, этот детский писатель просто близорук? После еды он вообще добродушнее относился к жизни и людям.

На улице было холодно. Светило солнышко, неяркое, октябрьское, средневропейское, но все равно солнышко! И никуда не надо спешить, никто и нигде его не дожидается, времени навалом, деньги есть, и еще есть Мака, она, наверное, все-таки ждет его... Пойти, что ли, погулять по Висбадену, поглядеть, что это за город при свете солнца, но ноги сами понесли его к вокзалу. Погуляю по Франкфурту, тоже интересно; кстати, надо бы купить себе новый свитер, да и хорошие туфли не помешают... Нет, глупости, что я буду целый день гулять с пакетами? Бред!

Он и сам не заметил, как очутился на ярмарке. В этом есть что-то завораживающее. Огромные холлы, бесконечные переходы, эскалаторы, движущиеся дорожки, толпы народу, разноязыкий говор, а он здесь не посетитель, он как бы находится внутри процесса, и это здорово, это так интересно! Только бы не заблудиться, но он хорошо ориентировался и быстро нашел российский павильон. Вот внутри павильона сориентироваться было уже сложнее, но он помнил номер стенда издательства «Фатум». Однако сейчас еще рано идти к Маке, она может невесть что вообразить, а это ни к чему. Похожу тут, послоняюсь, может, знакомых встречу. У него было еще мало знакомых в этом мире. Но просто посмотреть, что издают, тоже интересно, к тому же тут много каких-то мероприятий. Он довольно долго слонялся по павильону, и ему все страшно нравилось. Но вот он услышал усиленные микрофоном голоса и, свернув за угол, увидел небольшую трибуну, сплошь забитую зрителями, и столик, за которым сидело человек шесть, среди которых было несколько знакомых по телевизору лиц. Он прислушался и понял, что разговор идет о политике, разговор яростный и неприятный. Нет, не хочу!

Он еще раз свернул за угол и увидел столики, как в кафе, и стойку, микрофон, хорошенькую смуглую девушку, пожилого мужчину, чем-то явно озабоченного, и второго, лет сорока, который усиленно кокетничал с девушкой. Зрителей не было. Федор присел, ему стало интересно, что тут будет. Пожилой то и дело встревоженно поглядывал на часы. Но вот за столик рядом с Федором сели две женщины, одна из которых оказалась дамской писательницей. Она приветливо ему кивнула, продолжая довольно весело беседовать со своей спутницей. Время шло, никто больше не появлялся, и лицо сорокалетнего ловеласа постепенно каменело, хоть он и продолжал улыбаться, но улыбка больше напоминала оскал. Ага, тут что-то

срывается, видимо, этот ловелас должен был выступать, а публики нет. С другой стороны, рядом, буквально в шаге отсюда, происходит пресс-конференция известных личностей, да еще с политическим уклоном. Не повезло тебе, браток! Федор поставил себя на его место и ему стало почти дурно. Он проникся глубоким сочувствием к собрату по перу и безмерной благодарностью к руководству издательства «Гриф» за то, что его не поставили в такое кошмарное положение. Он не знал, кто этот человек, но ему не позавидуешь! Однако тот держался мужественно, сумел даже справиться со своим лицом и весело болтал со смуглой красоткой. Чего нельзя было сказать о пожилом, он с угрюмым видом подошел к дамской писательнице и разразился гневной тирадой в адрес организаторов. Как можно назначать на одно и то же время, да еще и в непосредственной близости друг от друга два столь разных по значению и уровню мероприятия! А торжественное открытие, одновременно с которым должна была состояться пресс-конференция старого, заслуженного-перезаслуженного и весьма обидчивого художника, на которую попросту никто не явился! Возмутительно! Произнеся все это, он в изнеможении рухнул на стул, но буквально через минуту вскочил и куда-то умчался, дамы засеменили за ним. А герой несостоявшегося мероприятия вручил визитку смуглой красотке и удалился с независимой улыбкой. Молодец. Хотя, наверное, пойдет сейчас налижется. Я бы поступил именно так.

– Ой, Мака, вы сегодня такая красивая! – восхищенно пролепетал Артур. – Вам так идет зеленое...

– Артурчик, мы вчера были на «ты», – кокетливо улыбнулась Мака. Ей приятно было услышать очередной, далеко не первый сегодня комплимент. А Ангелина даже повела ее на галерею и купила в подарок бусы из зеленого оникса. Мака была поражена.

– Зачем вы, Ангелина Викторовна? – смущенно бормотала она, теребя подаренные бусы.

– На счастье! – улыбнулась Ангелина.

Мака растрогалась и в очередной раз восхитилась Ангелининым вкусом – бусы, хоть и совсем простые по форме, удивительным образом делали ее незамысловатую кофточку не просто красивой, но стильной. Интересно, это врожденное или можно научиться? Она всегда знала, что Ангелина хорошо к ней относится, вот и на работу к себе взяла, и продвигает всячески, и даже сюда привезла, где, может быть... Нет, ничего загадывать не буду, но она мировая тетка, эта Ангелина! Мака помчалась в туалет, чтобы поглядеть на себя в большое зеркало, и на обратном пути

вдруг увидела Головина, который одиноко сидел на стуле, задумчиво и без видимого интереса глядя на какого-то мужчину у стойки, который кокетничал со смуглой девицей. Или он смотрел на девицу? Нет, непохоже.

Ей захотелось подойти, спросить, что он тут делает, или даже погладить его по голове, как маленького... Но она взяла себя в руки, припомнила все, чему ее учила мама, – никогда не навязываться мужчине или уж делать это так, чтобы он ничего не понял. И она побежала к себе на стенд, радуясь, что он, по крайней мере, уже здесь!

Однако прошло не менее двух часов, прежде чем Головин появился у них на стенде. Мака уже потеряла надежду.

– Привет! – сказал он.

– Здравствуйте! – вспыхнула Мака.

Он с удовольствием отметил, какая она сегодня хорошенькая.

– Ну, Мака, чем похвастаетесь? – спросил он, озирая стенд. В отличие от большинства других стендов, здесь не было ярких лаковых обложек, кричащих красок и аляповатых золотых заголовков. Все строго, стильно, изящно. Скоро прогорят, решил Федор. Разве на таком изыске продержишься в наше время? Но, разумеется, ничего этого не сказал, а взял в руки томик Мандельштама, пролистал его, поставил на место. Он не понимал Мандельштама. А следовательно, не любил. Он вообще не очень любил стихи. Неужто они печатают только стихи? Нет. Ага, вот и проза, Набоков.

– Вы любите Набокова? – спросила Мака, чтобы хоть что-то спросить.

– Набокова? Да, пожалуй, нет.

– А кого вы любите?

– Гоголя люблю. Лескова люблю.

– А Достоевского?

– А надо? – засмеялся он.

– Что? – не поняла Мака.

– Чтобы вам понравиться, обязательно любить Достоевского? Или проканиает и так?

Мака на мгновение опешила, а потом залилась звонким смехом:

– Проканиает! И так проканиает!

– Вот и отлично! Тогда обедаем вместе!

– Ну я не знаю... – замялась Мака, – это зависит...

– Ладно, но ужинаем точно вместе?

– Да, ужинаем точно! – У нее все внутри дрожало от восторга.

– Вы когда заканчиваете?

– В шесть.

– Отлично, в шесть я за вами зайду. Если немного задержусь, не обессудьте, я в незнакомом городе могу и заблудиться.

– А вы на всякий случай запишите мой мобильный.

– И правда. Мака, вы говорят, хорошо знаете немецкий?

– Ну да, а что?

– Нам это может пригодиться! Тогда до встречи?

– Да, спасибо вам.

– Господи, за что?

– За приглашение!

– Есть о чем говорить, пока, Мака!

И он ушел, а она осталась. В полном и совершенном восторге. Интересно, куда он ее поведет? И как все это будет? И что будет потом?

– Мака, вы что это так сияете? – спросил ее подошедший Артур. Он не видел Головина.

– Есть причины, – загадочно проговорила девушка. – Артурчик, я на минутку уйду, мне надо раздобыть одну книжку...

И она сломя голову кинулась к стенду «Грифа».

– Ой, извините, у вас можно купить книжку Головина?

– Можно, – кивнула девушка. – Вам все равно какую?

– Все равно!

За книжку пришлось выложить шесть евро. Сегодня она возьмет у него автограф. Улучит подходящий момент, когда он поест, выпьет, и тогда он напишет ей что-нибудь такое... нежное... и пусть даже ничего особенного сегодня не случится, но автограф у нее останется. Нежная, проникновенная надпись, что-нибудь романтическое... Подружки в Москве лопнут от зависти.

– Приходил? – с ходу осведомилась Ангелина, увидев свою помощницу.

– Да.

– То-то ты вся светишься. Ну и что?

– Приглашал обедать, но я отказалась.

– Почему?

– А он на ужин пригласил.

– О! И куда пойдете?

– Не знаю, он не сказал. В шесть зайдет.

– Он наши книги смотрел?

– Не очень... Повертел Мандельштама, потом Набокова, сказал, что не любит Достоевского...

– Имеет право, – улыбнулась Ангелина и вдруг остро позавидовала

тому сиянию, той молодой радости, которая так и плескалась в зеленоватых Макиных глазах. Неужели для меня это уже пройденный этап? Но любовь и свое дело несовместимы, а дорожке издательства у нее ничего не было.

– Очень за тебя рада. Только не надейся на глупостей.

– Постараюсь, – не очень уверенно ответила Мака.

– Ты сейчас иди перекуси, а то потом у меня встреча в четвертом павильоне.

– Я не хочу есть.

– В предчувствии ужина с модным писателем?

– Нет, просто...

– Мака, ты второй день не хочешь есть, я за тебя беспокоюсь, а что скажет мама? Что я заморила тебя голодом?

– Ну, Ангелина Викторовна, хватит вам смеяться... – надула губки Мака. Но глаза ее продолжали светиться сумасшедшим восторгом. Совершенно щенячьим.

– Да боже меня упаси! Я просто немножко завидую... Я уже не в состоянии так радоваться... Ничему, наверное.

У Маки сжалось сердце. Она знала, отчего Ангелина утратила способность радоваться. Но предпочла сделать вид, что не поняла.

– Вы еще влюбитесь и тоже будете сиять! Вы ж еще нестарая...

– Ну спасибо, утешила!

Ангелина задерживалась. Уже начало шестого, а ее все нет! Она обещала сама закрыть стенд, но все-таки уйти без нее будет неловко. Ну, может, Головин согласится немножко подождать...

Ровно без четверти шесть Ангелина появилась:

– Ну что, не пришел?

– Нет, рано еще, – с облегчением выдохнула Мака. – Убираем?

– Нет, я сама уберу, ко мне еще должна зайти одна дама из Израиля, она завтра утром уезжает и хочет взглянуть на наш стенд, обещала быть не позже четверти седьмого. Так что беги в туалет.

– Зачем?

– Причешись, подкрасься чуточку.

– Ой, да, спасибо, я что-то сдурела!

– Не рановато ли?

Мака в ответ только счастливо рассмеялась.

Яблочное вино оказалось необыкновенно вкусным и пилось легко, как лимонад. Стоило им сесть на лавках друг против друга, как кельнер тут же

поставил перед каждым по большущему стакану желтого ароматного напитка и лишь после этого подал меню.

– Ну, Мака, чем тут кормят? Полагаюсь на вас, я все равно ни черта не пойму!

– А я вам буду переводить!

В результате они заказали какие-то салаты, свиное жаркое и, разумеется, еще вина. Все оказалось вкусно, как-то по-домашнему и без затей, именно то, что любил Федор.

– Вам нравится, Мака?

– Супер! Но я уже пьяная!

Ничего ты не пьяная, как можно опьянеть от этой яблочной прелести? Ты просто влюблена, девочка, полна каких-то своих девичьих ожиданий, думал он, глядя на Маку. Ему уже не хотелось придумывать ей другое имя, он как-то с ним свыкся, оно уже казалось милым, детским, и вообще она чем-то напоминала ему любимую пятилетнюю племянницу Шурку, такая же пухленькая, вся словно в детских перевязочках... И едва он вспомнил Шурку, как утратил к Маке сексуальный интерес. Она милая, неглупая, но еще совсем девчонка, что она знает о жизни? Хотя зачем мне ее знания, я и сам многое в этой жизни знаю, а она чистый лист... Чистый лист должен привлекать писателя, странно, никогда в жизни до тех пор, пока я не начал писать, чистый лист меня не привлекал. А теперь все изменилось. Значит, и Мака должна меня привлекать... Она такая хорошенькая, и грудь так аппетитно колышется под зеленой кофточкой.

– Федор Васильевич, о чем вы задумались?

– О тебе, Мака! Ох, простите, я...

– Нет, ничего, можете говорить мне «ты», если вам так проще... Федор Васильевич, расскажите о себе!

– О себе? Что же тебе рассказать?

– А что хотите, мне все про вас интересно! Говорят, у вас очень романтическая биография.

– Кто же это говорит?

– Я не помню... Или я где-то читала...

Она хорошая, без затей, ничего из себя не строит, не притворяется и кокетничает так наивно, вся как на ладони, протяни руку и бери. Это как-то озонирует душу... Вот и хорошо, пусть будет, но спать с ней не надо. Пока, во всяком случае. Да и как это осуществить? Она тут, я в Висбадене, будь он не ладен. Везти ее туда, в эту келью? Идти к ней? Снять номер во время ярмарки, по-видимому, нереально, да и зачем? Отложим до Москвы. Да, друг Федор, старый ты стал! Раньше такая чепуха тебя не могла бы

остановить, раньше ты уж изыскал бы возможность трахнуть эту девочку, не думая об удобствах. Так то раньше...

Как странно он на меня смотрит, как будто прикидывает что-то, думала Мака.

Но тут кельнер принес по третьему стакану вина.

– Ой, я, наверное, не выпью столько! – засмеялась Мака.

– Ну немножко-то можно, а допивать совсем не обязательно.

Они сидели друг против друга на краю длинного стола, и через некоторое время к ним подсели четыре женщины. Немолодые, ничем не интересные немки.

– Федор Васильевич, – набралась храбрости Мака, – у меня тут ваша книга, вы не могли бы мне что-то написать?

– С удовольствием! – И, ни на секунду не задумавшись, он написал: «Прелестной Маке от одурманенного ею и яблочным вином автора».

Ах, как она обрадовалась, как залилась краской, покраснела даже ложбинка между грудями, под невесть как расстегнувшейся пуговкой. Нет, в Москве я ее точно трахну, а там, может, и женюсь...

– Мака, а что ты закончила? – сам не зная зачем, спросил он.

– Филфак, романо-германское.

– И что ты вообще делаешь в неярмарочное время?

– Работаю редактором в «Фатуме».

– Тебе твоя работа нравится?

– Очень.

– А замуж не хочешь?

– Замуж? – У девочки побелели губы и краска стала медленно сползать с лица.

– Ты была замужем?

– Нет, что вы... – испуганно пробормотала она.

– А выходи за меня замуж!

– Это вы так шутите? – справилась с испугом Мака.

– Нисколько! Я, конечно, староват для тебя, но... Чем черт не шутит. Может, мне именно это и нужно, твоя молодость, красота... Мы совсем незнакомы, но ведь тем лучше, будем что-то открывать друг в друге... У меня хороший характер, я нетребовательный... У нас может быть масса общих интересов, в конце концов, мы занимаемся практически одним делом...

В этот момент он словно видел и слышал себя со стороны, но не слишком удивлялся своим речам, ему вдруг показалось, что брак с этой девочкой – спасение для него, хотя не очень ясно от чего, собственно, надо

его спасать...

– Федор Васильевич, вы, может быть, выпили слишком много вина? – осмелилась предположить Мака.

– Думаешь, такой бугай, как я, настолько опьянел от трех стаканов фруктового пойла? Нет, просто... Знаешь, я позавчера нашел в гостинице на лестнице сережку... Где она у меня, ага, вот... – Он достал сережку из кармана, но держал ее зажатой в руке. – Так вот, я нашел сережку и стал воображать, кто ее потерял, как выглядела эта женщина, и представил себе, что она такая, как ты... Молоденькая, пухленькая, рыженькая – словом, прелестная, и вдруг в тот же день увидел тебя наяву... Это, знаешь ли, производит впечатление. Это было как... как...

– Как воплощение мечты? – рискнула подсказать Мака.

– Вот именно! Умница! Так что, пойдешь замуж?

– Да! Да! – восторженно воскликнула Мака. Господи, не может быть... Все подружки просто ошизеют, а мама... Наверное, мама обрадуется, ей нравятся его книжки, да и вообще, зять – известный писатель...

– Мака, хочешь еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо... Я...

– Ты не бойся, я не передумаю... Ты мне нужна, Мака!

– И вы мне... Я с первого взгляда... поняла... что-то будет... Но так быстро...

– Тебя это пугает?

– Нет!

– Молодец, храбрая девочка!

Она восторженно улыбнулась. И зазывно, ах как зазывно!

– Может, пойдём отсюда, а? Тут эти тетки галдят... Знаешь, я непременно напишу рассказ «Вино из яблок». Ты скажи кельнеру, чтобы принес счет.

– Федор Васильевич, покажите сережку.

– Ах да, – он разжал руку. – Вот, гляди...

– Ой, это же Ангелинина сережка!

– Ангелинина? С чего ты взяла?

– У нее точно такие же... Завтра спрошу, она не говорила, что потеряла.

– Но что она делала в висбаденской гостинице?

– Ну мало ли к кому она могла приехать... Но, конечно, может, это и не ее. Чешские гранаты не такая уж редкость.

– В самом деле, спроси. На вот, возьми, если не ее, вернешь мне, я отдам портье.

Мака сунула сережку в сумочку. Тем временем кельнер принес счет, Федор Васильевич расплатился. Нежадный, подумала Мака, прикинув, сколько он дал на чай. Она все боялась поверить своему счастью, хотя вообще-то была достаточно самоуверенной девушкой. Но тут и вправду принц из сказки. Хотя авторы для редакторов редко бывают принцами, но он ведь не их автор... У них живых авторов вообще раз-два и обчелся.

– Знаешь, постой-ка тут минутку!

Он нырнул за занавеску у выхода. А она стояла во дворике, где одуряюще пахло прелыми яблоками. Ага, вон их целая куча лежит. Выходит, это вино прямо тут делают, что ли? Неужели сейчас появится мой будущий муж? Господи, как это все будет? И надо ли кому-нибудь говорить об этом? Нет, буду молчать как партизан на допросе, чтобы не сглазить. Но ведь чудеса все-таки случаются, вон Натэлла с нашего курса вышла замуж за знаменитого канадского хоккеиста. Приехала в Канаду на неделю к подруге и вернулась оттуда уже невестой. А какая у них была свадьба! А у нас свадьбы не будет, скорее всего. А хочется... белое платье, цветы в волосах... мне пойдет. Но он наверняка не захочет или согласится только ради меня... А это не нужно... Господи, да о чем это я? Он небось сейчас пописает и забудет о своем предложении как о смерти... Ясно, что спьяну сболтнул...

– Ну что, невеста, заждалась?

Она опять вспыхнула.

– А тебе куда забежать не надо, а? Ты не стесняйся!

– Нет, спасибо, я бы не стала стесняться.

– Ох, умница! Вот что значит разница поколений. В мое время девушки стеснялись. Ты, кстати, знаешь, сколько мне лет?

– Конечно!

– И тебя это не пугает?

– Нисколечко.

– Мака, дай я тебя поцелую.

И он стал целовать ее, благо уже стемнело. А потом во дворике появилась шумная компания и спугнула их. И они пошли по вечерним улицам, взявшись за руки и болтая о какой-то чепухе.

– А мы не заблудимся?

– Федор Васильевич, я же могу всегда спросить дорогу.

– Нет, по этой улице мы не пойдем, она мне не нравится...

Так они и шли – по тем улицам, которые нравились ему. Иногда останавливались и целовались, самозабвенно и весело. Хохотали, сами не понимая над чем. Ему было хорошо и немного страшновато от ее

молодости. Но он и сам молодец рядом с нею. Наконец они вышли к реке, в воде отражались фонари. Они остановились на мосту.

– Знаешь, я ужасно люблю воду. Любую. Могу часами смотреть на реку, а уж на море тем более. Завораживает, и так хорошо думается... Но рядом с тобой думается только об одном, – вдруг охрип он. – Ты прости, я...

– Я все понимаю, – тихо сказала она.

– Но мы не будем спешить, да?

– Конечно. Если вы не передумаете... – голос у нее сорвался, – то...

– Что?

– То приходите ко мне в Москве, у меня двухкомнатная квартира, я живу одна.

– Мака, ты... Знаешь, мне сначала не нравилось имя Мака, а сейчас ужасно нравится. Оно такое же милое, как ты, оно тебе идет. Я напишу про нас повесть или рассказ и назову...

– Вы уже говорили, «Вино из яблок» да?

– Нет, «Вино из яблок и воды Майна».

– Красиво. И о чем он будет?

– Я же сказал – о нас, о девочке, в которую вдруг влюбился немолодой мужик и сделал ей предложение, а она боится, что это спьяну, потому что тоже влюбилась в него... Ты же влюбилась в меня?

– Да.

– И боишься, что я сделал тебе предложение спьяну?

– Боюсь, – тихо ответила Мака.

– Напрасно.

Он вдруг вытащил из кармана мобильный телефон:

– Сейчас еще не поздно звонить твоей маме?

– Маме? Зачем? – перепугалась Мака.

– Чтобы попросить у нее твоей руки. Говори номер!

– Мама, наверное, уже спит.

– Ничего, разбудим ради такого дела!

– А давайте позвоним утром...

– Боишься, что я к утру передумаю и только зря переполошу твою маму? Почему ты такая недоверчивая?

Он вдруг расхохотался.

Ее бросило в жар. Что это с ним?

– Я понял, я все понял... Знаешь, у нас в гостинице живет одна тетка, пишет какие-то дамские романы, я на стенде видел, один ее роман называется «Все мужики козлы»! Ты тоже так считаешь?

Она засмеялась. Но ничего не ответила, видимо, была согласна с дамской писательницей.

Его это умилило. Его сейчас все умиляло.

– Я, вероятно, тоже все-таки не подарок, но поверь, я никогда вот так, с ходу, с первого взгляда... правда, Мака, ты мне нужна. Пока тебя не встретил, не знал, чего хочу, а вот увидел и понял... Ну что, звоним маме?

– Наверное... Да! Да!

Он опять умилился.

– Мама, это я! Мамочка, я так тут счастлива! Да, да! Мама, погоди, с тобой хочет поговорить один человек, помнишь, ты читала «Медленно, но верно»? Это Федор Васильевич Головин, да, и он хочет тебе что-то сказать!

– Добрый вечер, Мария Дмитриевна, это Головин.

– Добрый вечер. – В красивом, чуть хрипловатом голосе мамы звучало недоумение.

– Мария Дмитриевна, я... Я прошу у вас руки вашей дочери. Вам это может показаться чересчур скоропалительным решением, но... Так иногда бывает в жизни... Увидели друг друга, и все.

– Вы пьяны, молодой человек?

– О нет, все не так, Мария Дмитриевна. Я не пьян, всего несколько стаканчиков натурального яблочного вина, и я уже немолодой человек... Мне сорок четыре, но тем не менее я влюблен как бобик! И прошу вас...

– Послушайте, вы, немолодой человек, мне плевать, сколько и чего вы там выпили, но по телефону такие дела не делаются. Вот вернетесь в Москву, приходите, познакомимся и поговорим. Передайте-ка трубку Маке, и всего наилучшего.

– Мама, мамочка, я такая счастливая, да, ладно, пусть так, но ты подготовь папу и бабушку, пожалуйста! Мама, он такой хороший! – совершенно по-детски воскликнула она. А он снова умилился. Он понял, что Мария Дмитриевна хотела сперва наговорить ему гадостей, но потом, видимо, сменила гнев на милость. Боится, что Мака уже засиделась в девках? Теща – это момент существенный. Но нам, слава тебе господи, не придется жить с ней под одной крышей, и у меня хватит ума и такта, чтобы наладить с ней нормальные отношения. По крайней мере, я надеюсь на это.

Мака протягивала ему телефон:

– Федор Васильевич...

– Что это еще за Федор Васильевич? Я же твой жених, зови меня просто Федей или, на худой конец, Федором.

– Федя, поцелуй меня еще!

Мака проводила Федора на вокзал, дождалась отхода поезда и в состоянии, близком к помешательству, побрела пешком в гостиницу. Она то и дело щипала себя, не приснился ли ей этот сказочный вечер? Если бы ее спросили сейчас, что такое счастье, она бы не задумываясь ответила: «Сегодняшний вечер!» Она могла предположить все что угодно, но только не такое развитие событий. Впрочем, она то и дело одергивала себя. Утро вечера мудренее. Не надейся пока ни на что, не верь... Но так хотелось верить...

– Мака! – вывел ее из раздумий голос Ангелины. – Где тебя черти носят и что все это значит?

Мака словно очнулась:

– Что? Вы о чем, Ангелина Викторовна?

– Мне звонила твоя мать, она в панике!

– А... Ангелина Викторовна, это все правда...

– Что правда?

– А что вам сказала мама? – поосторожничала Мака. А вдруг мама звонила Ангелине раньше, еще до их звонков? Мало ли что бывает, а ей не хотелось выдавать свою тайну.

– Что Головин просил твоей руки!

– Правда... Это вы мне удачу принесли, ваши бусы... вы так искренне пожелали мне счастья...

И она бросилась в объятия Ангелины Викторовны.

– погоди, Мака, но ведь это чушь! Он, вероятно, был пьян.

– Нет, мы пили только вино.

– Налиться можно и вином.

– Нет, он не нализался, он просто был веселый... Он такой... я умираю от счастья, Ангелина Викторовна!

– А если завтра утром он проснется и даже не вспомнит?

– Вспомнит! Может, ему это будет неприятно, но вспомнить он вспомнит. Вы не думайте, я все понимаю! И про разницу в возрасте, и про то, что с бухты-барахты... Но разве так не бывает, чтобы с первого взгляда? Бывает, я знаю! А даже если ничего и не будет, все равно...

– Что – все равно?

– Все равно сегодняшний вечер никуда уже не денется, его никто не отнимет!

– И тебе этого будет достаточно?

– Нет! Но обида, она забудется, а то, что было сегодня, – никогда.

– Это смотря какая обида... Иная обида перешибет любые приятные воспоминания, поверь мне, – с горечью сказала Ангелина Викторовна. – У

вас уже что-то было?

– Нет, мы только целовались. И он сказал маме, что влюблен как бобик, – счастливо расхохоталась Мака.

Ангелина смотрела на нее с грустью.

– Ангелина Викторовна, а как вам показалось, мама настроена против него?

– О нет, насколько я поняла, мама просто немного напугана такой внезапностью, но...

– Супер! Я уверена, он ей понравится, и бабушка будет в восторге, а вот папа... Но папы сейчас нет в Москве, а когда он вернется... Мы поставим его перед свершившимся фактом.

– Мака, давай все-таки до утра не будем торопиться с мечтами и планами.

– Да, вы правы, ой, Ангелина Викторовна, я чувствую, что все-все будет прекрасно, замечательно... Я чувствую, у меня интуиция...

– Дай тебе бог!

Но утром Федор Васильевич не передумал. Он проснулся в таком превосходном расположении духа, что даже тесный и неудобный гостиничный номер показался ему прелестным уголком. Вы влюблены, друг мой Федор Васильевич, по уши влюблены, и вам, похоже, отвечают взаимностью! А тут еще в чердачное оконце проник солнечный луч и жизнь показалась ему поистине прекрасной. И это благодаря Маке, моей Маке! Интересно, она понравится Дуське? Дуськой звали его младшую сестру Евдокию, которую он весьма почитал за ее рассудительность и вообще нежно любил. А еще он любил своих племянников, Федьку-младшего, умнейшего парня двенадцати лет, и маленькую толстую Шурку. Это была его семья. Дуська одно время пыталась женить его на ком-то из своих многочисленных подруг и приятельниц, но, когда все приемлемые кандидатуры были им забракованы, махнула на брата рукой.

– Все, я умываю руки, – заявила она. – Ищи сам!

И вот он нашел Маку! Какое прелестное, веселое существо, открытое. С ней легко будет жить, о ней приятно будет заботиться, покупать подарки. Интересно, она уже встала? Ах, как хотелось бы очутиться сейчас рядом с нею...

Наслаждаясь всеми этими не слишком глубокими мыслями, он пошел бриться. А что, я еще вполне гожусь в женихи! Двадцать с половиной лет разницы... Ничего рокового. Мне будет шестьдесят, ей сорок, нормально! И быт устроится. Она, похоже, такая домовитая, уютная... Надо поскорее

ей позвонить, а то бедняжка небось терзается, не передумал ли этот старый хрыч?

– С добрым утром, детка!

– Федор Васильевич! – восторженно отозвалась она.

– Довожу до твоего сведения, что все остается в силе и что я ужасно соскучился. Только не смей называть меня по имени-отчеству. И еще – когда увидимся?

Федор Васильевич вернулся в Москву на сутки раньше, чем Мака. И первым делом, войдя в свою холостяцкую квартиру, позвонил сестре. Дуська не работала, занималась воспитанием детей, домом и мужем Иваном.

– Федька, мы все время с ребятами отслеживали тебя по телевизору, но тебя не показали ни разу!

– Зачем я тебе по телевизору, имеешь шанс увидеть меня воочию! С подарками и потрясающей новостью!

– Новостью? С какой новостью? – всполошилась сестра.

– Так я тебе и сказал по телефону! Ужином покормишь, тогда расскажу!

– Приезжай скорее, мы собирались уже садиться, но подождем тебя! Иваныч, ужин откладывается, Федя приехал!

С легкой руки Федора Васильевича его тезку все звали Иванычем, так их легче было различать.

Дверь ему открыл свояк Иван:

– Ну, живой классик, добро пожаловать!

Они обнялись.

И тут же в прихожую высыпали остальные члены семьи. Дуська повисла у него на шее, Иваныч степенно жал руку, а Шурка ревела громким басом, пытаясь пробиться к ноге родного дядьки.

– Вы меня встречаете так, будто я не был в Москве по крайней мере год! – смеялся Федор Васильевич, впрочем растроганный и умиленный. Его сейчас легко было умирить.

– Ну, шурин, пошли ужинать, мы и так заждались, с голоду умираем! – сказал Иван. – Все рассказы и подарки потом, а то Шурке давно пора спать!

– Федя, мой руки – и за стол! – распорядилась Дуська.

– Зачем мыть руки, они у меня чистые!

– Не выдумывай!

– Так и быть, спасибо хоть ботинки снимать не заставляешь! – привычно ворчал Федор Васильевич.

Когда все уже сидели за круглым столом на просторной кухне, Дуся не выдержала:

– Феденька, какая у тебя новость?

– Нет уж, давай сначала поедим.

– А что, твоя новость испортит нам аппетит? – поинтересовался свояк.

– Тебе и детям – вряд ли, – засмеялся Федор, – а Дусе – запросто.

– Ты женишься? – испугалась сестра, отличавшаяся отменной интуицией.

– Представь себе!

– На немке? – воскликнул Иваныч. – Класс, будем к тебе в Неметчину ездить.

– Замолчи! – прикрикнула на него мать. – Федя, кто она?

– Она прелесть. Подробности после ужина.

– А совмещать ты не можешь? – взмолилась Дуся.

– Так я и знал! Ладно, вот смотри!

Он вытащил из кармана поляроидный снимок, сделанный кем-то на стенде издательства «Фатум». Мака и он.

– Боже мой, сколько ей лет? Восемнадцать есть? – простонала Дуся.

– Почти двадцать четыре, она редактор в издательстве.

– Дай-ка взглянуть, – потребовал Иван.

– И мне! – попросил Иваныч.

– А что, хорошенькая, аппетитная, прелесть просто! – восхитился Иван. – Свежачок!

– Рыжая, что ли? – спросил Иваныч.

– Она, кстати, чем-то на Шурку похожа, – заметил Иван.

– Глупости! – отрезала Дуся. – Она хищница! В ней есть что-то от рыси!

– Не ревнуй, Дусечка, у твоего брата хороший вкус. А что молоденькая, так это хорошо, нарожает тебе племянников! Ты же любишь детишек!

– У вас любовь? – обреченно вздохнула Дуся.

– Несомненно, причем с первого взгляда.

– Ну вот, так я и знала! Она, конечно, не москвичка? У нее нет жилплощади?

– Ничего подобного, самая что ни на есть коренная москвичка, со своей квартирой на «Аэропорте», живет одна, но у нее есть мама с папой и бабушка.

– Правда? – у Евдокии Васильевны словно камень с души свалился. Никто не покушается на имущество ее любимого непутевого брата. – А кто ее родители?

– Мама преподает иностранные языки, а папа строит мосты в Европе. И, кажется, еще туннели, что-то в этом роде. А бабушка когда-то играла на арфе в оркестре Большого театра. Ты удовлетворена?

– Но ты еще не сделал предложение?

– Сделал!

– А как ее родители отнеслись или они еще не в курсе?

– Ну почему же? Я по телефону просил ее руки.

– Мама дорогая, – схватилась за сердце сестра.

– А как ее звать? – вдруг басом осведомилась Шура, поначалу не проявлявшая ни малейшего видимого интереса к невесте дяди Феди.

– Да, в самом деле! – поддержала дочь Евдокия Васильевна.

– Мака! Ее зовут Мака!

– Маку в сраку! – вдруг пробасила Шура.

Все оторопели.

– Ты что сказала? – первым опомнился отец. – А ну вон из-за стола! Так я и знал, что детский сад до добра не доведет! Зачем, спрашивается, ты сидишь дома? Чтобы твоя дочь так выражалась?

– Она никогда раньше... Ах боже мой, она ж еще не понимает. Федя, но что это за имя такое?

– Тамара!

– Да, – задумчиво глядя на фотографию, проговорила Дуся. – Имя Тамара ей совсем не идет. Но это ужасно!

– Что? – не понял Федор Васильевич.

– Я теперь обязательно буду все время рифмовать ее имя как Шурка.

У него хватило чувства юмора, чтобы расхохотаться.

Когда Шурку наконец уложили спать, Иваныч занялся подарками, Иван отправился смотреть футбол, деликатно оставив Федора наедине с сестрой.

– Федечка, ну расскажи, какая она?

– Да что рассказывать, завтра она вернется, так что послезавтра я вас познакомлю.

И только тут он вспомнил про найденную сережку. Отдав ее Маке, он напрочь забыл о находке. Интересно, она показала ее Ангелине? Надо не забыть завтра поинтересоваться. Прямо в аэропорту. Он обещал встретить дам.

– Федечка, но она же такая молоденькая, о чем ты с ней говорить-то

будешь, когда первый угар пройдет, а? И вообще, она ж небось общительная, с кучей друзей, что ты с ними-то делать будешь, а? Или ей придется с ними расстаться? А это тяжело, она может не простить тебе этого...

– Ах боже мой, велика важность! Она меня любит!

– Так уж и любит! Влюблена просто, какая там любовь... Что она еще понимает... А дети? Ты детей-то хочешь?

– Да как тебе сказать...

– Понятно! Бедная девочка!

– Да почему бедная? Если она захочет ребенка, я возражать не буду. Вон твоя Шурка какая прелесть! И у нас такая же будет.

– Господи, какой ты еще легкомысленный, а тебе уж пятый десяток и седых волос сколько! Точно говорят – седина в бороду... Только ты ее с работы не срывай.

– А я и не собираюсь. Ты же знаешь, я люблю работать, когда никого нет. А если она станет петь на кухне...

– Петь? Она еще и поет?

– Нет, я просто помню, что Леля все время пела на кухне и в ванной. Я тогда еще ничего не писал, но меня это ужасно раздражало.

– Федечка, а ты с ней уже спал?

– Нет.

– Слава богу! Но что это с тобой?

– Да там условий не было.

– Стареешь, братишка. Раньше тебе никакие условия не были нужны, насколько я знаю. Ты, по-моему, только на водосточной трубе не трахался.

– Дуська, не хулигань!

– Нет, правда... Или у тебя с ней такая чистая, непорочная любовь?

– Не сказал бы.

– Слушай, Федька, а ты что, и свадьбу устраивать собираешься?

– Да нет, к чему?

– А девочка, наверное, захочет... Белое платье, фата, куча гостей, надо же предъявить всем родным и знакомым, а главное – подружкам, знаменитого писателя.

– Я не знаменитый!

– Знаменитый не знаменитый, а известный и популярный – это точно!

У Ивана на работе все тобой зачитываются.

Ему всегда было приятно слышать, что кто-то им зачитывается.

– Федь, а ты говорил, у нее квартира своя...

– Да, и что?

– Может, вам пожить пока врозь? Узнать друг дружку получше...
– Тогда на кой черт вообще жениться? – рассердился он.
– Вот и я думаю, на кой черт?
– Как интересно! Раньше ты все норовила меня женить.
– Так не на девочке же...
– Дуська, что ты заладила – девочка, девочка! Она прелестная взрослая женщина, красивая, желанная, веселая! Она тебе понравится, я уверен, вы еще будете дружить против меня!

– Дай-то Бог!

Бедная Мака, думала Ангелина Викторовна, ничего хорошего из этого романа не выйдет. Она вспомнила взгляд Головина, который он вдруг на нее кинул – пораженный, восхищенный и откровенный до ужаса. Это был только один миг, и, наверное, никто ничего не заметил, но ее бросило в дрожь. И какое счастье, что в аэропорт примчалась Натка и ей не пришлось ехать с Головиным и Макой.

– Слушай, Гелька, а что это за мужик был?

Она вздрогнула:

– Какой мужик?

– Ну тот, что встречал твою Маку?

– Писатель. Федор Головин. А что?

– Интересный... И ты его сразила наповал.

– Не выдумывай! – поморщилась Ангелина, но сердце почему-то нехорошо екнуло. – Он Макин жених, у них любовь с первого взгляда, и это было у меня на глазах. Сегодня двенадцатое, а они познакомились восьмого и уже собрались жениться, так что тебе померещилось.

– Тогда мне жаль эту Маку. Он, видно, тот еще кобель! Писатель-то хоть хороший?

– Вполне приличный, не более того.

– Ну по нашим временам это уже кое-что. Ладно, фиг с ним, расскажи лучше, как там во Франкфурте?

– Да все как всегда, только наших в этот раз было поболее... Мне это уже не слишком интересно. Было бы кого послать, я бы и не ездила сама.

– Ну а коммерческий успех есть?

– Вроде наметились кое-какие сделки...

– А Головина печатать не собираешься?

– Нет, – рассмеялась Ангелина, – он еще рылом не вышел!

– Ну рылом-то он, положим, вышел!

– Да ну тебя, Натка, что пристала? Он тебе глянулся?

– Мне глянулось то, что ему глянулась ты!

– Не выдавай желаемое за действительное, это твоя вечная болезнь. И вообще, меня что-то укачало. Отвяжись.

Она закрыла глаза и тут же увидела перед собой ошеломленные глаза Головина. И опять вздрогнула. Что это со мной творится? Только этого не хватало. Да ну, ерунда, ну посмотрел он на меня, мало ли кто на кого и как смотрит, ничего это не значит, равным счетом ничего. Но как странно, что именно он нашел мою сережку... Да ладно, какая разница, кто ее нашел, главное – она нашлась!

– Натка, а что у тебя? Ты здорово похудела! Выглядишь потрясающе!

– Второй месяц ксеникал пью.

– Это еще что?

– Новейшее средство для похудения! Швейцарское. Чудо просто, во все старые шмотки влезла и буквально летаю!

– Опять самолечением занимаешься?

– Не-ет, мне ксеникал врач посоветовал. А фокус в том, что примешь его – и все жирное и сладкое, что слопала, просто исчезает из организма, улетучивается, понимаешь? Но это ладно... Я подыскала новое помещение для офиса. В Банном переулке. Уже ремонт идет.

– Здорово, хорошее место! Ты молодец, время зря не теряешь.

– Как я могу терять время, если мне тридцать первого надо съезжать с Пречистенки. Там дом к сносу назначен.

Наталья была хозяйкой элитного мебельного салона. Она открыла его полтора года назад и уже многого добилась.

– Гелька, да ты с ног валишься, – спохватилась вдруг Наталья.

– У меня бессонница всегда после таких мероприятий, столько народу, лица мелькают, мелькают...

– Лица мелькают, а одного, главного, лица нету, – со вздохом констатировала Наталья. – Ладно, подружка, я поеду, от тебя нынче мало толку, а все же тот писатель глаз на тебя положил, будь он хоть сто раз жених. Впрочем, один взгляд еще ничего не значит. Ну пока!

– Спасибо, Натка, что встретила, я даже не ожидала.

– Ладно тебе прибежаться, я, когда могу, всегда встречаю!

Подруга ушла, а Геля обессиленно опустилась на диван. Закрыла глаза и опять увидела ошеломленный взгляд Головина. Странно... Как странно... Станным было не то, что кто-то на нее так посмотрел, она была эффектной женщиной, но то, что это ее взволновало впервые за много лет.

Ей было тридцать, и она считала себя счастливой: любящий муж, чудесный сын, любимая работа, казалось бы, чего еще желать? Но все кончилось в одночасье и как в самом скверном анекдоте. Она вернулась

домой не вовремя и застала мужа в постели с какой-то бабой. Ни слова не сказав, повернулась и ушла. Несколько часов бродила под противным мелким дождиком, потом сломала каблук и долго плакала на троллейбусной остановке. А потом решила, что должна ради сына проглотить этот кусок дерьма, дело, как говорится, житейское. Георгий будет чувствовать себя виноватым и благодарным за то, что она не станет устраивать скандалов. Но это только ради сына. Мальчику одиннадцать лет, ему рано оставаться без отца или жить в атмосфере вражды... Георгий поймет, и мало-помалу все уляжется, с кем не бывает... вот только спать с ним она, наверное, не сможет... Перед глазами все время будет стоять огромная голая задница той бабы. Но это неважно... А потом, время, говорят, лечит...

Но вышло все не так. Георгий словно взбесился и сразу потребовал развода. Гордость ей не позволила возражать, и она в тот же день уехала к матери, благо сын Гошка отдыхал с их друзьями на Кипре. Ну что ж, буду учиться жить одна, не пропаду, в конце концов. Гошка останется со мной, это главное, будем жить втроем – он, я и мама. Ей даже стало легче при мысли, что сын наконец перестанет быть объектом «мужского» воспитания, ей постоянно было страшно за него. Каких только трудностей не придумывал для мальчишки любящий отец. И горные лыжи, и тарзанки, и еще множество каких-то рискованных «мужских» занятий, а теперь вот Георгий увлекся парашютизмом. Ну уж нет, этого она не допустит! Значит, все к лучшему, уговаривала она себя, и мать горячо ее в этом поддерживала. И опять все вышло совсем не так. Поведение мужа в конце концов навело ее на мысль, что он нарочно привел в дом ту толстожопую, нарочно показал ее жене во всей красе, чтобы затеять развод. И даже сумел повернуть дело так, что это она во всем виновата. Боже, сколько грязи он на нее вылил, как унижал ее, в чем только не обвинял, а в результате забрал у нее сына и уехал в Америку. Та толстожопая оказалась американкой. А сын... Она могла воспрепятствовать его отъезду, но он о матери и знать ничего не желал. Отец провел с ним работу. И она дала разрешение... Парень молился на отца, мужское воспитание дало свои плоды уже на этом этапе... Сколько она ни ломала себе голову, за что вдруг муж люто ее возненавидел, но так ничего и не поняла. Она все то время пребывала в состоянии такого ужаса и удивления, что совершила самую страшную, самую роковую ошибку – подписала разрешение на отъезд сына. Да и кто бы выдержал этот напор ненависти и злобы? А теперь Гошки нет в живых. Если бы она его не пустила, он был бы жив, был бы с ней. А там... Через полтора года отец и сын погибли в горах – их накрыло лавиной.

Она и сейчас иногда недоумевает, как осталась жива. И не помнит тот первый год после смерти сына. Наверное, она сошла бы с ума или покончила с собой, если бы не тяжелая болезнь матери, видимо посланная ей во спасение. Она выходила мать, а потом двоюродный брат матери взял ее к себе в издательство, а поскольку никакой другой жизни у нее не было, она стала стремительно делать карьеру и в результате создала свой филиал, который, несмотря на жесточайшую конкуренцию, оставался на плаву. Она была жесткой в делах, иной раз даже жестокой с нерадивыми работниками и заслужила прозвище Дьяволина Викторовна. Однако те, кто хотел и умел работать, не могли пожаловаться на нее. Но мужчин она избегала. За ней ухаживали, она умела производить впечатление на сильный пол, но в душе жила постоянная уверенность, что ее непременно предадут, обманут, надругаются над ее чувствами. Тогда зачем? И она вполне привыкла обходиться без мужчин. Если ты не особенно страстная натура, это не так уж сложно.

Но сегодня взгляд Головина ее потряс. Однако уже улегшись в постель, она вдруг сообразила: он тоже предатель! Он собирается жениться на молоденькой девочке, и вдруг... Судя по его взгляду, Геле достаточно было поманить его пальцем, и он побежал бы за ней сломя голову. Нет, зачем это все? А Маку уже жалко. Она еще даже не переспала с ним, а он уже готов к измене. Эта мысль отрезвила. Я девчонке неприятностей не доставлю.

Утром она едва успела выпить кофе, как в дверь позвонили. Кого это черт принес?

– Кто там?

– Миленич Ангелина Викторовна – это вы? – раздался мужской голос.

– Я. А в чем дело?

– Я из милиции, откройте, пожалуйста.

– Назовите себя и покажите в глазок документы, – жестко потребовала она.

– Майор Стрешнев, Денис Геннадьевич.

– Вы по какому делу?

– Откройте, пожалуйста! Мне необходимо с вами поговорить!

Голос майора звучал достаточно сурово.

Она приоткрыла дверь:

– Что случилось?

– В вашем подъезде совершено преступление, и я должен задать вам всего несколько вопросов.

– Что ж, входите. Но мне надо на работу.

– Я вас надолго не задержу. Где мы могли бы поговорить?

- Проходите на кухню. Может, кофе хотите?
- Нет, спасибо.
- В таком случае я вас слушаю.
- Скажите, Ангелина Викторовна, вы живете одна?
- Это имеет значение?

– Не проще ли ответить «да» или «нет»? – слегка улыбнулся майор. Он не похож на мента. Интеллигентное лицо, приятная внешность и манеры не хамские. Впрочем, я ведь не подозреваемая, надо надеяться.

- Хорошо. Да, я живу одна.
- Скажите, а вчера утром вы во сколько уходили на работу?
- Вчера утром меня еще не было в Москве.
- То есть?
- Я вчера прилетела в Шереметьево-два около семи вечера. В глазах майора промелькнуло выражение, похожее на досаду.
- Откуда прилетели?
- Из Франкфурта-на-Майне. Могу показать билет.
- Если можно.

– Можно, мне не жалко. А вот и заграничный паспорт с отметкой пограничников. Так что ничего вчера утром я не видела и не слышала. Еще вопросы будут?

- А как же! Что вы делали во Франкфурте?

У нее вдруг закралось подозрение, что он не из милиции. Он налоговый инспектор... И хотя она старалась платить все налоги максимально честно, но «максимально честно» – это все-таки значит не очень честно. Кто в наше время платит все налоги, тот давно уже покойник... По крайней мере как бизнесмен.

– Я, знаете ли, издатель, а во Франкфурте ежегодно проходят книжные ярмарки. – Она справилась с нахлынувшей было паникой. Налоговик вряд ли заявился бы к ней на дом.

– О да, я в курсе! – почему-то обрадовался майор. – В этом году там, кажется, был год России.

- Совершенно верно. Так все-таки в чем дело, Денис Геннадьевич?
- О, я польщен, вы запомнили мое имя-отчество, несмотря на стресс.
- Простите, о каком стрессе речь?

– Ну приход представителя правоохранительных органов всегда некоторый стресс даже для законопослушных граждан.

– Может, вы все-таки объясните, что, собственно, привело вас ко мне в такую рань?

- В соседнем подъезде вчера утром была ограблена квартира.

Похищено много ценных вещей, а главное – несколько дорогих картин.

– Но, если мне не изменяет память, вы сначала сказали, что преступление было совершено в нашем подъезде?

– Извините, замотался, ночь не спал, долго опрашивал людей в соседнем подъезде, где было совершено ограбление, вот и оговорился. Это раз. А во-вторых, есть подозрение, что грабители уносили награбленное через ваш подъезд.

– Бред какой-то! Говорю же, меня не было в Москве, и я ровным счетом ничего не могу знать!

– А вы ключи никому не оставляете?

– Нет!

– А кто у вас цветы поливает?

– У меня в доме только кактусы, их не надо часто поливать!

– А вы знаете, что по фэн-шую кактусы держать в доме не рекомендуется.

– Извините, это тоже дело милиции? Фэн-шуй и прочая абракадабра?

– Нет, это я просто по-человечески посоветовал.

– Вы увлекаетесь фэн-шумом?

– Да нет, мне некогда... – вздохнул майор. – А скажите, Ангелина Викторовна, вы не в курсе, в вашем подъезде живут какие-нибудь подозрительные люди?

– Понятия не имею! По крайней мере, у меня лично никто никаких подозрений не вызывал. Да я и мало кого тут знаю.

Она начала терять терпение.

– Тогда еще один, последний вопрос. А вы случайно не в курсе, есть тут у вас какая-нибудь любопытная бабушка, знаете, из тех, кто раньше на лавочке сидел и все про всех знал?

– Нет, поскольку нет лавочки. А вы бы у участкового справились. Если такая бабушка имеется, то он наверняка ее знает. С кем же ей делиться своими наблюдениями?

– Это вы правильно заметили. А подростков-наркоманов в подъезде не наблюдается?

– Опять-таки лучше спросить участкового. Это его круг интересов.

– Ну что ж, пожалуй, у меня больше нет вопросов.

– Слава богу!

– Хотя один еще есть. Но уже сугубо частный.

– Да?

– Почему, скажите, такая потрясающе интересная женщина живет одна?

– Тогда я вам отвечу тоже в сугубо частном порядке: это не ваше дело! – вышла из себя Ангелина.

– Согласен! Простите, ради бога. И будьте здоровы.

– Вашими молитвами!

– Не сердитесь! И еще позвольте сказать...

– В частном порядке?

– Исключительно!

– Тогда не позволю! Я по вашей милости уже опаздываю на работу!

– А хотите, я вас подвезу?

– Благодарю покорно, я как-нибудь сама! И потом, вам же надо еще других жильцов опрашивать, насколько я понимаю?

– Правильно понимаете, – тяжело вздохнул майор. – Просто в присутствии такой женщины голова немножко закружилась. До свидания, Ангелина Викторовна.

– Прощайте, Денис Геннадьевич.

– Кретин! – выругалась Ангелина, запирая за ним дверь. Интересно, как он с такими умственными способностями до майора-то дослужился?

А хорошо все-таки, что я директор и мне не перед кем оправдываться за опоздание.

В лифте она столкнулась с соседкой.

– Геля, что за интересный мужик выходил от тебя недавно? Я мусор выносила, видела.

– Мусор!

– Что – мусор? – не поняла соседка.

– Это был мусор! Мент, понимаешь?

– И чего хотел?

– Да вроде кого-то ограбили в соседнем подъезде, картины какие-то сперли.

– Да? А я ничего не слышала. Картины? Странно. А почему же, интересно, он ко мне не зашел?

– Действительно – почему?

– Тем более я с ним встретилась, когда мусор выносила, должен был бы хоть что-то спросить, правда?

– Черт его знает.

– Слушай, а может, он не мент, а только притворяется ментом?

– С какой целью?

– Может, прикидывает, кого бы еще ограбить.

– И нацелился на меня?

– Вполне возможно, ты же бизнес-вумен, у тебя шикарная машина.

- Не такая уж шикарная, «тойота» не «мерседес» и не «бентли».
- Знаешь что, а ты позвони в милицию и спроси, есть ли у них такой мент. Ты его фамилию запомнила?
- Да, Стрешнев.
- Вот и позвони. Если есть, то успокойся.
- А если нет? Тогда что?
- Тогда оставь заявление, голова садовая! Мол, приходил какой-то подозрительный тип. Он тебе документы показывал?
- Да, но через глазок.
- Понятно! Через глазок можно любую туфту принять за подлинник. Геля, позвони в милицию, очень тебе советую! Он, кстати, не назвал номер ограбленной квартиры?
- Нет.
- Очень подозрительно все, Геля! Очень! Я, например, ничегошеньки не слышала ни о каком ограблении! Помнишь, когда ограбили Красновых, весь дом гудел как улей. А тут все тихо.
- Приеду на работу, сразу позвоню! Но знаешь, он не похож на грабителя.
- Похожи на грабителей сами грабители, и то не всегда, а он наводчик!
- Ой, Ленка, ты меня запугала.
- Это хорошо, внимательно отнесешься к этой истории.

Подъезжая к дому, где располагалось ее издательство, она увидела новенький серый «рено», откуда выскочила Мака и пулей бросилась в подъезд. Она здорово опоздала на работу. За рулем сидел Головин и почему-то не отъезжал. Ангелина посигналила ему, он занял ее постоянное место. Головин выглянул в окошко и, вместо того чтобы отъехать, вылез из машины и направился к ней:

- С добрым утром, Ангелина Викторовна!
 - Здравствуйте! – почему-то смутилась она.
- Вид у него был усталый. Ага, он переспал с Макой, сообразила она и утром после бурной ночи привез ее на работу. Да, вряд ли сегодня от Маки будет толк. Ему-то что, поедет сейчас домой и завалится спать. Хотя какое мне до всего этого дело? Пусть сами устраиваются как хотят, а мне надо в милицию звонить. Все это вихрем пронеслось у нее в голове. – Федор Васильевич, вы не будете так любезны...
- Что? – словно очнулся он.
 - Отъехать в сторонку не соизволите? Обычно я тут ставлю машину!
 - Ох, простите, минутку! – И он бросил на нее такой же изумленно-

восторженный взгляд, как и вчера.

Сволочь, подумала Ангелина, какая редкостная сволочь! Провел ночь с девочкой, а утром позволяет себе так смотреть на меня! Скотина.

Он отъехал, пропустил Ангелину на ее обычное место, но не спешил покинуть двор. Смотрел, как она вылезает из машины. Какие красивые у нее ноги, лодыжки стройные, прелесть. И вообще... Кажется, я сваял грандиозного дурака, подумал Головин. А вечером предстоит знакомить Маку с Дусей. Но Мака ведь тоже прелесть, хоть лодыжки у нее не такие... Да черт с ними, с лодыжками, не в лодыжках счастье, а в чем? Понятия не имею, да и есть ли оно вообще? Наверное, но для этого надо быть цельной натурой, а это не про меня. И он уехал.

– Белла, будь добра, позвони в мое отделение милиции и выясни, есть ли у них майор Стрешнев, Денис Геннадьевич. Если да, то просто поблагодари за информацию, если нет, то... Тогда соедини меня с дежурным. Поняла?

– Да!

– Отлично! Ну, что тут без меня было? Корреспонденция есть?

– Да, вот пожалуйста, Ангелина Викторовна. А еще вас тут добивался Трущенко, требовал номер вашего мобильного.

– Ты, надеюсь, не дала?

– Что вы, Ангелина Викторовна, конечно нет!

– Ладно, позови ко мне Марину.

Ангелина занялась делами, а поскольку она совмещала обязанности директора и главного редактора, то дела были многочисленны и разнообразны. Примерно через час секретарша Белла сообщила, что майор Стрешнев действительно служит в их отделении милиции. Ну и слава богу, с облегчением вздохнула Ангелина и напроочь выкинула из головы эту историю.

Теперь ее куда больше занимал вопрос – должна ли она как-то предостеречь Маку? В конце концов, девочка не просто работает в ее издательстве, она еще и дочь ее приятельницы. Но в чем, собственно, она может упрекнуть Головина? В том, что он как-то не так на нее смотрит? Но это же курам на смех! И не только курам, а индюшкам, уткам, и кто там еще бывает на птичьем дворе. Да и потом, наверное, ей просто мерещится. Нет, я еще не сошла с ума, мне ничего не мерещится. И с какой бы стати мне что-то мерещилось в связи с Головиным? Он мне вовсе не нравится. А я, похоже, нравлюсь ему. Ну и на здоровье!

«Несвоевременные мысли» Ангелины прервал приход художника, с

которым она намеревалась обсудить оформление новой серии «Поэты эмиграции». А потом к ней заглянула Мака. Ангелина окинула ее любопытным взглядом. Мака сияла как начищенный медный таз.

– Довольна жизнью? – спросила Ангелина.

– Не то слово! – воскликнула Мака и залилась краской.

Как легко рыжие краснеют, с сочувствием подумала Ангелина.

– Ангелина Викторовна, можно я сегодня уйду на часок пораньше?

– А что, не выспалась? – довольно жестко осведомилась Ангелина.

Она терпеть не могла отказывать людям в подобных просьбах, но считала, что в данном случае это нахальство: не успела выйти на работу – и уже отпрашивается.

Мака еще больше покраснела, потупилась, но выдавила из себя:

– Нет, что вы, просто сегодня Федор Васильевич собирается познакомить меня с сестрой. Я бы хотела переодеться и привести себя в порядок...

– Ладно, ступай с богом! А у вас все всерьез, я смотрю?

– Ой, да! Я так счастлива!

– Съезжаться будете?

– Пока нет. Я думаю, он пока переедет ко мне, а у него в квартире надо сделать ремонт, там так все запущено...

– Холостяцкая берлога?

– Ой, да! А после ремонта ее можно будет сдать, она в центре, это дорого стоит... А лишние деньги не помешают, правда?

– Я не думала, что ты такая практичная! – улыбнулась Ангелина. – А ты ему свои соображения уже изложила?

– Нет еще.

– И пока не спеши излагать.

– Почему?

– Мужчины не очень любят, когда ими так явно руководят. А впрочем, как хочешь!

– Спасибо за совет! – ответила Мака, а сама подумала: много ты в мужчинах понимаешь! Понимала бы, не пришлось бы одной куковать на старости лет.

Ангелина словно на мониторе прочитала ее мысли. Бедная девочка, ей кажется, что мужик на аркане – это невесть какое счастье. Да еще на аркане ли? В данном случае это весьма сомнительно.

– Ладно, иди, и дай тебе Бог счастья!

...А Федор Васильевич ехал домой и лениво думал о том, что жениться, конечно, нужно на Маке: молодая, хорошенькая, толковая,

влюблена как кошка, очень мила в постели, а с Ангелиной неплохо бы завести роман. О, тут такие черти водятся... Аж в дрожь бросает. И после безумного свидания с такой бабой было бы приятно вернуться домой, к Маке... Она явно жаждет вить гнездо, вот и пусть вьет, да и птенца можно будет завести, пора, наверное, по крайней мере, сейчас будет что положить ему в клювик. Хорошо бы, это был парень... Что-то вроде Иваныча... Мы бы с ним ходили на лыжах, играли в футбол... А как красиво и элегантно Ангелина вылезает из машины! Как кинодива! А эти лодыжки, обалдеть можно. Интересно, сколько у нее любовников? Она из породы мужеедок! Ну, положим, съест себя я не дам, но кусочек может откусить. Это было бы занятно. Некрасивые, конечно, мысли для жениха, но... Шикарный бабец! А Мака моя уютная, милая... Ах, хорошо... Владя был влюблен в Ангелину... Вот бы трахнуть ее... Владька когда-то отбил у меня Светку, я, правда, был не против, но все равно... Надо бы отплатить ему той же монетой, пусть все будет справедливо. Разумеется, я ему ничего не скажу, если это получится, но справедливость восторжествует. Наверное, все-таки не зря я нашел ее сережку... И если бы не вообразил себе пухленькую рыженькую, то, вероятно, положил бы глаз на Ангелину, хотя она совершенно не тот тип... Мака куда ближе к моему идеалу. А впрочем, черт с ней, с этой Ангелиной-Дьяволиной. Не стоит тратить на нее силы, время и нервы. Я все-таки уже не в том возрасте, когда всем руководит пенис... Или еще в том? Интересно, до какого возраста он осуществляет свое руководство? Наверное, всегда, до смерти, просто если в юности это жесточайшая тирания, в моем среднем возрасте уже вполне умеренная диктатура, то в более пожилом – абсолютный либерализм... Он сам засмеялся своим мыслям и решил при случае обсудить тему с кем-нибудь из приятелей. А впрочем, мысль, наверное, не слишком оригинальная и, возможно, отраженная в литературе. Даже наверняка. Интересно, есть еще какие-то соображения, не отраженные в мировой литературе? Вряд ли, особенно в том, что касается пениса.

Но не сексом единым жив человек. Надо все-таки попытаться написать ту лирическую повесть, о которой он давно уже думал, устав от мужественных героев. Хотелось чего-то грустного, щемящего, но страшно было в то же время братья за новое, еще не изведенное. А вдруг не получится? Вдруг он усомнится в своих способностях? Так трудно было в них поверить, утвердиться в этой уверенности, и что теперь, вновь потерять себя? К тому же долгосрочный договор, который он подписал под давлением издателей и обстоятельств, вынуждал его работать над тем, что уже апробировано, что приносит гарантированный доход и ему и

издательству. Но хотелось страшно. Он так и видел своего героя, грустного человека, потерявшего давно свою любовь, Веру... И вот он находит сережку... Что-то подобное уже возникало в мозгу, но что же будет дальше с этой сережкой? А дальше все будет как в жизни. Он вообразит себе женщину, хозяйку сережки, встретит именно такую, а хозяйкой окажется другая, но уже будет поздно, он наделает глупостей, женится на той, которую вообразил, и это станет непоправимой ошибкой, потому что полюбит он ту, другую... Бред, Федор Васильевич! Он полюбит другую... Он, а не ты! Ты любишь молоденькую, веселую Маку, прошлое которой укладывается в две строчки... Зачем тебе женщина с прошлым, по-видимому нелегким, у тебя самого нелегкое прошлое. К тому же роман писателя с редактором вещь приятная и даже удобная, а вот роман с издателем... Некрасиво! Все будут считать, что я волочусь за ней с корыстными целями, а другие подумают, что я потому и имею успех, что моя женщина – издатель. Как будто в постели можно добиться коммерческого успеха! Стоп, какая постель, о чем это я? Мне вовсе не нравится эта тощая, немолодая баба. Я даже не очень понимаю, о чем с ней говорить... Такое ощущение, что она смотрит на меня как на пустое место... То ли дело Мака! Интересно, как они сойдутся с Дуськой? Теоретически Мака должна ей понравиться. А Дуська просто по определению не может не понравиться. Так что сегодня нечего беспокоиться. Хуже будет в пятницу, когда предстоят смотрины в семье у Маки. Мама, бабушка, еще, кажется, тетка с дядькой... Хорошо, хоть папаша сейчас нет в Москве. Черт, в каком это фильме была фраза «Жениться надо на сироте!»? Кажется, в «Берегись автомобиля». Ерунда, родственники – это даже неплохо. По крайней мере, если родится ребенок, они помогут, Мака ведь и сама еще ребенок... Черт, детский сад какой-то получается. А историю с сережкой надо все-таки попытаться написать... Только это не должен быть роман, нет, маленькая повесть, маленькая грустная повесть. Ее так и назвать можно будет «Маленькая грустная повесть». А что, хорошо. Просто и без претензий. «Маленькая грустная повесть». Он поехал домой и сразу сел за компьютер. Первые полторы страницы он написал на одном дыхании. Герой еще не нашел сережку, но он уже был живым, по крайней мере Федору так показалось. Разумеется, никакого Франкфурта, никакой книжной ярмарки... Но ведь он хотел назвать повесть «Вино из яблок». Это лучше, чем «Маленькая грустная повесть». Грустную не всем захочется читать, а «Вино из яблок»... Надо подумать, может быть, перенести действие в любой другой город Германии, вряд ли яблочное вино есть лишь во Франкфурте. А какие все-таки у нее

лодыжки...

Дусе Мака понравилась.

– Милая девочка, – сказала она на другое утро, беседуя с братом по телефону. – И тебя, кажется, любит. Но уж больно молоденькая. Тебе не страшно?

– А чего бояться? – легкомысленно отозвался новоиспеченный жених. – Рога мне наставит?

– Не исключено, между прочим.

– Ну пока об этом еще рано думать, лет через десять...

– Почему – через десять? – засмеялась Дуся.

– Ну на десять лет ее любви должно хватить.

– А твоей-то хватит на десять лет? Рога ведь наставляют не всегда оттого, что любовь к мужу прошла. Если муж разлюбил, тоже неплохой повод.

– Да ну тебя, Дуська, терпеть не могу эти разговоры о любви.

– Вот и чувствуется в твоих книгах, что ты о любви мало что знаешь.

– Ерунда, я сейчас пишу повесть о любви, если хочешь знать! – ляпнул он и тут же пожалел о сказанном.

– Федя, правда? – обрадовалась сестра. – Это из-за Маки?

– Отвяжись! И не вздумай хоть одной живой душе проболтаться!

– Хорошо, я понимаю! Но это здорово, я даже не ожидала, что ты когда-нибудь за такое возьмешься.

– И на старушку бывает прорухка! – радостно засмеялся он. Вчера утром он написал еще пять страниц, и ему ужасно нравилось написанное. А потому настроение было великолепным.

– Феденька, ты завтра идешь свататься?

– Да, а что?

– Насколько я поняла из разговора с Макой, это такая патриархальная семья...

– Ну уж и патриархальная! Ерунда!

– Ну, может, я не так выразилась... Просто я хотела сказать, что ты должен купить цветы ее маме! Обязательно! А хорошо бы еще и бабушке.

– И тетушке тоже?

– Если там будет тетушка... Хотя нет, достаточно трех букетов, а то глупо получится.

– Трех? А третий кому?

– Как кому? Маке, разумеется!

– Ну нет, таким идиотом я туда являться не намерен. Я что, торгую

цветами? Хватит одного букета на всех!

– Дело твое! Но надень, пожалуйста, костюм, рубашку с галстуком и побрейся как следует.

– Дуська, ты не рехнулась, часом? – расхохотался он.

– Ты же обожаешь ходить небритым, а теперь это еще и модно...

– Да нет, я не собираюсь там никого шокировать! А что, получилась бы барышня-крестьянка наоборот... А может, и вправду? Отпустить щетину, хватануть водки с пивом, чтоб разило перегаром, надеть тот свитер, что ты мне связала... Мол, полюбите нас черненькими, а?

– Нет, Федечка, для таких штук ты уже стар. Безнадежно стар. Тебе уже надо выглядеть с иголки, респектабельно.

– Дуська, что бы я без тебя делал, а?

– Пропал бы, – вздохнула Дуся.

– Это как пить дать!

Мака безумно волновалась. То есть она была твердо уверена в том, что Федор родным понравится, тут сомнений быть не может. А вот понравятся ли они ему? Ну с бабкой они контакт найдут, она тоже богемная штучка, но мама... Мама ведь ровесница Федора, ее это смущает, она уже говорила. Ничего, Федя такой обаятельный... Мама его полюбит, а к тому моменту, когда вернется папа, вся семья уже будет его боготворить...

– Мака, а ты не думаешь, что следовало бы позвать в гости Гелю? – прервала ее мысли мама. Они вдвоем готовили торт для завтрашнего ужина.

– Зачем?

– Ты не хочешь?

– Почему? Я просто не подумала.

– Но ты же говорила, что она очень тепло отнеслась к тебе... и потом, Федору Васильевичу, вероятно, будет легче, если тут окажется еще одно знакомое лицо. Наверное, в сорок четыре года не слишком приятно чувствовать себя женихом, на которого лупятся какие-то совсем чужие люди.

– О, мама! Ты права! Позвони ей и пригласи!

– Хорошо.

И она немедленно взялась за телефон:

– Гелечка, привет, у тебя такой утомленный голос!

– Да, я что-то действительно устала как пес. Ты, наверное, насчет предстоящей свадьбы?

– Нет, – засмеялась Мария Дмитриевна, – пока еще насчет смотрин.

– Каких смотрин?

– Да у нас тут завтра намечается мероприятие... Может, тоже придешь? Мы с Макой твой любимый торт делаем, приходи, правда, ты ведь имеешь самое непосредственное отношение... Если бы ты не взяла Маку на работу, а потом во Франкфурт...

– Ага, а если у них что-то не сладится, виновата тоже я буду? – улыбнулась Ангелина.

– Нет, разумеется, как всегда в таких случаях, виноват будет мужик! Так что, придешь?

– Не знаю пока.

– Геля, пожалуйста, не ломайся, если не сможешь прийти к семи, приходи позже, мы в любой момент будем тебе рады.

– Ну в таком случае, скорее всего... Понимаешь, у меня завтра в семь важная встреча.

– Свидание?

– Прекрати, какое свидание! Деловая, скучная встреча. Но я постараюсь вырваться пораньше. А если не получится, уж не взыщи.

– Геля, если ты чего-то хочешь, у тебя все получится, я тебя знаю.

Вопрос в том, хочу ли я, подумала Ангелина. Она вовсе не была уверена в том, что ей стоит туда идти. А впрочем, может, как раз надо пойти. Проверить себя, не мерещится ли ей все, а если нет, то Маруся непременно тоже что-то заметит и предостережет дочь... Интересно, выйдет что-нибудь из этого скороспелого романа? Дай Бог, чтобы вышло, я искренне желаю Маке добра. А разве я знаю, что в данном случае добро для нее?

В дверь позвонили. Ангелина вздрогнула. Она никого не ждала, и ей вдруг почудилось, что это явился Головин.

– Кто там?

– Геля, открой, это я, – узнала она голос соседки Лены.

И не могла бы дать голову на отсечение, что не ощутила никакого разочарования. Не могла бы!

– Привет, заходи!

– Я на минутку. Слушай, ты узнавала насчет того мента?

– Узнавала. Есть такой, а что?

– Нет, ну если есть...

– Да в чем дело?

– Понимаешь, в том подъезде никто об ограблении не слышал. Но разве так бывает?

– А ты что, опросила всех подряд?

– Нет, конечно, но ты же понимаешь, о таких вещах слухи мигом

распространяются.

– Ну мало ли...

– А вдруг этот майор «оборотень в погонах»?

– Но если даже и так, то при чем тут я?

– Вот и я думаю, при чем тут ты?

– Чаю хочешь?

– А у тебя того беленького ликерчика не осталось?

– Осталось, это хорошая мысль – выпить немножко ликера.

– Гель, я, конечно, не хочу тебя пугать, но мне это не нравится.

– Да ну, ерунда какая-то. Даже если ограбления не было, то вполне возможно, этот мент вынюхивал тут что-то совсем другое... Может, ищут какого-нибудь рецидивиста, которого кто-то видел в нашем подъезде. Может, у него тут баба живет...

– У мента?

– У рецидивиста!

– А он тебе какие-нибудь такие вопросы задавал?

– Я уж не помню, вроде нет, а впрочем... Вопросы мне показались глуповатыми, но... Как известно, в милиции работают в основном не гении.

– Это уж точно. А тебе не страшно?

– Ты что, пришла меня пугать на ночь глядя?

– Боже сохрани, Гелечка! Твое здоровье! Ах, вкусная пойла!

– Не пойла, а пойло! – привычно поправила Ангелина.

– Да, блин, какая разница! Гелька, вот скажи, у тебя в издательстве мужики-то работают?

– Работают, но мало. Женщины надежнее.

– Почему?

– Не знаю, просто они исполнительнее, точнее, усерднее, что ли.

– А как же бабьи дрызги в коллективе?

– У нас как-то обходится, все делом заняты, штат-то у меня маленький.

И потом, руководящих должностей всего две, и обе занимаю я, а притом еще и хозяйка, так что претендовать на повышение никто и не думает. А мужики у нас такие, из-за которых никаких дрызг и склок по определению быть не может. Один «голубой», а второй еще «голубее».

– А они между собой не...

– Насколько я знаю, нет. А даже если...

– Это ты нарочно так?

– Да нет, случайно, а в результате хорошо вышло. А к чему ты это?

– Да так... Просто что ты все одна да одна, без мужика...

– Мне не надо!

– Так не бывает!
– Бывает, – засмеялась Ангелина. – Мне тут на машине слово из трех букв нацарапали, так я...
– Какое слово?
– Догадайся с трех раз!
– А, поняла!
– Так, поверишь, я не сразу и вспомнила, что это такое!
– Шутишь? Смотри, дошутишься! Тебе уж скоро сорок!
– Ничего, как-нибудь. Твое здоровье!
– Но я все равно не поверю, что на такую шикарную бабу мужики не западают.
– Почему? Западают, но это их глубоко личное дело.
– Первый раз, кажется, встречаю женщину, до такой степени сексуально не озабоченную.

– А мне в свое время прививку сделали, – сухо ответила Ангелина. Она переехала в этот дом через два года после своей трагедии и никогда никому об этом не рассказывала. Начала новую жизнь и не хотела, чтобы ее прошлое стало предметом обсуждения соседней.

Соседка тактично промолчала. Она прекрасно знала, что произошло у Ангелины, но понимала, что говорить об этом не следует, зачем беречь такую рану?

Когда соседка наконец удалилась, Ангелина от усталости уже ни о чем даже думать не могла и просто рухнула в постель. Однако утром она сразу вспомнила, что вечером звана в гости на «смотрины». Не пойду, решила она. Зачем мне туда идти? Изображать «старшее поколение», благословляющее «молодых»? А что, это даже забавно. Нет, пойти надо обязательно, именно чтобы дать понять этому наглецу, что я из поколения родителей. Да глупости все, никто ничего не понимает, если не хочет понять... А почему, собственно, меня вообще это как-то волнует? Из-за этих взглядов, в которых неприкрытое желание? Ну смотрят на меня иногда, и что? Ничего, а тут почему-то тревожно... Или это из-за Маки, из-за идиотским образом возникшего соперничества? Но я ей не соперница, мне этот Головин сто лет не нужен. Это я ему, по-видимому, нужна. И чему я удивляюсь? Этим скотам всегда одной женщины мало, даже если есть молоденькая невеста. Хорошо, что мне ничего не нужно. И никого. Но как он смотрел на меня... С ума сойти... И он наверняка имеет успех у женщин. А мне-то что? Разве я теперь женщина? Я издатель, я уж давно не живу обычными бабьими интересами, а сколько пришлось вытерпеть... И бандитские наезды, и подлости коллег, и хамство чиновников. А разве

можно в такой ситуации расслабиться хоть на минутку? А поразительная осведомленность конкурентов о планах издательства? Тут недавно один автор удивлялся, что ему звонили из конкурирующего издательства и предлагали купить у него права на старые книги, которые принадлежат нам. Он удивлялся, откуда они могут знать, что у нас выходят права? А чему удивляться? За сто баксов можно купить любую информацию. Если мне понадобится доступ в базу данных моих конкурентов, то за сто или двести долларов я куплю их как нечего делать. Я своим сотрудникам хорошо плачу, но все же не столько, чтобы не нашелся кто-то, готовый за сто – двести баксов заглянуть в базу данных для конкурентов... В России все секрет, но ничего не тайна... Кто же это сказал? Черт возьми, у меня уже склероз начинается. Нет, не хочу! Никаких мыслей о любви, даже чужой.

Приняв это мудрое решение, она стала собираться на работу.

– Ангелина Викторовна, можно к вам?

– Заходи! Что у тебя? – не слишком приветливо спросила она.

– Мама просила узнать, вы сегодня придете, не забыли?

– А, нет, не забыла, но я уж сказала маме, что не знаю, у меня в семь встреча.

– Ангелина Викторовна, ну пожалуйста, приходите! Мне это очень важно!

– Важно, да почему? – удивилась Ангелина.

– Я суеверная! Вы так искренне пожелали мне счастья там, во Франкфурте, и бусы подарили тоже на счастье, и буквально в тот же день все сбылось... Пожалуйста, приходите!

– Сядь, Мака.

Мака села на краешек стула.

– Послушай, ты уверена в том, что это счастье?

– Да! Конечно!

Ангелина хотела сказать ей, что не стоит спешить, что лучше бы подойти поосновательнее к такому важному шагу, а потом решила – не стоит! Разве можно объяснить этой девочке, что счастье штука призрачная, что счастливой можно чувствовать себя какое-то время, да и то лишь тогда, когда ты готова к разочарованию, ждешь его, а оно не наступает... Но этого объяснить нельзя, тем более когда в глазах у девчонки такое сияние.

– Ну и хорошо. Я еще раз желаю тебе счастья. От всей души. А теперь скажи, когда сдаешь верстку?

– Юрьева? Уже сдала.

- Умница! Тогда иди.
- Но вы придете?
- Я постараюсь.

...Федор Васильевич был раздражен до крайности. Он всегда раздражался, если ему предстояло какое-то мероприятие, куда необходимо надевать рубашку с галстуком, а Мака слезно просила его одеться именно так, поскольку бабушка и мама придают этому значение. Да и вообще, роль жениха на смотринах казалась ему донельзя глупой. Но как говорится, назвался груздем... А он сам этим груздем назвался, никто не неволил, и вот теперь, Федор Васильевич, извольте лезть в кузов. Вы же не Подколесин, в конце-то концов, чтобы в окошко выпрыгивать. Во всем виновато яблочное вино, черт бы его побрал. Это Владька, сволочь, посоветовал идти в тот кабак... Может, если б не это вино, ничего бы и не было. Жил бы себе спокойно, приударил бы за Ангелиной с ее дивными лодыжками... Тьфу! Что за мысли! Он вспомнил восторженные, сияющие глаза Маки, и ему стало стыдно. Такая прелестная девочка, из нее выйдет отличная жена. Ничего, надо просто обаять сегодня будущую тещу, найти верный тон – и порядок. В конце концов, даже галстук можно как-то обыграть и снять его, к чертовой бабушке; вы же умеете, Федор Васильевич, Бог вас не обделил чувством юмора, и если будущие родственники окажутся тоже не лишены этого чувства, то все сойдет отлично. Там, правда, есть еще какой-то папа, но это все потом. Будем переживать неприятности по мере их поступления, а неприятность в виде Макиного папы поступит к нам еще не скоро, папа строит туннель в Испании, кажется. Вот и хорошо. А теща моя ровесница, мы найдем общий язык. Мака говорила, что мама обожает Битлов. Я в юности тоже отдал дань битломании, вот и отлично, споем с тещей «Йестердэй», и хорошо! И прекрасно! Надо еще купить цветы, Дуська настаивала... Но разумеется, один букет! А что, может, все сложится удачно, и скоро я стану солидным, женатым человеком, и жена у меня будет милая, хорошенькая, молодая. У нее куча достоинств, а недостатков я пока не разглядел, разве что лодыжки толстоваты...

- Мака, прекрати метаться, – потребовала бабушка Жанна Эдуардовна. – Придет твой жених, никуда не денется!
- Понимаю, баб, но я же волнуюсь...
- Волноваться – это теперь твой удел! Выходишь замуж за живого классика, – с легкой насмешкой произнесла Жанна Эдуардовна.
- Бабушка!

Но тут позвонили в дверь – и Мака бросилась открывать. Это пришла ее лучшая подруга Алина, суперсовременная девица. Под экстравагантной внешностью – волосы лилового оттенка, стоящие дыбом, разной длины рукава и штанины, и маленькие металлические очки на хорошеньком носике – скрывалась нежная, интеллигентная девушка, которую в семье Маки все любили.

– Боже мой, Алина, что с твоими брюками! – всплеснула руками бабушка. – Это так надо?

– Конечно, Жанна Эдуардовна! Видите, левый рукав и правая штанина короче. Асимметричная симметрия или симметричная асимметрия, как вам больше нравится.

– Это что, так модно?

– Если пока немодно, то скоро будет! – Алина была начинающим модельером и предпочитала авангардные идеи. – Но клёво же, согласитесь?

– По крайней мере, занятно, – рассмеялась Жанна Эдуардовна. – А ты-то замуж не собираешься?

– Да кто возьмет замуж такую асимметричную девушку? – хихикнула Алина. – Да и зачем мне замуж? Инстинкты удовлетворять можно и в свободном полете.

– Боже мой, я живу на свете почти восемьдесят лет, и, сколько себя помню, разговоры об инстинктах велись всегда, а потом самые ярые приверженцы свободной любви выросли, стремились создать семью, завести детей – и это прекрасно. Ты тоже, поверь, лет через десять с восторгом будешь нянчиться с детишками.

– Через десять лет? Возможно, ведь тогда я уже буду старухой...

– Не могу слушать эту ахинею! Старухой она будет! Вот что, чем болтать чепуху, разложи лучше салфетки на столе.

– Знаете, кажется, крахмальные салфетки существуют только в вашем доме, ну и у олигархов, наверное, но я к ним пока не вхожа!

– Ах пока? Вот и учись...

– Приехал! – закричала Мака, не отлипавшая от окна. – Бабушка, приехал! С цветами!

– Не хватало еще, чтобы он в такой день и по такому случаю явился без цветов!

– Знаете, Жанна Эдуардовна, этот роман века просто отвал башки! Сорок четыре года! Морщины и вообще... Дура ты, Мака!

– Много ты понимаешь! – фыркнула Мака, поправила перед зеркалом свои рыжие кудряшки и ринулась открывать. – Федя!

– Привет, солнышко!

В прихожей пока никого, кроме них, не было, и Мака, став на цыпочки, его поцеловала. От нее приятно пахло ванилью. То ли пирог пекла, то ли духи такие...

Но тут в прихожую выглянула Мария Дмитриевна:

– Добрый вечер, Федор Васильевич.

– Да, добрый... – пробормотал Федор. Он был несколько смущен. – Вот возьмите, это вам. – Он сунул ей большой букет белых роз. Так ему посоветовала Дуська.

– Мне?

– Ну да, вам...

– Спасибо, проходите, Федор Васильевич.

– Мария Дмитриевна, я хотел сказать, я хотел просить...

– Да?

– Просить руки... как это говорится...

– Вот прямо тут, в прихожей? – чуть вздернула брови Мария Дмитриевна. В глазах ее промелькнула легкая усмешка.

– Ну чтобы уж сразу покончить... Ох, простите...

– Впрочем, вы правы, лучше уж сразу покончить... Так давайте на пять минут зайдем ко мне и поговорим.

– Мама! – вспыхнула Мака и без того рдеющая как маков цвет.

– Нам надо поговорить втроем! – твердо произнесла Мария Дмитриевна и, распахнув дверь в свою комнату, пригласила Федора войти.

Ему это не понравилось, но пришлось подчиниться.

– Садитесь, прошу вас. И ты сядь! Я вижу, Федор Васильевич, что вы несколько смущены, я понимаю вас, все-таки решительный шаг... так вот, попробую облегчить вам задачу. Насколько я поняла, вы пришли просить руки моей дочери?

– Совершенно верно.

– Ну что ж, это уже само по себе хорошо, ибо в наше время я вправе была бы ожидать совсем другого поведения – и рада, что все именно так. И чтобы, как говорится, не тянуть резину, скажу: я согласна, я благословляю вас, но... – она подняла вверх указательный палец, – но... Я говорила вчера с мужем...

– Мама! – закричала Мака.

– И он потребовал, чтобы до его возвращения никаких свадеб не было. Речь не о пьянках в ресторане, а о, так сказать, решительных шагах.

Он непонимающе уставился на будущую тещу.

– Мой муж сейчас никак не может приехать в Москву, а без его одобрения, как говорится... Он обязательно приедет на Новый год, вы

познакомитесь, и уж тогда... Не обижайтесь, Федор Васильевич, Мака у нас единственная дочь, а ваш роман так скоропалителен...

– Понимаю... – промямлил он, чувствуя себя последним идиотом.

– Знаешь что, мама! – взвилась Мака. – В конце концов, я совершеннолетняя, живу отдельно и вполне могу обойтись без папочкиного благословения. Мы любим друг друга и хотим быть вместе, правда, Федя?

– Правда, – не слишком уверенно отозвался он.

– Мака, ну это же просто формальность, что-то вроде испытательного срока, ты же знаешь папу... Живите вместе, кто вам мешает? Но не расписывайтесь пока! Только и всего! А папа приедет, благословит, и тогда, ради бога, делайте что хотите.

– Мама, но это же глупо! Я не ребенок и могу хоть завтра выйти замуж, никого не спрашивая. Почему из семейных традиций надо делать какой-то фетиш? И потом, мы с Федей можем сами съездить к папе, правда, Федя?

Федор Васильевич замялся.

– А что, по-моему, это даже очень хорошая идея! – ликовала Мака. – Поедем к папе, поставим его перед свершившимся фактом, и куда он денется тогда?

– Что ж, если вы так настаиваете...

– Нет, я не настаиваю, – подал голос жених. – По-моему, нам не стоит торопить события, разве дело в штампе, Мака?

– Нет, конечно, не в штампе, – без особого энтузиазма откликнулась она.

А Федор Васильевич, к своему стыду, испытал невероятное облегчение. А почему – и сам не знал. Он только постарался скрыть это.

– Ну что ж, раз все улажено, идемте к гостям, надо же вас всем представить. Ничего ведь не отменяется, только чуть откладывается.

Она хочет сбить дочку с рук, но не смеет послушаться мужа. Видно, у нее рыло в пуху, а взрослая, незамужняя дочка все-таки обуза, хоть и живет отдельно.

– Мама, ты иди, а мы сейчас!

Мария Дмитриевна пожала плечами и вышла из комнаты, а Мака ткнулась лицом ему в грудь. В глазах стояли слезы.

– Федя, ты жалеешь, что сделал мне предложение, да?

– Что за чушь, Мака, солнышко?

– Но почему же ты согласился?

– Потому что не хочу портить отношения с твоей родней – это раз, а потом – на что я, собственно, согласился? Отложить регистрацию? Так если

б мы подали заявление, нам все равно дали бы какой-то срок на размышления...

– Ты не хочешь на мне жениться?

Боже, как он ненавидел все эти разговоры, требующие каких-то заверений, обещаний, даже клятв...

– Хорошо, раз ты сомневаешься во мне, давай завтра утром пойдем в ЗАГС и подадим заявление. Только никому про это не скажем. И назначим свадьбу после Нового года.

– Правда? – просияла Мака.

– А что тут такого? Мы же все равно будем вместе, и даже если твой папа забракует меня, это ничего не изменит, разве не так?

Мака всхлипнула и прижалась к нему, благодарная и счастливая, а его охватила жуткая тоска.

– Ну а теперь чего ты ревешь? – грустно улыбнулся он, глядя ее рыжие кудряшки.

– Теперь от счастья!

– И слава богу!

Они сидели за изысканно накрытым столом, Жанна Эдуардовна смотрела на Федора весьма одобрительно, ее вторая дочь, Елена Дмитриевна, с мужем пытались вовлечь Федора в литературные беседы, а Алина как-то странно кривила губы. Но надо отдать должное кулинарным талантам хозяйек – Федор Васильевич с удовольствием ел все, что ему предлагали, и тоска мало-помалу отступала.

– Это мясо приготовила Мака! – сообщила Жанна Эдуардовна.

В дверь позвонили.

– Наверное, Геля, я открою! – бросила, вставая из-за стола, Мария Дмитриевна.

Федор Васильевич напрягся. И действительно, в дверях появилась Ангелина с изящным букетом в руках. Она была одета более чем скромно – узкая юбка до колен, тонкий голубовато-серый пуловер, похоже даже мужской, но выглядела безупречно элегантно. Лицо у нее было усталое. А в ушах сережки, те самые.

Ее посадили как раз напротив него.

– Извините, я никак не могла вырваться раньше. Поздравляю! – Она улыбнулась ему и Маке: – Когда свадьба?

– Когда приедет папа! – радостно сообщила Мака и слегка прижалась к нему, словно говоря: это для них, для стариков, а мы все сделаем по-своему.

Он старался не смотреть на Ангелину и хотя лодыжек сейчас не видел,

но у нее оказались еще и удивительно красивые руки с длинными, тонкими пальцами, а ее хрипловатый голос, особенно когда она его понижала, вызывал в нем совершенно непозволительную вибрацию. Куда ты, кретин, смотрел? Прав Владька, я ничего не понимаю в женщинах. Но она уже немолодая, вон сколько в волосах седины, и она почему-то их не красит, но ей это даже идет. Однако в жены она не годится, решительно не годится. Только в любовницы... А почему бы, собственно, и нет? Она, кажется, одинока. Во всяком случае, постоянного мужчины, с которым можно было бы прийти в гости к близким друзьям, не наблюдается. А что, надо попытаться... Но как же Мака? А нормально, ничего Маке не будет, если действовать осторожно. Мака – его будущая жена. Молодая, готовая за него в огонь и в воду, и если быть осмотрительным, она никогда ничего не узнает. А Ангелину надо утешить, небось несладко быть одной. Она слишком властная и деловая, мужики ее боятся и обегают за версту. Но мне-то бояться нечего, и мне плевать на ее властность. Будет зарываться – прости-прощай... у меня есть Мака! Главное – всегда об этом помнить.

Что за мерзость, думала Ангелина, как можно на собственной помолвке так паяситься на другую женщину? Хорошо, что Мака сидит рядом с ним и от счастья ничего не замечает, но другие ведь могут заметить. Жанна Эдуардовна, например, или Алина. Надо поскорее сматываться, но неудобно, я ведь только пришла.

Она полезла в сумочку за сигаретами и не успела еще достать зажигалку, как Федор уже протягивал ей огонек. Она прикурила, благодарно кивнула и с наслаждением затянулась.

Как красиво и элегантно она курит, господи, и почему я ничего не заметил там, во Франкфурте, а теперь уже поздно... Плохо, что она работает вместе с Макой, невозможно, например, встретить ее с работы. Какое-то дурацкое наваждение, издевка судьбы... Когда я нашел жену – прекрасную, милую, нежную, мне вдруг попадается на глаза эта стерва. Она типичная стерва, иначе разве могла бы руководить издательством и выжить в наших условиях? Зачем она мне? Не знаю, знаю только, что хочу ее... Раз в сто сильнее, чем Маку... Бедная, я еще на ней не женился, а уже изменяю. Пока в мыслях только, но... Лишь бы никто не заметил, надо оторвать взгляд от нее и переключить внимание публики...

И, уцепившись за какие-то слова мужа Елены Дмитриевны о Дальнем Востоке, где так плохо с энергоснабжением, Федор рассказал какую-то байку о своих похождениях в уссурийской тайге, потом еще одну – и почувствовал, что сегодня он в ударе и все слушают, открыв рты. В том

числе и Ангелина, не говоря уж о Маке. Даже Алина смотрела на него с восторгом. У него было достаточно романтическое прошлое, а хорошее чувство юмора и самоирония делали рассказ просто блестящим. Все смотрели на него, и он никого не обделял вниманием. Красуется, голубчик, подумала Ангелина, ну и пусть – все лучше, чем пялиться на чужую женщину в день своей помолвки.

Наконец Мария Дмитриевна принялась собирать грязные тарелки. Ангелина вскочила, чтобы помочь подруге.

– Ну как он тебе? – спросила она на кухне.

– А бог его знает, но определенно очень обаятелен и, несомненно, талантлив, только как-то он плохо монтируется с Макой, вернее, она с ним. А впрочем, пусть лучше будет Головин, чем какой-нибудь металлист или байкер. По крайней мере, он не наркоман, приличный вроде бы человек, с положением. Я для нее хотела чего-то другого, помоложе, посвежее, но раз она выбрала... Знаешь, мне все эти штучки Валерия с отцовским благословением, испытательным сроком и прочей чепухой поперек горла. Какой в них смысл, если они уже спят вместе?

Ангелина прекрасно понимала, что они уже спят вместе, но слышать это было почему-то больно и неприятно.

– Гелечка, а ты о нем хоть что-то знаешь?

– Совсем немного, но, по слухам, он вполне порядочный человек. Ну бабник, вероятно...

– Бабник – это даже хорошо, по крайней мере у него большой опыт и с точки зрения секса у них, я думаю, проблем не будет, а то эти верные мужья... – она состроила такую гримасу, что Ангелина фыркнула. Она отлично поняла – приятельница намекает на собственного мужа, однолюба и тугодума во всем, что не касается его профессиональной деятельности.

– И потом, в конце концов, они же не католики, разрешения римского папы на развод не потребуется. Главное – не спешить с детьми.

– Вот тут ты не права, Маруся. Ему-то уже надо спешить.

И подруги рассмеялись.

Прошло несколько дней. Федор Васильевич успокоился. Когда он не видел Ангелину, ему было куда легче. А Мака между тем постепенно внедрялась в его жизнь и уже делалась ему необходимой. Субботу и воскресенье она истово драила его холостяцкую берлогу, и немало в этом преуспела. Правда, как-то она спросила осторожно:

– Феденька, а может, мы пока поживем у меня? А тут сделаем небольшой ремонт?

– Нет, – покачал он головой, – никакого ремонта!

– Но почему? Посмотри, у тебя потолок на кухне какой грязный? Раковина вся оббитая...

– Мака, мне надо работать!

– А почему ты не можешь работать у меня? Там же две комнаты, я буду тихой, как мышка, а тут пока сделают ремонт. Ты не думай, я всем буду заниматься сама, а ты сиди себе и работай!

– Ненавижу ремонты!

– Да кто ж их любит? – засмеялась она. – Но надо!

На семейном обеде у Дуси она опять завела этот разговор. Та ее горячо поддержала:

– В самом деле, Феденька, так приличные люди уже не живут.

– А кто вам сказал, что я приличный? – засмеялся он, чувствуя, что эти бабы его дождут. – Я совершенно неприличный, даже, можно сказать, непристойный!

– Глупости, Федя. Мака права, поживи пока у нее.

– Я говорил, что вы еще будете дружить против меня.

Мака понравилась всем членам семьи, за исключением Шурки. Та всегда при Маке хмуро сводила брови домиком, поджимала губы и забивалась куда-то.

– Ревнует, – объяснила Дуся. – Она же обожает Федора. А ремонт делать надо, и я во всем помогу Маке. Мы не будем ничего грандиозного затевать, никакого евроремонта, только самое необходимое.

– И с рабочими сами будете договариваться? – уже начал сдавать позиции Федор.

– Конечно! Ты просто возьмешь из дома то, что тебе необходимо, а потом вернешься в отремонтированную, чистенькую квартиру! – ликовала Дуся, чувствуя, что брат побежден. Сколько лет она хотела отремонтировать его квартиру – он ни в какую, а Мака живенько с ним справилась. Это понравилось Дусе. Устройство дома было ее стихией. В собственном доме было уже все устроено, доведено до совершенства, и делать практически нечего! Зато теперь можно вновь засучить рукава и усовершенствовать квартиру брата!

– Зачем? Мы лучше ее сдадим, а поживем у меня, – тихо сказала Мака, но так, чтобы Федор не слышал.

– Разумно, – согласилась Дуся и решила, что теперь ее брат в надежных руках.

– Да, а потом вы скажете, что я свалил все на слабые женские плечи, что я лентяй, захребетник и паразит.

– Почему? Ты же будешь это оплачивать, – успокоила его сестра.

Мака хотела сказать то же самое, но постеснялась, а Евдокия Васильевна словно прочла ее мысли. Хорошо, теперь у нее есть надежная союзница.

И Федор переехал к Маке, забрав лишь компьютер и кое-что из одежды. Мака взяла двухнедельный отпуск.

Но на новом месте работа не клеилась. Совсем. Голова была пуста. И компьютер тоже барахлил. Федор стал впадать в депрессию, злился, с трудом сдерживал злость, когда приходила Мака, усталая, но счастливая. Она со страстью вила гнездо.

– Ой, Федя, я купила на кухню такие обои – закачаешься.

– Лучше б ты купила гамак!

– Гамак? Зачем?

– Чтобы качаться!

– Федь, ну перестань, я же серьезно, я хочу, чтобы тебе было хорошо, уютно, а то там тараканы.

– Не выдумывай!

– Ничего я не выдумываю! На кухне и в ванной были тараканы.

– Что значит – были, а теперь их нет?

– Конечно, первое, что я сделала, выморила тараканов.

– Я их не замечал почему-то.

– Просто не хотел замечать.

– Может, ты и права...

В результате он чувствовал себя виноватым, хотя Мака ни в чем его не обвиняла. Однако по прошествии недели он как-то привык к новому жилищу, привык и компьютер. Работа постепенно налаживалась. Но однажды позвонила Ангелина. Он сразу узнал этот грудной, низкий голос, и по спине пробежали мурашки.

– Федор Васильевич, простите, Маки нет?

– Нет, она занимается ремонтом и сейчас у меня в квартире, вероятно. А вы на мобильный не звонили? – засуетился он.

– Звонила, но «абонент временно недоступен». Если можно, дайте мне ваш телефон.

Он продиктовал ей номер.

– Спасибо. Всего хорошего.

– Простите...

– Да?

– Нет, ничего.

– Тогда всего доброго.

Она повесила трубку, а он вскочил и начал метаться, как тигр в клетке. Он не помнил уже, когда его так будоражил только звук голоса. Как ни дико, даже голос ее звучит элегантно. Мака как-то обмолвилась, что Ангелина пережила какую-то трагедию. Он хотел было расспросить, но не решился, боялся выдать себя. Ох, не к месту сейчас эта вибрация, надо взять себя в руки. Но он долго еще не мог успокоиться, а потом решил, что сегодня работать уже не сможет, и отправился на кухню, сварить себе крепкого кофе. Но раздумал и лег спать, включив негромко телевизор. И увидел странный сон. Ему снилось, что он сидит в той комнате, где жил ребенком, в маленькой квартире на седьмом этаже, и вдруг слышит какой-то испуганный крик. Он подбегает к открытому окну и видит длинные, тонкие пальцы, судорожно вцепившиеся в карниз. Это пальцы Ангелины, он сразу это понял. И тут же увидел ее искаженное ужасом лицо – безумные глаза, побелевшие губы. «Помоги мне, я сейчас упаду!» – шепчет она. А он в растерянности не понимает, что ему делать, потом хватается за плечи, но у нее шелковая блузка, руки скользят, и тогда он в панике хватается за волосы, как утопающую, и втягивает в комнату. Она вся дрожит. А потом вдруг шепотом произносит: «Ах как больно, как больно... Почему спасение связано всегда с такой непереносимой болью?»

Он проснулся, вспомнил сон и испугался. Нехорошо засосало под ложечкой. Ей грозит опасность. И она нуждается во мне. И он, не рассуждая, схватил ключи от машины и ринулся вниз. Он знал, что она живет недалеко, на Беговой, однажды он подвозил к ней Маку. Стоя на светофоре, он вдруг опомнился. Что ты делаешь, идиот? Куда ты мчишься сломя голову? Ведь это был сон! Ничего, мне надо только убедиться, что с ней все в порядке. Он въехал во двор. Ее «тойоты» не было. Он набрал ее домашний телефон. Никто не ответил. А может, она сейчас сидит в ресторане с каким-нибудь кавалером, или в театре, или в гостях? А если у нее нет никакого кавалера? Да какая разница, есть кавалер или нет. Мне, главное, убедиться, что она жива. И он остался в ее дворе, не сводя глаз с подъезда. Вот к нему подкатила машина, но не «тойота», а «жигули», шестерка. Оттуда вышел мужик с большой собакой. Время тянулось медленно. И что я тут стою как идиот, скоро вернется Мака, а меня нет. Плевать я хотел на Маку! Нет, так нельзя. Мака практически твоя жена, и ты почему-то совсем не беспокоишься за нее, хотя она молоденькая красотка и мало ли что взбредет в голову каким-нибудь пьяным работягам? А тут совершенно чужая, немолодая баба. Да кому она, на фиг, нужна? И она наверняка умеет за себя постоять. Это просто идиотское сексуальное наваждение. Надо трахнуть ее, и все будет в порядке. Я забуду о ней как о

прошлогоднем снеге. Нет, плохая фраза. Забуду ее как прошлогодний снег. И нужна она тебе как прошлогодний снег. Но тут во двор въехала знакомая «тойота». Вот и слава богу, с облегчением вздохнул он. Посмотрю только на нее, и все, поеду домой со спокойной душой. Домой – душой, паразитическая рифма, отредактировал он сам себя, напряженно следя, как она вылезает из машины. И вдруг произошло нечто кошмарное, как в плохом кино. Два парня подскочили к ней, отшвырнули, по-видимому вырвали ключи. Она упала в грязь и осталась лежать. Один из нападавших уже сел за руль, а второй еще только обежал машину, чтобы сесть рядом, но тут Федор мгновенно развернул свою машину, преградив им дорогу, выскочил и свистнул так, что задрожали стекла в нижних этажах.

Налетчики выскочили из «тойоты», один с монтировкой, и кинулись к нему, но он снова свистнул и показал им мобильник: мол, милицию вызвал – и парни бросились наутек, оглашая двор отборным матом, а он кинулся к Ангелине. Она уже не лежала, а сидела, потирая ушибленную ногу.

– Вы в порядке? Давайте помогу!

– Спасибо. Господи, это вы?

– Я.

– Это ваша машина? Вы их спугнули?

– Да вот... Вы можете идти?

– Кажется, да, ногу ушибла, но ничего, терпимо, только я вся в грязи.

– Ничего, грязь отчистится. Ах, сволочи! Надо немедленно ехать в милицию.

– Да бросьте, зачем? Машина же здесь... благодаря вам. И со мной ничего страшного, могло быть куда хуже, если бы не вы... Спасибо, Федор Васильевич. У меня просто нет слов, ой!

– Что?

– Каблук сломался.

– Вы уверены, что не хотите в милицию обратиться?

– Абсолютно, только время терять и нервы тратить.

Он крепко держал ее под руку в мальчишески упоенном состоянии – он сумел помочь любимой женщине в момент, когда она больше всего в этом нуждалась! Он герой, и она это должна оценить. Я еще ого-го! Я еще могу справиться с бандитами! А она рядом, такая благодарная, такая слабая сейчас. Это не были оформленные мысли, а так, лишь набор необычайно приятных ощущений, не последним из которых была гордость.

– Позвольте вас проводить.

– Да, пожалуйста, нога все-таки болит, и каблук...

Он вынул ключи из зажигания, закрыл машину, включил

сигнализацию и повел ее к подъезду.

– Вы машину держите во дворе?

– Нет, обычно я ставлю ее на стоянку, тут недалеко, но я хотела сначала занести домой покупки.

– А где же они?

– В машине.

– Сейчас доведу вас до квартиры и отгоню ваш лимузин на стоянку.

– Правда?

– Ну разумеется, эти твари могут вернуться и если не угонят, то уж стекла побьют или еще как-то напакостят непременно... А заодно и сумки ваши доставлю!

– Спасибо вам.

– Не за что. Вы только позвоните на стоянку, лучше предупредить их.

– Да-да, верно, я сейчас...

У нее так дрожали руки, что ему пришлось отобрать у нее ключи и самому отпереть дверь. В квартире стоял лютый холод.

– Боже мой, у вас что, отключено отопление?

– Нет, я просто забыла закрыть балкон.

– Сумасшедшая женщина! – Он бросился в комнату и закрыл балкон.

Она сидела в прихожей на пуфике в полном изнеможении, закрыв глаза.

– Геля, вам плохо? – тихо спросил он. – Может, вызвать врача?

– Ни в коем случае, сейчас пройдет.

– Вам надо глотнуть коньяку. У вас сеть?

– Да. Я выпью... потом...

– Где у вас коньяк, я налью.

– На кухне, в правом верхнем шкафчике.

Через минуту он принес коньяк, налитый в чашку.

– Вот глотните, рюмку я не нашел. Пейте, пейте!

Он поднес чашку к ее губам, она отпила.

– Еще глотните!

Она покорно выпила еще и подняла на него глаза. Он обомлел. В них была такая благодарность, почти любовь. Или это просто любовь? Его прошиб пот. Но нет, ему показалось. У женщины стресс...

– Геля, вы в состоянии позвонить на стоянку?

– Да, разумеется! Спасибо, мне уже легче.

Она на память набрала номер и твердым голосом, как ни в чем не бывало, сообщила охраннику, что заболела и машину поставит ее знакомый.

Он поспешил уйти, пусть очухается. Интересно, она теперь влюбится

в своего спасителя или, наоборот, возненавидит за то, что я видел ее слабость? Но до чего странно, я словно бы почувствовал, что ей грозит опасность. Впрочем, опасность грозила не столько ей, сколько ее машине. Это, конечно, неприятно, когда угоняют машину, но не смертельно все-таки. Однако между ними, очевидно, есть какая-то телепатическая связь, или как там эта чепуха называется. А я герой! Богатырским свистом спугнул мелких воришек! Куда там! Подшучивая над собой, он защищался от той щемящей жалости и нежности, которые переполняли его.

– А вот и я. Ваши сумки, мадам! Машина поставлена. Советую обзавестись баллончиком или электрошокером. Боюсь, такие лихие молодчики могут повторить попытку. Уязвленное самолюбие иной раз толкает таких типов черт знает на что.

Она успела переодеться. Теперь на ней были брюки и мохнатый свободный свитер цвета темной вишни. И она была уже не такая бледная или успела подкраситься? Но под глазом наливался синяк.

– Федор Васильевич, не знаю, как и благодарить вас...

– А я вам скажу, – улыбнулся он.

Она насторожилась.

– Не рассказывайте никому об этом происшествии.

– Почему?

– Потому что у любого слушателя этой душераздирающей истории может возникнуть вопрос.

– Какой вопрос?

– А что Головин делал в вашем дворе?

– И вправду, что вы делали в нашем дворе?

– Я приехал, чтобы повидать одну женщину.

– Какую женщину? – испуганно спросила она.

– Не притворяйтесь, что вы не поняли. Я приехал, чтобы увидеть вас.

– Зачем?

– Глупейший вопрос, но хуже всего то, что я и сам не в состоянии на него ответить. Просто вдруг почувствовал, что должен приехать сюда и увидеть вас. Вот и все. – Он не стал рассказывать ей про свой сон, ему вдруг показалось это пошлым литературным приемом, хотя он не выдумал ничего.

– Федор Васильевич...

– Не надо! Не надо ничего говорить, я и сам все понимаю.

– Я хотела предложить вам кофе...

– Спасибо, не стоит. Я лучше поеду. Так вы обещаете никому ничего не рассказывать?

– Особенно Маке?

Он побагровел, но сдержался.

– Не волнуйтесь, от меня Мака ничего не узнает. И спасибо вам еще раз! Если бы не вы...

– Если бы не я, вы бы определенно остались без машины, только и всего. Вашей жизни ничто не угрожало. Ну я пошел... от греха подальше... – И с этими словами он как ошпаренный выскочил на площадку. Сейчас он ее почти ненавидел.

Подъехав к Макиному дому, он сразу заметил, что в окнах горит свет, значит, она уже вернулась. Черт, он совершенно ничего не придумал. Но тут его осенило. Он развернулся и поехал к ближайшему ночному супермаркету, купил букет красных роз, а заодно любимое Макино мороженое, с шоколадной крошкой. И позвонил ей.

– Федя, куда ты пропал, я волновалась!

– Да тут одному приятелю нужна была моя помощь.

Через десять минут он уже входил в квартиру. Мака бросилась ему на шею, потом потащила на кухню ужинать и весь вечер делилась впечатлениями о ремонте. Ему было хорошо и спокойно с ней. Но немного скучно.

И только утром, поставив перед ним яичницу с ветчиной и помидорами, она спросила:

– Федя, почему ты вчера подарил мне цветы? Ты в чем-то виноват передо мной?

– Конечно, – не моргнув глазом, ответил он, – еще как виноват!

– В чем? – помертвевшим голосом спросила Мака.

– В том, что повел себя как закоренелый холостяк! Даже не подумал позвонить, предупредить. Заставил тебя волноваться. А когда сообразил, то решил хотя бы с помощью взятки вымолить твое прощение.

– И все? – просветлела Мака.

– Нет, еще я весь вечер таскался по бабам, пил, гулял, ширялся и проиграл в казино все деньги!

– Феденька! Я тебя обожаю!

Инцидент был исчерпан.

Весь вечер Ангелина дрожала от страха. Ей мерещились всякие ужасы – в квартиру вламываются давешние налетчики и, чтобы отвести душу, глумятся над ней, мучают и, в конце концов, убивают. Она включила телевизор, но там показывали что-то такое же страшное – кто-то ночью вламывался в квартиру одинокой женщины... На другом канале убийца в

черной маске заносил нож над жертвой – и все в таком роде. Никогда она не была трусихой, а сегодня здорово испугалась. Но что же все-таки привело сюда Головина? Впрочем, это как раз понятно. Его привело желание. Ах, скотина, у него молоденькая жена или невеста – все равно, а он... Сволочь, предатель, как они все... Да, но он повел себя просто героически. И дело не в том, что спугнул мерзавцев, а в том, что не растерялся и поступил именно так, как следовало, – преградил им путь. Поступок настоящего, смелого мужика. И вообще он вел себя так... по-мужски. Подшучивал над собой, он умный... и до жути привлекательный... Счастливая Мака... Хотя какое же это счастье – они еще не поженились, а он уже дежурит во дворе другой женщины. Бедняжка Мака. А ведь я старше нее на пятнадцать лет, даже чуть больше... Я давно перестала быть женщиной. Я рабочая лошадь с шорами на глазах, чтобы не отвлекаться. И что он во мне нашел? Или просто не в состоянии пропустить ни одной юбки? Черт его знает, не хочу я о нем думать, я уже знаю – он предатель, предает Маку с самого начала, потом предаст и меня, если я поддамся этому чувству... Что? Какому еще чувству? Разве у меня еще остались чувства?

Она курила одну сигарету за другой и совершенно не могла спать. А утром, взглянув на себя в зеркало, обнаружила, что под глазом у нее синяк. О том, чтобы ехать в таком виде в издательство, не могло быть и речи. Ничего, поруковожу по телефону, решила она, позвонила секретарше и сказала, что простудилась. Но с глазом надо что-то делать. Можно, конечно, поехать в салон красоты, она как-то видела там даму, которой муж поставил фингал под глазом. После обработки фингал стал практически незаметен. Но я не хочу никому его показывать, не хочу говорить об этой истории...

Тут она услышала, как в замке поворачивается ключ. В первый момент у нее замерло сердце, но тут же она вспомнила, что это пришла Роза Марковна, женщина, которая убирает ее квартиру. Ангелина обрадовалась. Вот ей можно будет рассказать о происшествии, не все, разумеется, но тем не менее.

– Ангелина Викторовна, вы дома? Заболели? Ой, мамочки, что у вас с лицом? Какой дикий кошмар!

Ангелина рассказала о вчерашнем происшествии.

– Ой, какой дикий кошмар! – то и дело восклицала Роза Марковна. – Почему вы не вызвали милицию?

– А что толку? Я их не разглядела, да и вообще... Ничего ведь, в сущности, не случилось.

– А что это был за мужчина? Вы его знаете?

- Да нет, случайный человек. Но не побоялся вступить за женщину!
- Какой дикий кошмар! Он интересный?
- Я не разглядела!
- Какой дикий кошмар! Мужчина вас спасает, а вы его не разглядели! Вам нужна гепариновая мазь!
- Что?
- Гепариновая мазь! Рассасывает синяки. Какой дикий кошмар! Я сейчас сбегаю в аптеку!
- Да ну, у меня есть мазь багульника.
- Ерунда! Только гепариновая мазь! Какой дикий кошмар! Вам еще что-нибудь купить?
- Да, если вам попадетсЯ антоновка.
- Что значит – попадетсЯ? Тут на углу один пожилой мужчина каждый день торгует яблоками. Так у него есть антоновка! И вы можете есть такую кислятину? Какой дикий кошмар!
- Ангелина редко общалась с Розой Марковной, обычно та приходит в ее отсутствие, но сегодня фразочка «какой дикий кошмар» развлекла ее. Настроение у нее улучшилось – она хоть с кем-то поделилась этим «диким кошмаром» – и ей стало легче.
- Розы Марковны не было довольно долго.
- Какой дикий кошмар! В нашей аптеке не было гепариновой мази! Пришлось идти в дальнюю. Антоновку я вам купила!
- Спасибо, Роза Марковна.
- Намажьте синяк скорее! А то на вас смотреть – просто дикий кошмар!
- Роза Марковна, откуда у вас это выражение? Что-то я раньше его не слышала.
- Вы о чем, Ангелина Викторовна?
- Какой дикий кошмар!
- А, так это от попки!
- Что? – вытаращила глаза Ангелина. – От какой попки?
- Какой дикий кошмар! От попугая! Я же хожу убираться еще в один дом, там живет попугай Барсик, и он все время орет: «Какой дикий кошмар!» Вот я и заразилась.
- Попугая зовут Барсиком?
- Да, они странные люди. Кота, например, зовут Иван Пантелеймонович.
- Действительно, странные люди.

Федора так и подмывало позвонить Ангелине, справиться о здоровье, но он не решался. Не надо усугублять, Федор Васильевич, не надо. Пусть все идет как идет. И Маку жалко... Она так старается, столько сил тратит на этот дурацкий ремонт. Правда, ей это вроде бы в кайф, но все-таки... И он решил к ее возвращению приготовить ужин. На него иной раз нисходило кулинарное вдохновение – и тогда все получалось отменно. Особенно плов. Но плов – тяжелая еда, а Мака вернется поздно. И он решил запечь рыбу в фольге, с кореньями и овощами. Ему приятно было думать, как обрадуется и засияет Мака. Она милая девочка.

И он отправился на рынок, а потом еще зашел в магазин купить хорошего белого вина.

– Федя, Федечка! – с порога завопила Мака. В голосе слышалось ликование. – Федя, смотри, что я принесла!

Он выскочил в прихожую.

– Федя, смотри, что я купила! – Она протягивала ему видеокассеты. – Федя, это твой сериал!

Действительно, первое, что бросилось ему в глаза, была надпись «По мотивам романа Ф. Головина «Медленно, но верно». Сериал назывался «Битва за любовь».

– Федя, ты никогда не говорил.

– А что было говорить? Они два года назад купили у меня права на экранизацию. И как сквозь землю провалились! Я даже не знал, снимают или нет... – растерянно бормотал он. – Ну надо же, какие силы тут... Какие актеры... Странно, почему ж они его в эфир не пустили?

– Это как раз понятно, хотят денег нажить, пока по телевизору не показали. Но почему ж ты ничего не узнавал, Федя?

– Не хотелось, у меня с киношниками не складывается... Они там хамы все редкостные. Ну их к бесу!

– Федечка, давай скорее посмотрим, мне так интересно!

– Нет, сначала поужинаем.

– Я сейчас, мигом!

– Нет, Тамара Валерьевна, ужин уже вас ждет! Прошу к столу!

Мака так просияла, что он просиял в ответ. Как легко с ней, легко и приятно. Может, это самое главное, чтобы с женщиной было легко и приятно?

Несмотря на синяк под глазом, Ангелина весь день просидела за компьютером, работа хорошо отвлекала от ненужных чувств и мыслей. К тому же не было уже сил слушать про разные «дикие кошмары».

Часов в девять вечера, когда она смотрела телевизор, в дверь вдруг позвонили. Она вздрогнула. Кто это? Она никого не ждет. Соседка Лена? Но у нее другой звонок, очень короткий. Неужто Головин? Она нацепила темные очки.

– Кто там?

– Майор Стрешнев! Откройте, пожалуйста, Ангелина Викторовна.

Вот не было печали! Что ему опять нужно?

– Здравствуйте, госпожа Миленич!

– Добрый вечер, майор. Чему обязана?

– Вы позволите войти?

– Разумеется. Но что вас привело ко мне, я же ничего не знаю.

– А почему вы в темных очках?

– Потому что мне делают уколы под глазное яблоко и у меня фингал от этого. – Она хорошо знала, что от подобных уколов бывают синяки. Ее матери их делали регулярно.

– Ангелина Викторовна, извините, но это ведь неправда! Вчера у вас пытались угнать машину.

– Откуда вы знаете?

– Вы недооцениваете милицию.

– И все-таки? Там ведь никого не было в тот момент...

– А в окно люди видели.

– Ну допустим. И что вы от меня хотите? Заявления? Я его подавать не стану!

– Почему?

– А зачем? Вы что, их найдете?

– Можем и найти.

– Мне нравится такая постановка вопроса. Но я уже все сказала.

– Ангелина Викторовна, это неразумно.

– Это как раз очень разумно – не тратить зря время и нервы. Мои и ваши.

– Но мы же их ищем, у нас не первый подобный случай, и если бы вы дали показания... Ладно, не пишите заявление, но хотя бы дайте показания.

– Официально? Нет.

– Хорошо, неофициально. Сколько их было?

– Двое.

– Возраст?

– Откуда я знаю? Было темно! И я здорово испугалась.

– И все же, это были подростки или взрослые парни?

– Нет, не подростки, как мне показалось.

- Ну вот видите, уже ценные сведения. Во что одеты?
- Не разглядела.
- Чем они вас ударили?
- Да они не столько ударили, сколько отшвырнули в грязь.
- Кастета не было?
- Откуда мне знать!
- Хорошо. Кто был тот человек, который их спугнул?
- Понятия не имею! Просто какой-то храбрый мужчина.
- Что именно он сделал?
- Он загородил им дорогу и страшно засвистел. Просто как Соловей-разбойник.
- Сам засвистел?
- Нет, дублера пригласил! – вышла из себя Ангелина.
- Извините, я имел в виду, у него был свисток?
- Да почему я знаю, мне не до того было! Говорю же вам, я здорово испугалась.
- А они, значит, испугались свиста?
- Выходит, что да.
- А дальше что было?
- Дальше? Дальше он помог мне встать и дойти до лифта. Да, еще он отогнал мою машину на стоянку.
- А ключи вернул?
- Разумеется!
- А вы проверяли, машина там?
- Что вы хотите сказать?
- А то, что это мог быть спектакль. Парни вас вышвырнули, а он вроде как пришел на помощь – и таким образом получил доступ к машине. И спохватиться, по его расчетам, вы могли бы в лучшем случае утром, когда их и след простынет. А так бы вы сразу сообщили об угоне. Представляете, какой выигрыш во времени? Позвоните на стоянку!
- Мне утром оттуда звонили, что я забыла заплатить. Там все в порядке.
- Отлично! Значит, не перевелись еще герои? Кстати, он вам представился, этот герой?
- Назвался то ли Иваном Филиппычем, то ли Федоровичем, а нет, Фердинандычем. Да, точно, Иван Фердинандович.
- А фамилия?
- Не спрашивала. Может, мне от него еще документы надо было потребовать?

- В наше время это нелишнее.
- Но я же не милиционер. Еще вопросы будут?
- Вы театр любите?
- Какой театр?
- Ну вообще, как вид искусства?
- А какое это имеет отношение к делу?
- Никакого. Просто мне тут достали билеты во МХАТ...
- И что?
- Да вот подумал... Хорошо бы пойти с такой интересной женщиной.
- Пойдите с женой.
- Я не женат.
- Ну так пригласите кого-нибудь.
- Вот я и приглашаю. Вас.
- А больше некого, что ли?
- Да нет, но просто хотелось бы с вами пойти.
- Это вы что, клеитесь ко мне? – усмехнулась Ангелина.
- Ну можно и так сказать, – покраснел майор.
- А я не могу пойти в театр, даже если бы хотела.
- Почему?
- А у меня фингал!
- Ну можно в темных очках, как сейчас, совсем ничего не видно.
- Ну уж нет, с фингалом не пойду.
- Очень жаль. А когда фингал пройдет?
- Тогда мне придется наверстывать то, что я пропущу за эти дни. По работе, я имею в виду.
- То есть вы не хотите идти в театр с ментом? Так?
- Не так. Просто у меня объективные причины, и потом, вы ведь не дали мне ответить. Я не люблю театр как вид искусства.
- Не может быть!
- Почему? Еще как может! Просто терпеть не могу театр.
- А цирк?
- Ненавижу!
- Почему?
- Там зверей мучают. Я один раз видела на Цветном бульваре, как из цирка выехал мотороллер, на котором сидел морской лев. И он упал на асфальт и остался лежать... Ненавижу!
- А что вы любите?
- Послушайте, Денис Геннадьевич. Я сейчас совершенно не в том настроении, чтобы завязывать какие-то отношения, поймите меня!

– Да-да, я понимаю! Ну что ж, простите за назойливость. Жаль, что не хотите подать заявление. Всего наилучшего!

Он ушел расстроенный.

Вот не было печали, влюбленный мент. Впрочем, он довольно приличный и внешность приятная, но как с другой планеты. С ним разговор получается как с гуманоидом. А вот с Головиным другое дело. Мы с ним с одной планеты. Но мне он не годится... У него Мака, да и вообще, зачем мне все они нужны? А ну их всех!

Фильм состоял из десяти серий. И вначале ему все нравилось. И бережное отношение к тексту, и главный герой. Тут попадание было абсолютным. Правда, героиня подкачала. Она сразу была показана какой-то мерзавкой, а она у него вовсе не мерзавка, а просто женщина, на которую слава обрушилась тогда, когда ее уже не ждут, и кто бы бросил в нее камень за то, что голова у нее закружилась? Очень уж это в лоб... Но остальные актеры ему понравились. Мака млела от счастья! Это было так странно – твои фразы произносят актеры и действуют по тобой написанным правилам. Восхитительно и странно. Иногда он морщился недовольно – сценарист прибавил что-то свое, и, как правило, это казалось чужеродным, но все-таки общее ощущение было приятным. Он сам с интересом следил за развитием сюжета. Но в час ночи объявил:

– Все, на сегодня хватит!

– Ну Федечка, давай еще одну серию посмотрим, мне так нравится...

– Завтра, Мака, хорошенького понемножку. Завтра рабочий день все-таки...

– Ладно, я согласна. Такой кайф лучше растянуть!

– По-твоему, это будут смотреть?

– Федя, как ты можешь сомневаться?

– Ну вообще мне тоже так кажется, поразительная удача – главный герой. Стопроцентная!

– Федечка, я так рада!

– Но как ты на это набрела?

– Мне позвонила одна знакомая и сказала, что посмотрела сериал, я вообще отпала, не поверила даже. Думала, как Федя мог не сказать...

– Я ведь уже объяснил.

– Теперь я поняла! Федя, но если они тебе еще предложат купить права, ты просто так не соглашайся! Потребуй, чтобы тебя сделали соавтором сценария.

– Я не умею писать сценарии.

– И не надо! Они умеют, но в таком случае ты сможешь проследить, чтобы там все было, как считаешь нужным ты, автор! А еще лучше сделай меня соавтором, и я им всем за каждое твое слово глотки перегрызу!

– А ты сумеешь? – засмеялся он.

– Не сомневайся!

– Ты такая опасная девушка?

– Еще какая опасная, ты даже и вообразить не можешь!

– Мне тоже надо тебя опасаться?

– Пока нет.

– Только пока?

Она рассмеялась и нежно прижалась к нему. Но у него от этого разговора остался неприятный осадок. А почему, он объяснить не мог.

Утром, когда Мака ушла, он сел за компьютер, но в голове не было ни одной мысли. Ему не терпелось узнать, как из оставшегося материала киношники смогли сделать еще пять серий. Вот три было бы нормально, а пять... И он решил, что посмотрит сейчас все. А потом еще раз, вместе с Маккой. Шестая и седьмая серии понравились ему не меньше, чем первые пять. В восьмой вдруг появились неведомые ему персонажи, и он насторожился. Было совершенно ясно, что они просто накручивают метраж. Девятая серия вообще не имела никакого отношения к роману. У героя вдруг завязалась интрижка с какой-то явной проходимкой, которая в результате ограбила его квартиру, а когда ее поймали, без всяких его усилий, он великодушно отказывается ее обвинить и заявляет правоохранительным органам, что сам подарил ей все это. Федор пришел в негодование. К тому же ему показалось, что эта серия на удивление скучная. Эта интрижка не утепляла образ героя, а только размазывала его. Довольно и двух других героинь. Вторая, почти идеальная в сериале, у него была вполне земной, живой женщиной. А первая вовсе не была такой ничтожной мерзавкой, как ее показали тут. И карьера ее сходит на нет, то есть порок наказан... Тьфу! Он огорчился, забегал по комнате... Но все-таки восемь серий были со знаком плюс. К тому же те, кто читал роман, поймут, что это не его вина, а те, кто не читал... Им наверняка все понравится, они же не читали. Но зато ни одна машина в кадре не взорвалась, романтики – прорва, а любовь в фильме, пожалуй, получилась даже лучше, чем у него, живее, теплее, что ли... К черту кино, к черту телевидение! Он напишет о любви, и теперь у него получится. Но не о вине из яблок, не о дурацкой сережке, а о любви к совершенно чужой, вроде бы не нужной ему женщине, которой он тоже не слишком нужен... И воды Майна, и вино из яблок тут ни при чем. Это так, помрачение рассудка на

почве слабого алкоголя и головокружения от успеха. Тут действуют самые примитивные инстинкты. Основной инстинкт... Нет, основной инстинкт для меня другое. Подсознательное желание защитить, оберечь женщину. Пусть даже ее жизни в тот момент ничто не угрожало, но мне ведь приснилось... Что это? Любовь? Но откуда тут любовь? Никогда раньше ему не нравились такие женщины, это не его тип. А вот Мака – его тип. Федор, ты уже обжигался на любви, может, хватит? Послала тебе судьба такую прелесть, как Мака, она тебя любит, она за тебя готова даже перегрызть глотку киношникам... Вот и радуйся. Любовь ему на пятом десятке понадобилась, да еще роковая... У тебя в жизни, Федя, все так хорошо, что иной раз страшно делается, так еще и любовь до кучи? Нет, глупости, надо с этим завязывать! Вот поеду сейчас и куплю еще два или три комплекта кассет. Надо подарить Дуське и послать друзьям в Израиль. И не успел он об этом подумать, как ему позвонил из Израиля его старинный друг Толик:

– Федяка, привет! Как жизнь? Поздравляю! Мы тобой гордимся, брат! – обрушил на него свой могучий темперамент Толик.

– Привет, старина, только что о тебе думал! Как вы там?

– Да мы нормально, целы пока, но главное, Федяка, мы тут тобой гордимся!

– По какому поводу? – рассмеялся Федор.

– Повод достойный! Вчера смотрели первую серию!

– Постой, какую серию?

– «Битва за любовь»!

– Где смотрели?

– Слушай, что ты придуриваешься? По ящику у нас показывают! А у вас разве нет?

– У нас? Нет, только вчера на кассетах увидел.

– Да не может быть! Слушай, а кассеты где взял?

– Мне... девушка одна купила. – Он собирался сказать «жена», но язык не повернулся.

– Все по девушкам, по девушкам? Жениться пора!

– Так я, собственно...

– Старик, мы тут все тащимся, такой клевый фильм, такие артисты! А главное – написано «По мотивам романа Федора Головина!» – Я горжусь, старик! Жалко, что твоя мама не дожила! А как там Дуся?

В голосе Толика прозвучала нежность. Он когда-то со всей силой своего бешеного темперамента влюбился в Дуську, и это был ураган. Дуся тогда испугалась именно урагана. И вышла замуж за Пашку. А Толик с горя

уехал в Израиль. Теперь у него было уже четверо детей. А Дуська через полтора года ушла от Пашки, мыкалась одна несколько лет, а потом, к счастью, встретила Ивана. Но Федор никогда не знал, любила она Толика или нет. Во всяком случае, вспоминала она его всегда с большой нежностью.

– Слушай, старик, пришли нам кассеты, а?

– За минуту до твоего звонка, Толян, я как раз собирался ехать за кассетами для тебя.

– Федор, ты человек! Приезжай к нам в гости, мы найдем тебе хорошую девушку, у тебя тут много поклонниц!

– Может, и приеду, но со своей девушкой.

– Вот здорово, давай, Федяка! Мы тут такую встречу организуем, закачаешься!

– Могу себе представить! Закачаюсь уж точно!

Толик громко расхохотался:

– Ладно, Федяка, бывай. И передай привет Дусе, если она меня еще помнит!

– Такое не забывается! Пока, браток!

От разговора со старым другом осталось удивительно приятное чувство. В отличие от Дуськи, на Федора Толик всегда действовал успокаивающе. И он решил немедленно поехать в видеосалон, о котором говорила Мака.

Гепариновая мазь помогла, и через три дня Ангелина вышла на работу. Ее немного задело, что Головин не позвонил справиться о ее здоровье, а впрочем, ее давно уже не удивляли поступки мужчин. У них какая-то своя, непонятная женщинам логика. И вообще, это к лучшему. Небось увидел, как у нее под глазом наливается синяк, и разочаровался. Ну и черт с ним, так спокойнее.

Она занялась делами. Хотя дома она старалась держать руку на пульсе, все равно за эти дни скопилось уйма проблем. Однако к концу рабочего дня у нее вдруг возникло острое желание купить себе какую-нибудь шмотку. И, может быть, туфли. И хорошо бы поменять прическу. Эта смертельно надоела!

Она так давно одевалась и следила за собой в силу необходимости, что подобные желания показались ей чуть ли не неприличными. А, собственно, почему? Мне скоро сорок лет, и надо уделять больше внимания внешности. Вот послезавтра суббота, и я всем этим займусь. Кстати, и Мака уже в понедельник должна выйти на работу... А при чем здесь Мака? Понятия не

имею. Мака тут абсолютно ни при чем!

Из видеосалона Федор решил сначала заехать на почту, чтобы немедленно отправить кассеты в Хайфу Толику, а оттуда заглянуть в свою квартиру, посмотреть все-таки, что там такое грандиозное затеяла Мака. Она давно просит приехать, вот и сделаю ей сюрприз. Надеюсь, что не застаю ее там в объятиях маляра. И вдруг подлая мыслишка промелькнула: а хорошо бы застать... Разом бы все решилось. Конечно, это было бы как в самом скверном анекдоте, но...

Нет, Федор Васильевич, вы просто ничтожество, сказал он себе. Неужто вы полагаете, что милая, юная, влюбленная Мака... А почему бы и нет? Нынешние девушки еще и не такое вытворяют. Может, я для нее уже староват? Она девушка в самом соку, очень даже охочая до плотских радостей, а там, может, какой-нибудь бугай лет двадцати пяти... А при этом она... Тьфу, что за хамские мысли! Ты что, ревнуешь ее? А кому охота представить себе свою женщину в объятиях бугая с малярной кистью? Тебе, Федор, тебе! Ты боишься решительных шагов, не хочешь жениться... А так ты вроде и ни при чем... Черт, какая мерзость, какая низость! Что за мысли для порядочного человека?

И он не поехал смотреть ремонт, а завернул к сестре, которая еще ничего не знала о фильме, и он решил сделать ей сюрприз.

Дверь ему открыл Иваныч.

– О, привет! А я бегу на тренировку! Мам, Федя пришел!

Он убежал.

– Что ты орешь, Шурка же спит! – вслед ему задуманным голосом крикнула Дуся. – Феденька, ты что? У тебя такой таинственный вид? Что-то случилось?

– Закрой глаза!

– Зачем?

– Надо!

Она покорно закрыла глаза.

– Не открывай! Держи! – И он вложил ей в руки две коробки с кассетами.

– Ой, что это? Федька! С ума сойти! – завопила сестра.

– Не ори, Шурка спит!

– Федька, почему ты молчал? – перешла на шепот Дуся.

– Я сам только узнал, и то случайно!

– А ты уже видел?

– Видел!

- Ну как?
- На четыре с плюсом!
- Ой, как я хочу посмотреть! Но сейчас я ужин готовлю...
- Чаю нальешь?
- Что за вопрос, иди на кухню! Нет, я лучше вместе с Ваней посмотрю.

Вот детей уложим...

– Ну, Иванычу это тоже будет интересно.
– Ой, он потом сам посмотрит. Терпеть не могу смотреть что-то вместе с ним и слушать его дурацкие комментарии. Но как здорово, что тебе понравилось, говорят, авторам, как правило, не нравится... Сахар положить?

- Две ложки! Да, тебе еще привет.
- От Маки?
- Нет, от Толика.
- От Толика? – ахнула Дуся. – Он что, в Москве?
- Нет, он мне звонил сказать, что у них уже показывают этот сериал.
- Ой, а у нас когда покажут?
- Понятия не имею!
- Да ну, Федька, ты сам виноват, надо держать руку на пульсе, а не ждать милостей от киношников.

– Вот Мака требует, чтобы в следующий раз я ее сделал соавтором сценария, и она будет перегрызать им глотки.

– Она это может, – довольно сухо произнесла Дуся.

Он насторожился:

- Что ты хочешь сказать?
- Ничего. Просто сказала, что она это может.
- Из чего ты сделала такой вывод?
- Да нет, мне просто так кажется, она девушка с характером, только и всего.
- А по-моему, ты имела в виду что-то конкретное. Она тебе что, разонравилась?

– Нет, что ты...

Но в голосе сестры не было прежнего энтузиазма. Чем-то, видно, Мака ей досадила. Неужели Дуся застала ее с маляром? Но если так, она умрет, но не скажет!

- Феденька, а что говорил Толик?
- Да все больше о том, как он мной гордится. Но когда передавал привет, в голосе было столько нежности...
- Правда? Интересно, какой он сейчас?

– Отец четверых детей!
– Четверых? – всплеснула руками Дуся. – В прошлый раз было еще двое.

– Так у него близняшки родились!
– Мальчики или девочки?
– Я забыл.
– Ну как можно такое забыть!
– Привет, Федя! – раздался сзади Шуркин бас. Вид у нее был заспанный и до того милый, что он подхватил ее на руки, подбросил в воздух, поймал и прижал к себе. – Ты один пришел?

– Один, а что?
– Люблю, когда ты один! Дай попить, мам!
– Тебе водички или соку?
– Водички!
– Почему ты любишь, когда я один?
– Потому что тогда ты настоящий.
– Настоящий? А когда не один, то ненастоящий?
– Да! Когда с ней – ненастоящий!
– Устами младенца... – пробормотала Дуся.

Федор решительно поставил племянницу на пол.
– Так, я чувствую, в этом доме к Маке изменилось отношение? – холодно осведомился он.

– Брось, ты же знаешь, что Шурка просто ревнует! С первого раза!
– Ну а ты?
– А что – я?
– Не прикидывайся шлангом, как говорит Иваныч. Ты в ней разочаровалась?

– Федя, какое это имеет значение? Главное, что ты не разочаровался. Ты же понимаешь, для меня важнее всего, чтобы тебе было хорошо. А я думаю, она сумеет защищать твои интересы. На всю катушку, – добавила она едва слышно.

Он не выдержал:
– Послушай, Дуся, если ты что-то о ней знаешь, либо скажи, либо прекрати идиотские намеки.

– Федь, а тебе обязательно на ней жениться?
– Ну все, ты меня до печенок достала! Говори немедленно, в чем дело!
– Да понимаешь, ни в чем, собственно... ничего такого... Просто внешность обманчива... Она с виду такая лапочка-лялечка...
– А на самом деле что?

– На самом деле она хищница!
– Хищница? Чепуха какая! Она просто еще совсем девочка...
– Хищная девочка!
– Объясни!
– Не могу.
– Почему?
– Не могу это сформулировать, это лишь на уровне ощущений... Но ты слышал, что сказала Шурка... Ты при ней ненастоящий...
– Мало ли что сболтнет пятилетний ребенок!
– Устами младенца глаголет истина.
– Знаешь, по-моему, ты тоже просто ревнуешь: мол, как это девчонка захомутала любимого братца. Мои кандидатуры он отверг безжалостно, а тут какая-то пигалица, невесть откуда взявшаяся, наложила на него лапу. Не годится. Надо попробовать отвести его от девчонки. Пусть живет один, тогда им легче будет манипулировать? А ты не подумала, что я, может быть, ее люблю?
– Что ты орешь? Люби себе на здоровье! Только ты ее не любишь! Шурка именно это имела в виду, говоря, что ты при ней ненастоящий!
– Ну уж это мне лучше знать!
– Федя, не кричи!
– Да как же не кричать, если все вмешиваются в мою жизнь, даже пятилетняя соплячка!
Из прихожей раздался громкий, отчаянный рев.
Дуся кинулась к дочери.
– Мама, он... он сказал, я соплячка! Это он из-за нее...
Федор вскочил и в ярости выбежал из квартиры. Дуся за ним не побежала. А он прыгнул в машину и поехал к себе. Сейчас он все выяснит!
Но дверь ему открыла милая женщина в заляпанной спецовке и сообщила, что Мака поехала покупать плитусы.
– Да вы пройдите, гляньте, как вам понравится!
– Я ничего в этом не смыслю, и вообще, целому дураку полработы не показывают!
И ушел. Он был так зол на весь мир, что успокоить его сейчас могла только бутылка водки. Или Ангелина. Он позвонил ей домой. Но домработница сообщила, что Ангелина Викторовна на работе. Время было позднее, конец рабочего дня, и она запросто могла уже уйти с работы. И все-таки он поехал к издательству. Ее «тойота» стояла во дворе.
Он стал чуть поодаль, чтобы его машина не бросалась в глаза другим сотрудникам. Он не раз заезжал сюда за Макой, и они могли ее запомнить.

А это ни к чему. Около шести появилась Ангелина вдвоем с какой-то женщиной. Они озабоченно о чем-то говорили, потом сели в «тойоту» и уехали. Так мне и надо, идиоту!

Итак, Ангелина не помогла, оставалось только напиться. Он купил здоровенную бутылку водки и поехал к старому приятелю – художнику, всегда готовому составить компанию, если нужно напиться. Он был старше Федора лет на десять. Могучего вида мужчина с нежной душой, Лев Михайлович встретил его с распростертыми объятиями.

– Здравствуй, друже! Давненько не заглядывал! Пришла нужда выпить? Дело хорошее! Ты, говорят, теперь известная личность! Скажи только, друже, почему твои книжки так пошло оформляют? Этот глянец обложек оскорбляет мою художественную натуру!

– Зато хорошо продается!

– Да, критерий внушительный!

– Ладно, Левушка, надо пройти этот этап, и потом, разве обложка – главное?

– Так иной раз в книге ничего, кроме обложки, и нет.

– По-твоему, это обо мне?

– Ни в коем разе! Твои книги вполне читабельны и даже милы... Впрочем, я не такой уж ценитель, но я рад, что ты пришел ко мне. Ты голоден?

– Да нет, но я купил тут кое-какую закуску...

– Мудро! О, селедка! Слушай, а до чего удобно, что ее не надо чистить. А картошку мы испечем. Как бывалоча... Ну что стряслось? Опять драмы на личном фронте? Кстати, тут заходила Фаридка и, как бы между прочим, интересовалась, как ты, что ты, а я не мог ответить... Хорошенькая, зараза! Я попытался к ней подъехать, а она ни в какую.

– Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой.

– А что за зайка у тебя теперь?

– Да то-то и беда, что у меня две зайки! – рассмеялся невесело Федор.

– За двумя зайками гнаться гиблое дело, непременно встрянет третья!

– Да боже меня сохрани, я и с двумя-то разобраться не могу! Давай выпьем!

– Погоди, выпить со старым другом – святое дело, и надо обставить все так, чтобы это была не пошлая пьянка, а душевное застолье. Оно конечно, дело все равно кончится пошлой пьянкой, но надо положить этому хорошее начало. Картошечка уже печется в микроволновке. Давай почисти огурчики, а я открою банки, да нарежь вот зелененького лучку, посыпь селедку. Ах, Феденька, как вовремя ты появился, у меня, знаешь ли,

сегодня плохо работа шла, я уж думал напиться с горя в одиночестве...

Когда картошка испеклась, Лев Михайлович разлил водку по большим граненым стопкам и сказал торжественно:

– Давай, Федя, выпьем сначала просто так, без всяких дурацких тостов. Для затравки. Поехали!

Они выпили, закусили.

– Теперь еще по одной.

Выпили еще.

– А теперь давай выпьем за заек!

– А ну их всех!

– Тогда почему всего две зайки поставили тебя в тупик? Выкладывай, а потом решим, за которую из двух пить.

Федор рассказал все.

– Да ну, старик, в чем проблема? Молоденькая зайка всегда лучше.

– Так-то оно так, но вторая... меньше всего ей подходит определение «зайка».

– А что, тигрица? Тогда мой тебе совет – сохрани обеих. Дома – зайка, а на стороне тигрица. Полнота ощущений гарантирована.

– Сам же говорил – за двумя зайками...

– Поверь моему опыту, когда две зайки, вполне может появиться третья.

– Да на кой черт мне еще третья? Это ж целый гарем, а я не султан все-таки.

– Ты не понял, Федя. Когда при двух зайках появляется третья, то она уже может оказаться той самой... единственной. Тогда тех заек побоку – и не упusti единственную. Это, конечно, трудно... Хочется ведь побольше охватить или осеменить...

– Лева, что ты несешь?

– Делюсь с младшим товарищем горьким опытом.

– А в результате живешь бобылем.

– Ну и что? Я еще могу себе позволить двух и даже трех заек.

– Понимаешь, Ангелина – она не зайка...

– Ах ну да, тигрица!

– Да и не тигрица она, а похоже, что она та, единственная...

– Ты с ней еще не спал?

– Нет.

– Тогда ты вообще ничего не можешь знать – зайка она, тигрица или просто маринованная селедка.

– Лева!

– Это только предположение, не более того, и потом, ничего плохого в маринованной селедке я лично не вижу. Главное, чтоб не клуша. Вот клуша – это не мое.

– Но что же мне все-таки делать?

– Просишь у меня совета?

– Могу себе представить, что ты посоветуешь, но все-таки прошу.

– Трахни незайку. Может, все как рукой снимет.

– А если нет?

– Если нет, тогда и будем думать. Если тебе негде ее трахнуть, приводи сюда. Я предоставлю тебе такую возможность.

– Незачем. Она живет одна.

– Отлично. Тогда приводи свою зайку. Я посмотрю на нее непредвзято. У меня глаз-алмаз. Хуже всего для нашего брата, когда под внешностью зайки скрывается какое-нибудь другое животное. Лиса, например, или еще хуже – гиена.

Лев Михайлович долго теоретизировал по поводу заек, затем разговор незаметно перешел на политику, а потом оба уснули. Федор в кресле, а хозяин на неудобной, узенькой кушетке...

Проснулся Федор оттого, что в кармане вибрировал и надрывался мобильник.

– Федя, ты где? Я же волнуюсь, ты знаешь, который час?

– Мака? Здравствуй, зайка!

– Федечка, ты пьяный?

– Да мы тут с другом...

– С каким другом?

– Слевой... мы тут выпили, извини, бывает, я сейчас приеду.

– Нет, Федя, не надо!

– Что значит – не надо? – вскинулся он.

– Нет, то есть надо, но не садись за руль, возьми лучше такси.

– Ах, все-таки надо? Слушай, Мака, ты что, с Дусей поссорилась?

– Господи, нет, с чего ты взял?

– Нет? Я, вероятно, что-то спутал... Я выпил. Но сейчас и вправду возьму такси и приеду. Зайка!

– Приезжай скорее, и не надо называть меня зайкой.

– Хорошо, не буду. Ну пока, до встречи!

Лев Михайлович спал крепким сном. Федор тихонько вышел из мастерской, спустился на несколько ступенек и вызвал лифт. В лифте воняло кошками.

Проехав два этажа вниз, лифт вдруг остановился, двери разошлись, и

он увидел перед собой Ангелину. Но решил, что это ему снится.

– Федор Васильевич?

– Это вы? – почти протрезвел он.

– Неожиданная встреча! – как-то криво улыбнулась она.

– Да уж... Что вы здесь делаете?

– Я была у подруги.

– Какое совпадение! А я у друга, Левушку Тверитинова знаете?

– Нет.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, все в порядке. Федор Васильевич, вы намерены сесть за руль в таком состоянии? – спросила она, когда они вышли на улицу.

– Ерунда!

– Возьмите лучше такси!

– Глупости, я в норме, прекрасно доеду.

– Нет уж, услуга за услугу, я вас довезу, садитесь.

– И куда вы намерены меня везти?

– Домой, надо полагать.

– А где мой дом? Моего дома нет больше, там разруха... Ремонт...

– Вы, вероятно, сейчас живете у Маки?

– Ах ну да... Живу... У Маки... Знаете что, отвезите меня лучше к себе домой.

– Это еще зачем?

– Хочется.

– Ну мало ли кому чего хочется!

– А чего хочется вам?

– Спать. Мне хочется спать.

– Со мной?

– Да нет, просто спать, без вас, – засмеялась она.

– Послушайте, вы прелесть! Вы так это мило сказали... вы, наверное, добрая, несмотря на внешнюю суровость... Другая на вашем месте либо развопилась бы, что я нахал и оскорбляю ее, или, наоборот, уже лезла бы ко мне в штаны. А вы...

Она засмеялась. Смех был хрипловатый и до ужаса сексуальный.

– Подобное предположение говорит о вашем, уж простите меня, дурном вкусе. С какими женщинами вам приходилось иметь дело?

– Ну вообще-то с разными, но... Между прочим, Владя всегда твердил, что у меня плохой вкус и что я ничего не понимаю в женщинах. И теперь я убедился, что он прав. Но не совсем. Вот влюбился же я в вас.

– Федор Васильевич, мне неприятно это слышать.

- Почему неприятно?
- Потому что мне безразлична судьба Маки. Она не заслуживает такого отношения.
- Да какое отношение? Я прекрасно к ней отношусь! Думаете, почему я надрался? Потому что моя сестра попыталась говорить гадости о Маке, а я не позволил, и в результате поссорился с сестрой. Но я же не виноват, что сразу не разглядел вас, и, между прочим, во всем виновата ваша треклятая сережка!
- При чем тут моя сережка? – добродушно рассмеялась Ангелина. Ее забавлял пьяный лепет Головина. И вообще, у нее сегодня было отличное настроение.
- А при том! Я ее нашел и дал волю воображению...
- А, вы стали представлять себе, как выглядит женщина, потерявшая ее?
- Она выглядела в точности как Мака. Поэтому, когда я ее увидел, у меня съехала крыша. Кстати, вам нравится это выражение – ну насчет крыши?
- Я к нему глубоко равнодушна!
- Остановите, пожалуйста, машину!
- Зачем?
- Надо.
- Вы хотите выйти?
- Отнюдь.
- Тогда зачем? Время и так позднее.
- Я хочу вас поцеловать.
- О! Это ни к чему. Я не люблю трезвая целоваться с пьяными мужчинами.
- А пьяная?
- Я почти не пью.
- Это «почти» меня вдохновляет. Остается все-таки шанс... Слушайте, а трезвая с трезвым?
- Сейчас не та ситуация, – усмехнулась она.
- Согласен. Но когда протрезвею... я приду к вам, и вы не отвертитесь.
- Федор Васильевич, хватит, пошутили – и будет. Я не намерена портить жизнь Маке.
- А если б Маки не было...
- Если бы да кабы...
- Но ведь от Маки не убудет, если мы с вами поцелуемся. Она же не узнает. Всего один поцелуй, на большее я не претендую... Хотя вру, я

претендую на все! Слышите, на все! Вы меня сводите с ума...

– Вы как-то очень легко сходите с ума, Федор Васильевич. Недавно сошли с ума от Маки, теперь от меня... Это наводит на некоторые размышления...

– О моем уме?

– Ну да.

– Согласен. Я и сам удивляюсь... Надо быть полным идиотом, чтобы в вашем присутствии запасть на Маку.

– Замолчите, не желаю этого слышать. И вообще, забудьте вы обо мне. Это блажь, не более того. А Мака будет прекрасной женой. И это мое последнее слово, – сердито проговорила она.

– Посмотрим.

Она промолчала. Какой смысл спорить с пьяным!

– Ну вот мы и приехали. Всего хорошего, Федор Васильевич.

– А что хорошего может быть без вас?

– Это уже неинтересно. Спокойной ночи. Я спать хочу!

Но он не трогался с места.

– Геля... Какое чудное имя... нежное, какое-то ручейковое... Геля...
Что же имя твое звенит, словно августовская прохлада...

– Есенин имел в виду имя Августа.

– А ну вас! Я пошел!

– Спокойной ночи.

– Ха! – Он с трудом выбрался из машины. Его пошатывало. Она уже хотела уехать, но он встал перед капотом.

– Ну что еще?

– А как же ваша машина?

– Что?

– Ну вы не боитесь идти одна ночью от стоянки?

– Не боюсь! Уйдите с дороги!

– Ни за что! – И он буквально навалился на капот.

Ангелина рассердилась, вытащила мобильник и позвонила Маке:

– Мака, привет, я тут доставила твоего супруга, он лыка не вяжет, выйди и забери его.

– Ангелина Викторовна, где вы его подобрали?

– Случайно встретила в одном доме. И привезла, чтобы не садился в таком виде за руль!

– Ой, спасибо вам, я мигом.

Ангелина вышла из машины.

– Федор Васильевич, возьмите себя в руки, сейчас придет Мака!

- Маку в сраку!
- Какая мерзость, вы мне глубоко противны! Отойдите от машины!
- Это не я, это моя племянница так говорит, а ей всего пять лет!

Но тут из подъезда выскочила Мака:

– Федя, что с тобой! Где ты так напился!

– О, Мака, любовь моя!

– Феденька, идем домой! Спасибо вам огромное, Ангелина Викторовна!

– Не за что! Спокойной ночи! – холодно бросила она и уехала.

Ангелину трясло. А отчего, она и сама не знала. Скорее всего, от возмущения. Нет, до чего наглый тип! А как жалко Маку! Ничего хорошего из этого брака не выйдет. Не я, так другая... Тогда почему не я? Я не могу. Не имею права, не хочу... Нет, я хочу, но не имею права, вот так будет точно. А следовательно, и думать о нем не надо. Но он хорош, так обаятелен, даже пьяный. Но все равно... С его стороны это просто прихоть. Разве я могу выдержать сравнение с юной Макой, у которой в жизни еще ничего плохого не было, у которой такая нежная, тонкая кожа? Я подруга ее матери, ко всему прочему. Нет, худшего варианта и быть не может. Но тянет...

Когда она подходила к дому, оставив машину на стоянке, у подъезда было весьма оживленно. Народ толпился, стояла милицейская машина. Что-то стряслось.

– Что случилось? – спросила она у соседей с третьего этажа.

– Да тут ограбили Свентицких, в квартиру вломились, дома бабка была, они ее оглушили и заперли в ванной. Черт знает что творится! Хорошо, хоть не убили...

– А меня тут недавно из машины выкинули, угнать хотели...

– Да? И что?

– Счастье, что какой-то человек преградил им путь своей машиной и начал громко свистеть... Они и удрали.

– Вы в милицию-то заявили?

– Зачем? Все равно никого не найдут.

– К сожалению, вы правы.

– Ко мне даже приходил какой-то майор, хотел, чтобы я подала заявление, но я не согласилась.

Сосед вытаращил глаза на нее:

– Приходил домой? Чтобы вы написали заявление? Да это звучит как сказка!

- Мне тоже так показалось.
- А откуда майор?
- Из нашего отделения. Денис Геннадьевич Стрешнев.
- А, он и сегодня тут.
- Где?
- А вон идет!

Из подъезда как раз вышли двое. Один в форме, второй в штатском.

– И который, по-вашему, Стрешнев? – спросила она.

– Да вон тот, лысый.

– Ерунда, это не Стрешнев.

– Что значит – не Стрешнев? Стрешнев, я сам видел его удостоверение.

– Ничего не понимаю! Ко мне приходил совсем другой.

– Так вы же сказали, Стрешнев.

– Но он выглядел совершенно иначе.

– Ангелина Викторовна, вы его удостоверение видели?

– Ну да, через глазок... – растерялась Ангелина, и ей стало страшно.

– Слушайте, это же как минимум очень подозрительно. Товарищ майор, можно вас на минуточку!

– В чем дело? – не слишком приветливо отозвался майор. Это был совершенно другой человек.

– Товарищ майор, тут, похоже, кто-то косит под вас и под вашим именем ходит по квартирам!

– Что?

– Вот, поговорите с женщиной, к ней приходил майор Стрешнев.

– Ничего не понимаю! К вам приходил кто-то и назвался майором Стрешневым?

– Да, – пролепетала Ангелина, покрывшись холодным потом.

– И это был не я? – усмехнулся лысый.

– Нет, – покачала головой Ангелина, даже не удивившись глупости вопроса.

– И чего он хотел?

– Первый раз он меня расспрашивал, не видела ли я кого-нибудь... ну будто бы кого-то ограбили в третьем подъезде... А второй раз... уговаривал подать заявление...

– По какому поводу?

Она объяснила.

– Интересное кино! И вы ни на минутку не усомнились в том, что он действительно майор милиции?

– Ну в первый раз, честно говоря, усомнилась и проверила.

– Как?

– Попросила секретаршу позвонить в отделение и узнать, есть ли там майор Стрешнев.

– И вам, естественно, ответили, что есть... Очень интересно. Вот что, мадам, вы запомнили его в лицо?

– Ну да.

– Фоторобот можете составить?

– А вы считаете...

– Я пока ничего считать не могу, но и оставить такие факты без внимания тоже нельзя, согласитесь. Сейчас я занят, да и час поздний, а завтра прошу вас прийти в отделение. Это не шутки.

– А как же я?

– Не впускайте больше никого в квартиру! И если он опять явится, немедленно звоните мне, вот вам мои телефоны.

– Я боюсь!

– А кстати, почему вы все-таки не пришли к нам, когда вас выкинули из машины?

– Так я уже объяснила...

– Ладно, не пришли – дело ваше. Слышь, Санек, – обратился он к подошедшему молодому человеку, – тут, оказывается, по квартирам ходит некий майор Стрешнев, Денис Геннадьевич, и представь себе, это не я! Интересное кино, да? А вы, мадам, случайно не в курсе, он еще к кому-нибудь навещался?

– Откуда мне знать? Но к моей соседке не заходил, это точно. И когда встретил ее на лестнице, ни о чем не спросил.

– Совсем интересно!

Наконец Ангелина добралась до дома. Ей было не по себе. Что это за тип и зачем он к ней являлся? Наверняка преступник. Но чего он хотел? Ограбить? Однако убедился, что, кроме книг, красть нечего, ну разве что шмотки... Это скорее для случайных домушников пожива. А тут... Единственное, что несколько ее успокоило, так это мысль о том, что сегодня ночью ей вряд ли что-то может угрожать, после ограбления вокруг наверняка много милиции. По крайней мере хотелось так думать. Но тут же она вспомнила, что таинственный лже-Стрешнев настойчиво пытался за ней ухаживать, приглашал в театр... Нет, тут без пол-литра не разберешься. А она забыла рассказать настоящему Стрешневу о попытках ухаживания. Вся эта катавасия начисто вытеснила из памяти дурацкую и скорее неприятную встречу с Головиным. И все-таки, засыпая, она подумала:

жаль, что он сначала обратил внимание на Маку...

Утром она отправилась в милицию и помогла составить фоторобот. Правда, не очень понятно зачем.

В понедельник Мака вышла на работу.

– Можно к вам, Ангелина Викторовна?

– Конечно, заходи.

Вид у нее был цветущий, но немного смущенный.

– Ну как ремонт?

– Ой, это такая морока! Обещали за две недели все сделать, а там еще столько...

– Надеюсь, это работе не помешает?

– Ангелина Викторовна, мне очень неудобно, но... Я хочу уйти.

– Куда уйти? – не поняла Ангелина. – Ты же первый день на работе!

– Вообще уйти. Совсем. Федя требует.

– Ах вот как, Федя требует. А сама ты не хочешь?

– Даже не знаю... Мне очень стыдно, но... сейчас столько дел... Надо довести до ума ремонт, и вообще... Феде нужен уход.

– Ну если Феде нужен уход, – усмехнулась Ангелина, – но ты хотя бы поработай несколько дней, пока я найду тебе замену. Думаю, это не будет большой проблемой. И как появится человек на твое место, в тот же день можешь быть свободной. Ты заявление принесла?

– Да. Вот...

– Давай, я подпишу. Все, иди!

Мака, вся красная, пулей вылетела из кабинета.

– Ну что? – спросила ее Аня, младший редактор.

– Подписала!

– Уговаривала остаться?

– Нет! И слава богу! – Но в глубине души Мака была разочарована. Значит, Ангелина вовсе не считает ее незаменимым работником?

– И правильно, что не уговаривала, – злорадно заметила Аня.

– Почему это?

– Потому что она с тобой носилась как с писаной торбой, во Франкфурт взяла, а ты ее отблагодарила...

– Просто она мне завидует!

– Нелогично.

– Почему?

– Ты могла бы так говорить, если бы она тебя уволила.

– Ладно, Ань, для меня сейчас самое главное – ремонт!

Ангелина испытывала странное облегчение при мысли, что Мака больше не будет у нее работать. Конечно, найти хорошего редактора не так-то просто, но и Мака пока не очень блистала на этом поприще, хотя бы в силу юного возраста, у нее еще не было достаточного опыта, только определенные способности. Ну что ж, моя совесть чиста! Но она тем не менее позвонила Марусе:

- Ты в курсе, что Мака подала заявление об уходе?
- Что? – ахнула Мария Дмитриевна. – Почему?
- Ремонт пересилил.
- Идиотка! Где она еще найдет такую работу!
- Насколько я понимаю, она работать не собирается. Феденьке нужен уход!
- Знаешь, Геля, что-то я не очень верю в этот брак.
- Почему? – с замиранием сердца спросила Ангелина.
- Потому что они не пара.
- Из-за разницы в возрасте?
- И это тоже. Но еще... По-моему, Мака просто купилась на то, что он известный писатель.
- По-твоему, она его не любит?
- Не уверена, что она вообще знает, что это такое.
- Естественно, она еще так молода.
- Да и он тоже... легкомысленный какой-то. Все-таки пятый десяток, а рассуждает иногда как мальчишка. Да и вообще, эта якобы любовь с первого взгляда внушает подозрения. Я, например, рада, что они пока официально не женаты. Сперва сердилась на Валеру, а теперь рада. А еще он ее с работы сорвал. Зачем, спрашивается?
- Ну, может, они детей хотят?
- Мака не хочет детей, пока во всяком случае.
- Но он-то уж не мальчик, откладывать было бы глупо...
- Ах, Геля, я что-то вся в сомнениях. И мама, кстати, тоже. Говорит, они заезжали, когда меня не было, и у мамы создалось впечатление, что Мака его раздражает, – откровенничала Мария Дмитриевна. – А она сперва была в восторге от его сестры, а сейчас ворчит: мол, та дура набитая.
- Медовый месяц еще не кончился, а нелады уже налицо?
- Ой, не говори!
- Но ты же так хотела выдать ее замуж?
- Я и сейчас хочу! Но кто-нибудь помоложе был бы мне милее.
- Ну это Маке решать.

– Да Мака уже все решила, а вот он... Сомневаюсь я что-то, Геля!
Я тоже сомневаюсь, подумала Ангелина, но ничего не сказала.

Мака окружила Федора такой заботой, что он иногда начинал задыхаться. После той встречи в лифте он решил, что не стоит больше видеться с Ангелиной. Его кровно обидело то, как она сдала его, пьяного, Маке. Да и вообще... Ничего в ней нет хорошего, одни лодыжки. И стара она для него, почти сорок. Правда, не давала покоя мысль о том, что же произошло между Макой и Дусей. Сестра категорически отказывалась говорить на эту тему, Мака просто делала вид, что не понимает даже, о чем речь, но между ними явно ощущалась стойкая неприязнь.

Как-то вечером Мака сказала, что он просто обязан завтра заехать к себе на квартиру, чтобы взглянуть, как она сделала кухню!

– Федечка, это такой восторг, ты даже вообразить не можешь! Мне даже кажется, что нам лучше самим туда перебраться, там так красиво теперь, а сдадим мою квартиру, как ты считаешь?

– Тебе что, денег не хватает?

– Ну денег всегда не хватает! – засмеялась Мака. – Зачем квартире пустовать? Лучше будем откладывать деньги на дачу!

– Зачем тебе дача? У твоих родителей есть дача!

– Ну не на дачу, так на что-то еще! Например, на машину.

– На какую машину? – не понял он.

– Мне на машину. Я очень хочу иметь машину, Федечка.

– Что ж молчала? Я могу купить тебе «жигуленок»! А ты разве водишь?

– Нет, но очень хочу. Только не «жигуленок», Федечка!

– А что, сразу «мерседес»? Извини, мне это не по карману.

– Федечка, ну не сердись, я имела в виду, например, «рено» или «пежо».

– Максимум, что можно купить начинающей шоферше, это подержанные «Жигули».

– Федечка, ну я же пошутила. Так ты завтра поедешь посмотреть кухню?

– Хорошо, но не с утра. Мне еще надо в издательство, потом на радио.

– Зачем на радио?

– Просили. Мака, не приставай, мне надо работать!

– Все-все, убегаю!

Но работа не шла. Повесть о грустной любви он давно отложил – она не получалась – и взялся за очередной роман по контракту. Через полтора

месяца кончался срок, а у него было написано меньше половины. В принципе он работал быстро, но для этого ему нужна была рутина, монотонное существование изо дня в день, без особых отвлечений, а тут сплошные отвлечения, и далеко не всегда приятные. К тому же, когда заводишь семью, да еще с такой молоденькой и аппетитной женщиной, то и дело отвлекаешься. И как заноза в душе эта Ангелина, Геля, Гелечка... Смешно сказать, на днях Мака сказала, что надо купить гель для душа, а он, не слишком внимательно ее слушавший, вздрогнул. А потом долго смеялся. Гель для душа, и Геля для души. А для тела Мака! Не приведет ли это к раздвоению личности? Но в результате он заехал в магазин и выбрал себе гель для душа, сугубо мужской, чтобы Мака им не пользовалась. И каждый раз, принимая душ, думал о Геле. Если кому сказать, сочтут за полного идиота, за фетишиста или попросту психа. Но кому об этом говорить?

Лифт не работал и Федор пошел пешком. На подходе к своему этажу он вдруг услышал пронзительные вопли.

– Да что ты мне тут вкручиваешь? Я что, больная? По-твоему, у меня глаз нет? И головы заодно? На что это похоже! Ты просто сука, самая настоящая сука!

Это кричала Мака. Он подбежал к двери, но замешкался. Не хотелось угодить в самую гущу скандала.

– И не думай, что я за это заплачу!

Тут раздался уже второй голос, до сих пор слышно было только Маку.

– Это как же не заплатишь? Я что ж, выходит, даром работала?

– Выходит, даром. Работать надо лучше!

– Ты сама виновата! Я говорила, не покупай эту плитку!

– А если она мне понравилась?

– Я предупреждала – она слишком тяжелая для этих стен. Но ты пристала как банный лист к жопе, а теперь возникаешь!

– Я такую работу не приму!

– Да чем плохая работа? Чем? Покажи!

– Тем, что ты работать не умеешь, а берешься – и еще денег требуешь!

– А как же! Я работала, а ты плати!

– И не подумаю!

– Пожалеешь, ох пожалеешь!

– А что ты мне сделаешь? Квартиру спалишь? Убьешь меня?

– Да кто ты такая, руки об тебя марать! Я вот тебя прокляну, и не будет тебе счастья в жизни!

– Напугала! А я в милицию заявлю, что ты тут без регистрации...
Этого Федор уже вынести не мог. Он толкнул дверь и спросил:
– Что за шум, а драки нет?
– Федя? – смешалась Мака. Она была вся красная.
– Вы муж? Вот и хорошо. Пойдите гляньте, как плитка положена, а то ваша жена тут придирается, денег платить не хочет, – всхлипнула женщина. Она провела его за руку по коридору и толкнула дверь ванной.
– Ух ты, как здорово! Красотища! – искренне пришел в восторг Федор. – Мака, ты чего расшумелась?
– Федя, смотри, вон там... и вот тут... плохо затерто... И вообще...
– Да все просто замечательно, Мака, успокойся. А вы, девушка, скажите, сколько мы вам должны.
– Тут пришлось старую плитку сбивать, вытаскивать, а новая вообще неподъемная – короче, пятьсот долларов, как договаривались. Это с кухней.
– Хорошо, – не моргнув глазом согласился он и отсчитал пять зеленых бумажек.
– Спасибо, вы хороший человек!
Мака обиженно ушла в другую комнату. А он, пока плиточница одевалась и собирала свои манатки, ходил по квартире. Тут ничто не напоминало прежнее жилище. Все сверкало новизной. Наконец женщина ушла.
– Мака! – позвал он.
Она тут же явилась, и вид у нее был угрюмо-независимый.
– Ты так орала, что внизу было слышно.
– Она сволочь и неумеха!
– Во-первых, так орать все равно не следует. А во-вторых, по-моему, все хорошо сделано! Очень красиво!
– Красиво, потому что я выбрала красивую плитку.
– Короче, чтобы больше к этому не возвращаться, мне не нравится такая манера общения с людьми. Не нравится – это еще очень мягко сказано.
– Может, и я тебе не нравлюсь?
– В таком качестве – нет, – жестко бросил он.
– Я тут стараюсь, все силы кладу на этот ремонт, а ты...
– Я тебя не просил заниматься ремонтом.
Она хотела что-то возразить, но смолчала. Только надула губки и была при этом столь очаровательна, что он смягчился:
– Ладно, поехали!
– Но ты же не посмотрел как следует кухню!

– Знаешь, я во всем этом целый дурак – и полработы мне показывать не стоит.

– Федечка, ты на меня не злись!

– Заметано!

– Ангелина Викторовна? – спросил смутно знакомый голос.

– Да, я.

– Майор Стрешнев беспокоит!

– Который?

– Настоящий!

– И то хлеб!

– Ангелина Викторовна, я вот поглядел на фоторобот, который составили по вашим описаниям...

– И что?

– Я этого самозванца знаю. Он неопасный. Живите спокойно.

– Но что же это все-таки значит?

– Да чепуха, глупость одна. Короче, вам ничего не угрожает. Живите себе спокойно.

– Может, вы все-таки объясните?

– Не могу!

– Тайна следствия?

– Ну, в общем... да! Просто хотел сказать, чтобы вы не беспокоились.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны. А то я действительно беспокоилась.

– Всего наилучшего, госпожа Миленич!

Можно не беспокоиться? И прекрасно. Беспокойств и так хватает. Вот сегодня, например, с утра нужно тащиться на скучнейшее мероприятие, какой-то то ли съезд, то ли форум книжного союза. Совершенно бессмысленная трата времени, пустая говорильня, можно умереть с тоски, но не пойти нельзя. Положение обязывает. И одеться надо понаряднее. Светло-серый костюм, купленный в прошлом году в Лондоне, под него темно-вишневая блузка, вишневые сапожки на высоких каблуках и такая же сумочка. Скромно, достойно и вполне соответствует имиджу небогатого, но уважаемого издательства.

Заседание должно было состояться в Большом зале Центрального дома литераторов.

За столиками в фойе приветливые юноши и девушки сверялись со списками и вручали каждому гостю целый мешок с материалами съезда и

сувенирами. Проглядев на ходу бумаги, Ангелина хотела было выбросить их в урну за полной и абсолютной ненадобностью, но постеснялась. Себе она решила оставить только блокнотик и ручку, да и то для Наткиного сына, который собирал блокноты и ручки со значками российских фирм. Она поднялась по лестнице, где вместо фотографий лауреатов Ленинской премии теперь висели портреты нобелиантов – от Бунина до Бродского. Наверное, те, кто устраивал гонения на Пастернака и Бродского, сейчас негодуют или переворачиваются в гробу, что вернее. Только Шолохов остался тут с прежних времен.

В верхнем фойе было душно. А до начала оставалось еще минут десять, и она решила спуститься и покурить на улице, как вдруг увидела Головина, который с несколько отрешенным видом поднимался ей навстречу. Заметив ее, он просиял:

– Геля! Как я рад вас видеть!

– Господи, что вы-то тут делаете?

– А черт его знает! Меня попросили в издательстве поприсутствовать. Я очень надеялся, что увижу вас, и вот не напрасно! А что тут вообще будет?

– Говорильня.

– Так я и думал! Вы потрясающе выглядите!

Черт знает что! Сердце у него готово выскочить из груди. Какая женщина! И не только лодыжки... Вся она воплощение изящества и элегантности. Из тех женщин, про которых говорят «стильная штучка»!

– Хотите кофе? Или чего-то покрепче? – кивнул он в сторону небольшого бара.

– Нет, спасибо.

– Тогда, может быть, соку?

– Федор Васильевич, живите спокойно, я ничего не хочу. А если захочу, возьму сама.

– Ну зачем вы так? – огорчился он.

– Пойду вниз покурю.

– Я с вами.

– Федор Васильевич, – она с удовольствием затянулась, – зачем вы сорвали Маку с работы? Мне жаль, из нее со временем мог бы выйти ценный работник, она способная девочка, пока, конечно, опыта мало...

– Честно?

– Хотелось бы.

– Она говорит, что вы к ней придираетесь.

– Я? Придираюсь? Если ей так кажется, что ж...

– Вы, вероятно, строгий руководитель?

– Да. Иначе нельзя. Но я справедливый руководитель. Когда Мака из-за ремонта не сдала в срок корректуру, я сказала, что это недопустимо, только и всего.

– Гелька, привет! – хлопнул ее по плечу коммерческий директор одного крупного издательства. – Как делишки? Говорят, ты замуж выходишь?

– Витя, ты что-нибудь посвежее и посмешнее можешь придумать? С души воротит.

– Дурочка, ты не понимаешь, я все жду, когда ты, наконец ответишь: «Да, Витек, выхожу! Приходи на свадьбу!» – Он громко расхохотался и пошел дальше.

– Вот придурок! – фыркнула Ангелина.

– А в самом деле, почему вы одна, Геля? – взволнованно спросил Федор.

– Мне никто не нужен! – ответила она, а в глазах промелькнуло что-то, что он для себя определил как страдание.

– Но так не бывает! Кто-то нужен всегда. Я вот тоже жил в уверенности, что мне никто не нужен, а потом встретил вас...

– Нет, Федор Васильевич, потом вы встретили Маку! – Она швырнула сигарету в урну и тут же обругала себя за излишнюю резкость. Он может неправильно ее истолковать.

– Я так ошибся, я так наказан! – пропел он с шутливым видом.

Она только рукой махнула и пошла к лестнице. Он за ней. Двери Большого зала были открыты.

– Вы позволите сесть с вами?

– Садитесь, – пожала она плечами.

– Только давайте на всякий случай сядем с краю. Вдруг захочется удрать!

Удрать захотелось уже через пять минут, но они стойко выдержали еще четверть часа.

– Все, пошли отсюда! – простонал он.

– Пошли, – согласилась придавленная скукой Ангелина.

Выбравшись из зала, Федор засмеялся:

– Я думал, такие заседания остались в далеком прошлом, а нет... Напоминает партсобрания.

– Вы бывали на партсобраниях?

– Доводилось. Я же не всегда был вольным художником.

– Ну судя по вашим книгам...

– Вы читали мои книги? Вы?
– А чему вы так удивляетесь?
– Да как-то с вами не вяжется...
– Почему? Когда ваше имя появилось на рынке, я внимания не обратила, а когда вы стали хорошо продаваться, решила посмотреть, с чем это едят.

– Ну и как?
– Вопреки ожиданиям, мне понравилось. Популярные авторы редко хорошо пишут. У вас хороший слог, захватывающий сюжет, все весьма романтично.

– Издать меня не хотите?
– Вы мне уже не по карману. Да и не по профилю, честно говоря.
– Геля, послушайте, давайте сейчас что-нибудь предпримем!
– Что именно? – не поняла она.
– Ну что-нибудь из ряда вон выходящее! Например, слетаем в Питер!
– Что? – ахнула она.
– Да! Поехали в аэропорт, всего час лету – и мы в Питере, пообедаем там, в театр какой-нибудь сходим или просто пошляемся по городу, а потом вернемся «Красной стрелой» или любым другим поездом, а?

– Но у меня же работа...
– Так вы бы просидели в этой скучище несколько часов, у вас разболелась бы голова, и вы были бы уже нетрудоспособны. А такая встряска всегда полезна. Ну решайтесь!

Ей вдруг смертельно захотелось поехать. Это было так непохоже на всю ее жизнь, так романтично, так весело.

– А вы? Вы разве свободны?
– Да, я свободен. Позвоню и предупрежу, что вернусь утром, только и всего. Поехали, Геля?
– Поехали, Федя! – решила она.
– Вы на машине? – спросил он.
– Нет, я на такси приехала.
– И я! Отлично, мы свободны как ветер!

Он взял ее за руку и повел ловить такси. Усадил ее сзади, сам сел с водителем и стал куда-то звонить. Договариваться насчет билетов.

Господи, что я делаю? Зачем я согласилась? С ума спятила, что ли? Но что-то в нем есть, он мальчишка, несмотря на возраст, шальной и безответственный. Может, именно это мне и нужно? Разве люди в таком возрасте срываются вот так и в чем есть мчатся в Питер? А вдруг нелетная погода и ничего не состоится?

Но страхи оказались напрасны. Погода была летная, и вскоре они уже приземлились в Санкт-Петербурге.

– Геля, вы не голодны?

– Голодна как зверь!

– Тогда едем!

– Куда?

– Я знаю один отличный ресторан с кавказской кухней. Вы любите кавказскую кухню?

– Люблю.

Надо заметить, что он ни разу еще не позволил себе даже взять ее за руку. Ни одного движения, которое свидетельствовало бы о каких-то чувствах. Только дружеская забота и внимание. Он в самолете всю дорогу веселил ее рассказами о том, как он начинал, как представлял себе издательский процесс теоретически и как столкнулся с ним на практике.

– А вы, Геля, как стали издателем?

– Так получилось, – туманно ответила она. – Но меня всегда тянуло именно в эту сторону.

– Призвание?

– Вероятно, можно это так назвать.

– Геля, а если я напишу что-то выбивающееся из рамок моего жанра, ну, к примеру, лирическую повесть, вы бы взяли ее издать?

– Вы ее уже написали?

– Нет, пока только подступаюсь...

– Когда напишете, приносите – посмотрю. Но одной повести мало. Минимум две.

– Формат?

– Конечно. Ну и, честно говоря, пока у меня нет такой серии...

– А без серии нельзя?

– Сейчас нельзя. И потом, Федор Васильевич, мне неохота ссориться из-за вас с вашими издателями. Им ничего не стоит прихлопнуть мое издательство. Я предпочитаю жить с ними в мире.

– По крайней мере откровенно, – улыбнулся он. – И лестно.

– Что?

– Лестно, что из-за меня можно поссориться с издателями.

– Не прибедняйтесь, вы один из самых продаваемых авторов.

– А я к этому еще не привык! Радуюсь как идиот! Боже мой, Геля, надо что-то делать с вашими ногами!

– Что это значит?

– У вас очень изящные сапожки, но они годятся разве только для

торжественных совещаний, а не для романтических прогулок по Петербургу. Не тот климат, не то время года.

– В самом деле, я как-то не подумала... И что вы предлагаете?

– Взять такси, поехать в магазин и купить какие-нибудь опорки.

– Именно опорки? – рассмеялась она.

– Конечно, причем на номер больше, чтобы проблем не было. Что-нибудь типа бот «прощай, молодость». Помните такие были?

– Еще бы! С пряжечками, фетровые, моя бабушка такие носила. Но вы полагаете, что я это надену?

– Наденете, наденете! Ноги заболят на каблучищах. Кстати, надо купить еще теплый платок!

– Клетчатый?

– Можно и клетчатый или темно-бурый.

– Хотите сделать меня похожей на колхозницу времен нашего детства?

– Хочу!

– Зачем?

– Может, тогда мне будет легче с вами рядом! – очень серьезно произнес Федор.

– А так вам со мной трудно?

– Нет, не трудно, а почти невыносимо! Но в то же время я чувствую себя совершенно счастливым.

Они приехали в большой обувной магазин и купили вполне приличные теплые ботинки без каблучков, на толстой подошве. Разумеется, они не подходили к ее костюму и к пальто тоже, но были удобными и уютными. Федор рвался заплатить за них, но Ангелина отказалась наотрез. В соседнем магазинчике был куплен пестрый шерстяной платок.

– Вот теперь вы нормально экипированы.

– А у вас у самого голова не отвалится от ветра?

– У меня в кармане кепочка. Мака требует, чтобы я носил... – Он смешался и покраснел. – Геля, поехали обедать! Умираю с голоду.

– А я уже умерла, и никуда ехать не надо. Вон там какое-то заведение. Тем более что я по вашей милости в таком виде...

Заведение оказалось вполне симпатичным.

– Водки выпьем?

– Выпьем, только немножко, а то меня развезет.

– Да? Это интересная информация. Тогда я к вам нагряну в Москве с большой бутылкой водки.

– И что? – усмехнулась она, да так, что у него во рту пересохло.

– Геля, не шутите с огнем!

– Да бросьте, Федор Васильевич! Эти игры не для меня!

– Глупости, эти игры для всех, кто еще жив. Для любого возраста. Вот у меня дядька в Екатеринбурге. Ему семьдесят, и он по уши влюблен.

– А сколько лет его даме?

– Немало, под шестьдесят, наверное.

– Она тоже влюблена?

– В том-то и драма, что он не уверен.

Она решила увести разговор от опасной темы и спросила:

– Федор Васильевич, а кто вы по первой профессии?

– Геолог.

– Ах да, да, вы же рассказывали на смотринах, очень занимательно. Но, насколько я поняла, вас мотало не только, так сказать, по долгу службы?

– Совершенно верно! Я по натуре вообще-то бродячий пес, в какой-то момент вдруг срывался, ехал куда-то, а когда геология у нас практически развалилась, я работал на приисках, даже месяца два бичевал во Владике. Меня ограбили в день, когда я должен был возвращаться в Москву, ни билета, ни денег, ни жилья... Весело было... А вот как начал писать, сразу осел, никуда даже и не тянет. А вы? У вас какое образование?

– Педагогическое. Но преподавать я не в состоянии, ненавижу любые учебные заведения. Лютой ненавистью!

– Зачем же вас понесло в пединститут?

– По глупости. Влюбилась в препода из этого института, он жил в соседнем доме и гулял с потрясающей черной овчаркой. Даже не знаю, что меня в нем привлекло, подозреваю, что овчарка, больше в нем ничего хорошего не было.

– Вы это выяснили эмпирическим путем?

– Разумеется.

– Первая любовь?

– Да что вы! У меня не было проблем с развитием. Да и не любовь это была, а так, каприз, легкая влюбленность...

– В овчарку? – засмеялся он.

– Наверное. Собака была и впрямь потрясающего ума и благородства. Хозяин ей в подметки не годился.

– У собак бывают подметки? – рассмеялся он.

– Бывают, представьте себе. Я сама привозила резиновые сапожки для тойтерьера моей подруги. Тогда их в Москве еще не было.

– Геля, – он взял ее руку в свою, – Геля, я полный идиот! – прошептал он хрипло.

- Я знаю, – тихо ответила она.
- Это было их первое объяснение в любви.
- А еще я... – начал он.
- А еще вы авантюрист!
- Разве я мог бы писать авантурные романы, не будучи хоть немного авантюристом? И потом, вы сами разве не авантюристка? Только отчаянная авантюристка может в наше время издавать исключительно изысканных авторов!
- Доигрывание покажет!
- Геля, почему вы согласились поехать со мной?
- Потому что чуть не сдохла с тоски на этом мероприятии. И вы застали меня врасплох своим безумным предложением! Еще десять минут – и я бы ни за что не согласилась, но в тот момент...
- И больше ни почему?
- Нет, – покачала она головой.
- Ладно, оставим эту тему. Итак, куда мы двинем отсюда?
- Понятия не имею. Вообще-то я люблю Новую Голландию.
- Решено. А вы дорогу найдете?
- Нет. сто лет не была в Питере.
- И я. Лет десять, наверное. Но на улице уже совсем темно, сейчас нелучшее время для этого города.
- Да уж.
- А давайте приедем сюда на белые ночи.
- Ну это вряд ли.
- Почему?
- Вы думаете я второй раз соглашусь на подобное приключение?
- А чем вам тут плохо?
- Совесть нечиста, а я не люблю это состояние.
- Да бросьте, что плохого в том, что мы погуляем по улицам? В такую погоду грехопадение попросту исключается! А впрочем... Может, зайдём в гостиницу, в «Асторию» например, вдруг там найдётся свободный номер?
- Даже не думайте об этом! – холодно ответила Ангелина, хотя понимала, что он шутит, в глазах плясали такие черти...
- Я пошутил, Геля. Хотя был бы самым счастливым человеком, если бы... Но я все понимаю. Я еще этого не заслужил. Правда, если вспомнить мой подвиг во имя вас...
- Федор Васильевич, оставим это.
- Вы так свято блюдете Макины интересы?
- Дело не в Маке. А вообще, давайте-ка поедём отсюда в аэропорт. Так

для всех будет лучше. Вернемся сегодня домой и...

– Ни за что! Сейчас еще только пятый час! Мы пойдем гулять, зря, что ли, покупали ботинки и платок! А в театр не хотите?

– Нет!

– Почему?

– Потому что после театра вы захотите ужинать.

– Вполне естественно. А вы нет?

– А после ужина вы вспомните, что у вас тут есть старинный приятель, у которого можно заночевать. Нет уж! Так и быть, погуляем часика два – и домой.

– Ну что ж... Слово дамы закон. Хотя в Питере у меня нет никаких приятелей.

Перед тем как выйти на улицу, Федор спросил у швейцара, как пройти в Новую Голландию. Пока он с ним беседовал, Ангелина надела новый платок, повязала его и подумала: как странно, я никогда не ношу платков, а мне идет. Или не платок мне идет, а этот сорокачетырехлетний мальчишка? Легкомысленный и обаятельный. Он, похоже, совсем не любит Маку. Если женится на ней, оба будут несчастны...

В этот момент в ресторан ввалилась шумная компания.

– Федор Васильевич? Вы здесь? – раздался женский голос.

Федор оглянулся и увидел Алину, закадычную Макину подружку.

– Привет, какими судьбами? – спросил он, ничуть не смутившись.

– Да я тут по работе.

– Вот и я тоже!

– А вы один?

– Один! Зашел поесть.

– А когда домой?

– Когда освобожусь! Привет, мне пора!

И он вышел на улицу.

Алина могла бы поклясться, что какая-то тетка в платке вылетела пулей на улицу. Но вряд ли это дама сердца, очень уж вид у нее неказистый. Она даже предположить не могла, что это Ангелина. А та действительно поспешила уйти. Иначе Мака через десять минут узнает, что их засекли вместе в Питере. Ее тошнило от самой себя.

– Кто этот тип? – спросила у Алины одна из ее спутниц.

– Федор Головин.

– Головин? Писатель?

– Ну да.

– Что ж ты молчала, я бы взяла у него автограф, обожаю его романы!

- Хочешь, догоним и попросим?
- Неудобно!
- Еще как удобно! Пошли скорее!

Они выбежали из ресторана. Алина умирала от любопытства, с кем это обедал престарелый жених ее подруги. Но его уже и след простыл.

- Геля, куда вы так мчитесь, на пожар?
- Я не знаю, это так удивительно неприятно...
- Да бросьте! Вас наверняка не опознали!
- Все равно!
- Нет, не все равно, и вообще, мы ничего плохого не сделали, даже ни разу не поцеловались!
- Еще не хватало!
- Мне, например, очень этого не хватает! Давайте исправим этот недочет.

- Отвяжитесь!
 - Ну чего вы шарахаетесь! Ладно, не будем целоваться! Не хотите, не надо. Думаете, это большая честь – целоваться с такой кулёмой?
 - С кулёмой? – ахнула Ангелина.
 - Конечно, в этом платке, без каблучков – типичная кулёма.
- Она вдруг издала какой-то странный звук, отвернулась и заплакала. Он пришел в ужас и кинулся к ней:
- Геля, Геля, простите, ради бога, простите, я не хотел вас обидеть, я пошутил, Геля, Геля!

И вдруг до него дошло – она вовсе не плачет, она умирает со смеху. Странная особа, или это у нее истерика?

- Фу, как вы меня напугали, чего вы смеетесь, что уж такого смешного я сказал?

У нее от смеха уже лились слезы, она даже начала задыхаться. Он взял ее за плечи и встряхнул:

- Успокоились?
- Да!

Он смотрел на нее. От смеха она странным образом преобразилась и помолодела. Глаза сверкали, и она была сейчас так хороша, что он не удержался и поцеловал ее. Она не только не оттолкнула его, а ответила на поцелуй. У него голова пошла кругом. И в этот момент повалил снег! Крупные мокрые хлопья мгновенно отгородили их от остального мира. Они стояли и целовались, пока хватало дыхания.

- Ну все, все, – пробормотала она, высвобождаясь. – Смотрите, снег

как в последнем акте «Пиковой дамы»!

– Ох уж эти литературно-оперные ассоциации! Они как-то не вяжутся с кулёмой.

– Ну и пусть!

– А можно узнать, чего вы так веселились?

– Нельзя!

– Почему? Это страшная тайна?

– Вот именно! В такой снегопад мы не улетим!

– А поехали поездом!

– Но не обязательно, что снег будет идти всю ночь.

– До ночи еще далеко, просто здесь так рано темнеет.

– Я бы не хотела жить в Питере.

– А где бы вы хотели жить?

– В Москве.

– Но там тоже мерзкий климат.

– А вообще-то я хотела бы жить где-нибудь у моря, только у теплого.

Но это уже совсем на старости лет.

– Пошли к Неве!

– Зачем?

– Люблю Неву. В ней какая-то совсем особенная вода, необычайно красивая, вы не замечали?

– Замечала. Однажды даже сказала об этом, а меня подняли на смех.

Они шли, а ветер швырял им в лицо хлопья мокрого снега. Свернули за угол и едва удержались на ногах – это дуло с Невы.

– Нет, туда нельзя, снесет, – сказал он, и они повернули в другую сторону. Снег все валил. Они остановились и снова начали целоваться. Кто-то на них наткнулся и проворчал:

– Совсем одурели от этого сексу!

Они рассмеялись.

– Я хочу курить! – простонала Ангелина.

– Тогда надо куда-то зайти, иначе сигарета вмиг размокнет.

И они зашли в бар, попавшийся им на пути. Там было полутемно и малоллюдно.

Когда стряхнули снег, разделись и сели за столик, он вдруг увидел, что перед ним сидит совершенно другая женщина. Почти неузнаваемая. Куда девалась прежняя Ангелина? Эта была молодой, веселой, красивой. Что с бабами делает любовь, подумал он. Неужто она меня все-таки любит? Нет, это не то... Просто она сбросила с себя груз забот, позволила себе нечто из ряда вон выходящее, а рядом мужик, который ей конечно же нравится,

только и всего. Никакой любви просто по определению быть не может. И не надо, ради всего святого, не надо любви!

Он уже испугался, вдруг поняла Ангелина. Ну и черт с ним, но он как будто снял с меня какое-то заклятье. Он назвал меня кулемой, и я ощутила вдруг, что я живая, что я женщина, что у меня в жизни что-то может быть... Не с ним, конечно, он принадлежит другой, молоденькой, а я... мне скоро сорок...

В этот момент дверь открылась, вошел мужчина. И принялся неистово топтать ногами, стряхивая снег. Что-то в его облике показалось ей знакомым. Она взгляделась, и ей стало не по себе. Это был лже-Стрешнев! Собственной персоной. Неприятно засосало под ложечкой. Он что, следит за мной? Настоящий Стрешнев сказал, что это все чепуха, что он его вроде бы знает...

– Что с вами, Геля?

– Нет, ничего, я просто устала.

– Надо выпить крепкого кофе! Я сейчас принесу.

Между тем лже-Стрешнев то ли действительно ее не замечал, то ли так искусно притворялся. Он сел за столик спиной к ним и ни разу даже не оглянулся. Профессионал высокого класса! Конечно, настоящий Стрешнев его знает, небось коллеги. Хотя все-таки странно, зачем этому называться именем того? Бред какой-то! Но все равно ужасно неприятно. Он что, неотступно следует за мной? И в самолете летел, а я не заметила? Но что его не было в том ресторанчике, это точно... Но тогда не валил снег и он ждал на улице, а сейчас не выдержал... Однако зачем ему за мной следить? Конкуренты наняли? Но в моем случае подобная слежка просто абсурдна. Налоговая полиция? Бред. Не те у меня обороты. Тогда что? А может, кто-то меня оклеветал, и теперь меня в чем-то подозревают? И все равно, даже если допустить такую чушь, то зачем этому типу называться именем Стрешнева?

– Геля! Геля, – тихонько тормозил ее Федор. – Что стряслось?

– Я хочу уйти отсюда.

– Почему?

– Потом объясню. Знаете что, только давайте выйдем тихонько, не привлекая внимания.

Очутившись на улице, она сказала:

– Отойдем за угол и подождем несколько минут.

– Да в чем дело?

– Я хочу посмотреть, не пойдет ли за нами один тип.

– Вы что, хвост за собой обнаружили?

– Не знаю, вот и хочу проверить.

– Ничего себе!

Они простояли минут десять, но из бара за это время никто не выходил.

– Фу, кажется, пронесло. Идемте.

– Вы можете объяснить, в чем дело?

– Объяснить – нет, сама ничего не понимаю, а рассказать попытаюсь, вдруг вы что-то поймете. Но тут такой ветрище. Федя, поехали на вокзал. Авось попадем на какой-нибудь поезд.

– Хорошо, – не стал препираться он.

Им повезло опять, нашлись места в сидячем поезде, который приходит в Москву глубокой ночью.

Когда они наконец уселись рядышком, Ангелина все ему рассказала.

– Вы убеждены, что в баре был тот самый человек?

– Абсолютно!

– И полагаете, что он следил за вами?

– Не знаю, но что еще я могла подумать?

– А хотите, я завтра пойду к настоящему Стрешневу?

– Зачем?

– Как – зачем? Разве можно это так оставлять? И вообще, пусть знает, что за вас есть кому заступиться, что это за дела, «не беспокойтесь, мадам», и все! Возмутительно!

Она посмотрела на него с таким удивлением, что он и сам удивился.

– Вы действительно готовы пойти к этому Стрешневу?

– Конечно, в чем проблема? Может, мне он хоть что-то объяснит. Вы все-таки и вправду кулема, как можно было не настоять на более или менее внятном объяснении? Одно совершенно ясно. Стрешнев по фотороботу кого-то опознал. Вы фоторобот при нем составляли?

– Нет, – покачала головой Ангелина. – Но может, все-таки тот тип случайно оказался в баре?

– В баре – возможно, но к вам-то он под чужим именем являлся отнюдь не случайно. И мне это не нравится. Вы говорите, он настаивал, чтобы вы подали заявление?

– Ну да.

– Вот это странно. Ведь если бы вы все-таки его послушали, то вполне могли обнаружить, что он не тот, за кого себя выдает. Хотя он, вероятно, настаивал, так сказать, превентивно.

– То есть?

– Он каким-то образом узнал, что с вами случилось, и испугался, что

вы пойдете в милицию и обман откроется, заявился к вам в расчете на то, что вы напишете заявление под его нажимом и ему же и отдадите.

– Возможно, однако, если бы я написала заявление, то вполне могла бы поинтересоваться его продвижением или как там это называется.

– Ну тут, вероятно, психологический расчет. Вы не хотели писать заявление, не верили, что это приведет хоть к каким-то результатам, а значит, вряд ли стали бы интересоваться.

– Господи, ну зачем все это?

– Мало ли... В наше время всякое бывает. Может, кто-то... Хотя нет смысла строить предположения. Я завтра же пойду в милицию и все выясню.

– Но этот Стрешнев может отказаться что-либо вам объяснить.

– Тогда я найду на него управу. У Дуськиного мужа есть дядя, он милицейский чин. На худой конец обратимся к нему.

– А Дуська – это кто?

– Сестра, младшенькая.

– Федя, вы все время приходите мне на помощь...

– Видно, так мне на роду написано.

– Мне давным-давно никто не помогал... Ну подружки разве что...

– Я буду и впредь помогать вам.

– Расскажите про сестру.

– А что про нее рассказывать? Она прелесть, у нее хорошая семья, муж, двое детишек, сын Федька и дочка Шурка, которая ходит в сад, говорит басом и частенько огорошивает родителей такими выражениями, как будто была не в детском саду, а в портовом кабаке.

– Должно быть, это забавно.

– Еще как забавно! Но отец впадает в панику и требует, чтобы Дуська забрала ее из сада.

Она хотела спросить, есть ли у него дети, но сообразила, что он в ответ может задать тот же вопрос, а говорить на эту тему она не желала ни с кем. Сегодня, когда она как безумная хохотала на улице над словом «кулёма», она вдруг ощутила странное освобождение, как будто с нее свалилась каменная глыба, которую она все эти годы таскала, сгибаясь под ее тяжестью так, что практически ничего вокруг не видела. А тут почему-то она вдруг смогла разогнуться, ощутить легкость и понять, что сможет жить дальше не только по необходимости. Она испытывала безмерную благодарность к этому человеку. Кажется, ему от меня ничего не надо, кроме меня самой. И это прекрасно... Но у него есть Мака, сравнения с которой мне не выдержать, ведь она так молода... Да не надо мне ничего,

пусть он живет с Макой, любит Маку, заводит с ней детей, но только пусть он и в моей жизни присутствует. Мы же можем быть друзьями. Ерунда, что мужчина и женщина не могут быть друзьями, сущая ерунда. Пока был жив Юзик, я не чувствовала себя такой одинокой. Он помогал мне, он был настоящим другом... Но судьба и его у меня отняла. Он умер в тридцать семь лет от инфаркта. Никто даже предположить не мог, что у него больное сердце...

Они сидели молча, оба устали. В вагоне было не слишком тепло, она укуталась в свое пальто, замоталась платком, а он еще ласково обнял ее, и она уснула. Он тоже задремал, и оба не видели, что их пристально разглядывают.

Он проснулся первым и подумал: не хочу домой. Не хочу к Маке. Я ведь обещал вернуться только завтра. Позвоню сейчас Дуське и предупрежу, пусть приготовит мне постель. А вдруг Ангелина пустит меня к себе? Чем черт не шутит... Пообещаю, что буду вести себя как паймальчик. И зачем беспокоить Дуську? Она ж не уснет, пока не убедится, что я благополучно добрался, а потом до утра будет выпытывать, почему это я не поехал ночевать домой. Да, Федя, ты умеешь устраиваться в жизни, черт знает что! Какая странная женщина... С виду – не подступись, стерва, да и только, а на самом деле ранимая, испуганная, нежная... Ее хочется защищать. А вот Маку защищать почему-то совсем не хочется, она сама кого хочешь защитит. Да и от кого ее защищать, у нее такие надежные папа с мамой, тетка с дядькой, бабушка, а у этой – никого. Или все-таки кто-то есть? Платок сполз, и ему было видно маленькое ухо с гранатовой сережкой. Надо бы все-таки узнать, что она делала в той гостиничке? У кого была? И почему, собственно, сережка потерялась? Небось была у мужика, он ее здорово там трепал, вот сережка и вывалилась. И он увидел словно наяву Ангелину в объятиях молодого парня... Кто там был? Да многие, но как-то никто не годился на роль Гелиного любовника. А целуется она классно. Умеет! Впрочем, в ее возрасте это не так уж удивительно. Он вспомнил зеленовато-карие глаза, в радостном изумлении смотревшие на него сквозь пелену снега... Нет, пошлая фраза получилась. Но глаза хороши... А губы... песня! Так выражается Иваныч. Каждый раз, когда дядька спрашивает его: «Ну как тебе моя новая книга?» – племянничек отвечает одинаково: «Песня!» И все-таки я идиот! Зачем надо было тащить ее в Питер? А что теперь? Как вернуться к Маке? Я не хочу! Но как же можно ее бросить? За что? За то, что она не Ангелина? Да меня все друзья на смех подымут. Бросил молоденькую красотку ради стареющей стервы... Никакая она не стерва, но что стареющая – факт. Она

же старше Маки на шестнадцать лет, на целую девичью жизнь. Ей было шестнадцать, когда родилась Мака. То есть она вполне годится Маке в матери. И еще... Мака столько сил вгрохала в этот ремонт. И что же, я скажу ей: спасибо, дорогая, можешь быть свободна – так, что ли? Совершенно неприлично. Стыд и срам!

– Ох, простите, Федор Васильевич, я уснула.

– Выспались?

– Как ни странно, да.

– Геля, а вы пустите меня к себе до утра?

– Зачем это? Езжайте домой.

– Ну зачем... среди ночи... Геля...

– Не хотите беспокоить жену?

– Ладно, вопрос снимается с повестки дня. Еду домой, – слегка обиделся он. За полчаса до Москвы она вдруг сказала:

– Федор Васильевич, я вам бесконечно благодарна.

– За что?

– За эту эскападу. Она оказалась для меня необычайно важной.

– Почему?

– Сложно и долго объяснять, это касается моих сугубо внутренних проблем, но как бы то ни было – спасибо. И не стоит вам ходить в милицию, как-нибудь сама.

Это опять была прежняя холодноватая стерва.

...Мака спала крепким сном. Она уснула, не выключив лампу, которая освещала распущенные рыжие кудряшки, белоснежную кожу и аппетитно выглядывающую из-под одеяла коленку. В спальне витал легкий аромат ванили, было тепло, уютно, сладко.

И куда меня черти носили? Чего я еще ищу? Зачем? Как хорошо здесь, с Макой...

Федор прикрыл дверь и на цыпочках пошел на кухню, он здорово проголодался. К тому же надо было обдумать сложившуюся ситуацию. Вчера по телефону он наврал, что едет срочно в Калугу. В подробности вдаваться не стал. Но Алина засекла его в Питере и неизвестно еще, успела ли разглядеть Ангелину. Это может быть опасно. Итак, я собрался в Калугу, а очутился в Питере. Пойти проторенным путем и наврать, что в Калуге меня упоили и отправили в Питер, как героя «Иронии судьбы»? Бред. Вообще, Калугу лучше исключить, я до Калуги не доехал, а напрямик полетел в Питер. Но почему я ее не предупредил? Потому что еще не изжил холостяцкой привычки. А вот зачем меня понесло в Питер? Ага, холостяцкие привычки – прекрасная отмазка на первое время. Итак, я уже

сел в поезд, чтобы ехать в Калугу, но тут мне позвонили... А зачем я ехал в Калугу, спрашивается, да еще внезапно? Лучше всего валить все на пьяный бред. Но почему я вдруг напился среди бела дня? Ага, я же пошел на это идиотское мероприятие, Мака прекрасно это знает, а там я встретил старого приятеля, от жуткой смертной скуки мы выпили в баре и решили ехать вместе в Калугу навестить старого друга, но... Но на улице, едва выйдя из Дома литераторов, мы наткнулись на этого самого старого калужского друга, который как раз собирался ехать в аэропорт... Да, мы вышли, а он нас увидал из такси, остановил машину и уговорил лететь с ним. Мы не хотели, решили просто проводить его в аэропорт, но там, как водится, выпили еще и очутились в Питере. Потом каким-то образом растеряли друг друга, я зашел пообедать и встретил Ангелину... Или про Ангелину лучше не говорить? Нет, лучше сказать, а то мало ли кто еще мог нас видеть. Вполне правдоподобная версия пьяного дружеского шатания... Надо бы только предупредить на всякий случай Ангелину. Нет, не стоит. Не станет же Мака ей звонить, проверять...

И он, безмерно довольный своей выдумкой, вернулся в спальню, под бочок к Маке. Ах, хорошо, отоврись завтра, и все, буду жить честно, с Макой, а Ангелина... Бог с ней, с Ангелиной, она не про меня. Но в милицию все-таки надо наведаться, иначе нехорошо получится – наобещал с три короба. Ох, Федор, стар ты уже для этих двойных игр. Сходи к Стрешневу, и довольно. На этом все. А ей отчитаешься по телефону. Никаких больше личных контактов. И с этим он уснул. А утром с покаянным видом поведал Маке историю своего путешествия из Москвы в Петербург и обратно, но об Ангелине даже не заикнулся, боялся выдать себя.

Мака, казалось, поверила ему, посмеялась, нежно поцеловала его и умчалась по ремонтным делам, сказав на прощание:

– Федечка, а я тебя за вчерашнее все-таки оштрафую. Вечером сводишь меня куда-нибудь поужинать.

Да она же чистое золото, умилился он, и чего меня все куда-то тянет? Совсем я, что ли, идиот? И чтобы поскорее покончить с Ангелиной, надо немедленно поехать в милицию. Я выполню свое обещание, и все, прощайте, Ангелина Викторовна. Вы, безусловно, хороши, но... Хватит гнаться за двумя зайками, вспомнил он. Хватит мне и одной, моей.

Ангелина не выспалась, была раздражена и не могла ни на чем сосредоточиться. То она с восторгом вспоминала вчерашнее, то мучилась угрызениями совести – короче, пребывала в полном раздрызге, вообще-то

ей не свойственном. Она умела держать себя в руках. А потом вдруг решила, что должна повидаться с давней подругой, которая уже года три жила в деревне, редко бывала в Москве, и они не виделись почти год. Бася, вообще-то она звалась Варварой Николаевной, была по профессии биологом и всегда мечтала о сельской жизни, но с ее двумя первыми мужьями об этом не могло быть и речи. И Бася, недолго думая, нашла себе третьего, художника-керамиста, и они поселились в полузаброшенной деревне. Оба люди энергичные, умелые и неунывающие, они привели в порядок две купленных по дешевке развалюхи, превратив их в жилой дом и мастерскую, и принялись сманивать в деревню своих друзей. Места там дивные, лес, речка – и деревня стала оживать. Бася даже завела корову. Ангелина редко у нее бывала, все-таки далеко от Москвы. Но сейчас она решила, что непременно поедет туда на выходные, а поскольку это была пятница, то она отпустила пораньше всех сотрудников, чтобы не ворчали, и решила ехать. К вечеру доберусь. Ей стало радостно от предстоящей встречи с подругой. Слава богу, подморозило и можно будет проехать. Сядем с Баськой, и я ей все расскажу. Она мудрая, она посоветует... И не будет читать мораль...

Прошлый Новый год она встречала у Баси и до сих пор помнила удивительное ощущение покоя, фантастический морозный воздух, ледяную корочку в ведре с водой, ее приходилось пробивать ковшиком, от воды ломило зубы, но вкуснее она ничего никогда не пила. Треск поленьев в замечательной голландской печи, которую своими руками сложил Баськин муж Герман. Печка была поставлена так, что обогревала практически весь дом, и изразцы на ней тоже были сделаны по его эскизам. А на полу лежали половички, связанные руками Баськи из каких-то тряпочек. Хорошо, тепло. Вот и сейчас деревня уже завалена снегом, и так уютно светятся окна... Да сколько их уже! Если в прошлом году здесь было пять жилых домов, то сейчас Ангелина насчитала девять! Она посигналила у Басиных ворот. Залаяла собака. На крыльцо вышел Герман.

– Вы к кому? – крикнул он.

– Гера, это я!

– Гелечка!

Через минуту ее уже душила в объятиях Баська:

– Какая ты умничка, что приехала, я уж и не чаяла...

– Она тебя, Геля, на днях во сне видела!

– Да-да, правда, ты мне приснилась такая несчастная, такая вся оборванная, что я обрадовалась. Ты же знаешь, это к добру – видеть человека в лохмотьях. Ты не на свадьбу нас приглашать приехала?

– Нет, никуда я вас приглашать не собираюсь, сама вот в гости свалилась. Незваный гость, конечно, хуже татарина, но я вот гостинцев столичных привезла...

– Почему это ты незваный гость? Тебя позвали раз и навсегда, – пробасил, раскуривая трубку, Герман. – В наших условиях невозможно приглашать каждый раз, правда? Так что татары тут ни при чем.

– Ой, Гелька, семгу привезла! – обрадовалась Бася. – Ох, мы сегодня и тяпнем под семужку! Гера, в погреб быстро! Гелечка, пока я тут возиться с ужином буду, может, выпьешь молочка, недавно подоила?

– Выпью, с удовольствием! Я вам еще книг привезла, вот тут Северянин, недавно выпустили, Мандельштам, Ходасевич.

– Молодчина, Гелька! У нас даже есть специальная полочка с твоими книгами. Вон, видишь?

– Давай я картошку хоть почищу!

– Зачем? Мы ее в мундирах сварим, у нас картошка своя, экологически чистая, мы ее в чугушке да в русской печке!

В просторной пристройке, служившей кухней, стояла газовая плита и русская печь.

– Откуда газ?

– Привозят, Толя добился. Нас теперь тут много!

– Да я уж видела, совсем ожила деревня!

– А дорогу ты оценила?

– Да? То-то мне показалось, что меньше по ухабам бросает.

– Тоже Толина заслуга.

– Кто такой Толя?

– Один мощный мужик. Живет у нас тут, а ферма у него в десяти километрах.

– Ох, Баська, как тут хорошо.

– А самое главное – у нас теперь сортир в доме!

– Шутишь?

– Нет!

– Здорово! Тогда я буду к вам чаще приезжать!

– Эх, Гелька, а купила бы ты тут дом! Пока еще дешево, а то скоро и не подступишься!

– С ума сошла, зачем мне дом? Мне и так забот хватает, и к тому же это ты любишь сельскую жизнь, а я человек сугубо городской. А дом еще надо приводить в порядок.

– Это ерунда. Толик тут местных мужиков работать заставляет, платит хорошо, но пьяных не терпит, и многие работают не за страх, а за совесть.

Не все, конечно, но многие. Можно вполне нанять надежных людей, особенно зимой, когда работы мало. К лету могут такую дачку тебе спроворить...

– Я подумаю, – ответила Ангелина, просто чтобы отвязаться.

– Только не долго думай, тут есть один дом, вернее, усадьба, дома, считай, уже нет, гниль одна, но можно поставить новый!

– Баська, отстань!

– Да я ж тебе добра желаю! Поживешь тут две недели, будешь как новая.

– Значит, ты, Баська, довольна жизнью?

– Не то слово! Сама не знаю, откуда это во мне. Вот бывает, дою Афродиту...

– Афродита это корова? – засмеялась Ангелина. – Вроде раньше ее звали как-то по-другому.

– Пеструха. Афродита ее дочка.

– У тебя теперь две коровы, что ли?

– Да. Так вот, бывает, дою корову и думаю – как хорошо...

– Баська, ты чудо!

– Ты небось думаешь: идиллия у них тут... Нет, идиллии никакой не наблюдается – люди разные здесь, хоть мы не всякого принимаем, кто-то все ж кому-то завидует, кто-то на кого-то обижается, но тем не менее тут хорошо. Тихо. Мне только обидно, что Марьянка не желает тут жить.

Марьянка была дочерью Баси от первого брака. Она училась в Москве в Литературном институте.

– Боже мой, Баська, меня только сейчас осенило... Слушай, а что, если мне попробовать Марьянку в качестве редактора, я как раз ищу человека...

– Да ты что! Разве можно с ней связываться? Самое необязательное существо на свете, не в состоянии ничего довести до конца. Тебе нужен человек, который будет вкалывать, а не капризная девица, дочка подруги. К тому же у нее только парни на уме и тусовка.

– Ты уверена?

– На сто пудов! Как выражается твоя несостоявшаяся редакторша. А та девочка, дочка твоей Маруси, она еще работает?

– Да в том-то и дело, что нет.

– А почему?

Ангелина замялась. Она рассчитывала исподволь завести разговор о Федоре, а тут сразу вопрос поставлен ребром. А что на него отвечать?

Но тут подоспел Герман, и вскоре они уселись ужинать.

– Геля, а ты изменилась! – заметил вдруг Герман.

– Изменилась? В чем?
– Герка прав, я тоже заметила, ты как будто помолодела.
– И сбросила с плеч тяжкий груз, – тихо добавил Герман. – По этому случаю надо выпить. Ты, часом, не влюбилась ли?
– Нет, – засмеялась Ангелина.
– Гера, ты слышишь, как она смеется? Совсем как раньше.
– Я тогда не знал Гелю, но, сколько я ее знаю, так она не смеялась. Выпьем, девочки, чтобы ваш смех всегда меня радовал.

Ангелина выпила немного, сильно захмелела и готова была уже рассказать этим людям, так тонко ее понимающим, всю свою дурацкую историю, как Герман сам повторил вопрос:

– Гелечка, ты что, влюбилась?
– Да, ребята, кажется, да. Но...
– Он, что ли, женат? – догадалась Бася.
– Практически да.
– Что значит – практически? – хмыкнул Герман.
– То есть формально он пока не женат, разведен давно, но практически...
– Опять двадцать пять! – поморщился Герман.
– Гера, не перебивай Гелю! – возмутилась крайне заинтригованная Бася.

Ангелина не собиралась откровенничать с обоими, только с Баськой, но этот Герман такой милый, такой доброжелательный. И она все рассказала.

– Да, ситуевина, – почесал в затылке Герман. – Если честно, я рад, что ты такой хороший и порядочный человек, Ангелина. Давай за это выпьем! За то, что ты не кидаешься отпихивать девчонку локтями...

– О, Гера, ты уже надрался, тебе пора спать! – перебила его жена. – Хватит, ты свое уже выпил. Мы тут с Гелей посидим, все обсудим, а завтра доложим тебе обо всем, что решим.

– А, вы будете принимать судьбоносные решения, да? Без меня? Это нелепо и несправедливо, девочки! Я хочу тоже участвовать...

– В чем ты хочешь участвовать, горе мое? – добродушно осведомилась Бася.

– В принятии решений! Я имею право голоса... как мужчина...
– Как у мужчины у тебя в этом вопросе только право совещательного голоса.

– Ууу, какие недемократичные порядки... Ладно, я пошел, раз вы со мной так... А зря, я бы пригодился, вы же в мужской психологии ни фига

не смыслите.

– Это тебе кажется, Гера, – ласково произнесла Бася. – С мужской психологией все ясно. До какого-то возраста у вас одно на уме: сунул, вынул – и бежать. А потом все равно бежите, даже если уже и сунуть нечего!

– Бася, ты о ком? – испуганно пробормотал Герман. – Это не про меня!

– Ну ты ж у меня исключение из правил, Герочка. Иди спать.

– Баська, ты как-то гадко о нашем брате...

– Опыт у меня жизненный большой. Впечатлений много.

– Неправильный настрой, девчонки. Вы себя распалили против мужчин и примете сейчас неадекватное решение... Советую отложить вынесение приговора на завтра. Настоятельно советую!

– Гера, когда ты успел так назююкаться? – засмеялась Ангелина.

– Гелечка, солнце мое, пощади мужика. Молодая сучка его загубит. Возьми его себе! Все, все, Басечка, ухажу, а то ты сейчас начнешь метать громы и молнии, я уж чувствую.

– Не только громы и молнии, а еще и скалки! Копылов, не буди во мне зверя.

Герман тяжело поднялся и, слегка пошатываясь, поплелся в другую комнату.

– Он стал плохо переносить алкоголь, – пожаловалась Бася. – Пьянеет быстро. Раньше мог выпить литр – и хоть бы хны, а сейчас развозит его.

– Он много пьет?

– Да нет вообще-то. Ну ничего, поспит – и завтра будет как огурец. Рассказывай!

– Так я, собственно, уже все рассказала.

– И ты с ним еще не спала?

– Нет.

– Тогда и говорить не стоит. Пока не переспишь, ничего понять нельзя. Иной раз нравится тебе мужик аж до посинения, а ляжешь в койку и с души воротить начинает.

– Баська, ну как ты не понимаешь, не могу я с ним спать, пока он с Макой. Не могу!

– Не понимаю! Что ж он, по-твоему, должен сперва бросить Маку, тогда тыпустишь его к себе в койку, а он тебе не подойдет. Тебе-то что, отряхнулась и дальше пошла, а он вот сядет между двух стульев, и девчонка останется ни с чем.

– Какая странная у тебя логика...

– Нормальная логика, здоровая. Слушай, а как его звать, этого

письменника? Может, я читала?

– Федор. Федор Головин.

– Головин, говоришь? Мне эта фамилия знакома. И имя тоже. Федор Головин... Ах да, был такой граф, сподвижник Петра Первого, генерал-фельдмаршал, если не ошибаюсь. Твой не из тех Головиных?

– Понятия не имею. У меня интерес к генеалогии как-то атрофирован.

– Зря. Но все равно, имя мне знакомо и без генерал-фельдмаршала... Фу, я тоже пьяная, Гелька. Ой, слушай, я вспомнила! У меня в институте была подружка Дуська Головина! А у нее был брат Федор! Точно. Это не он?

– Он, он! – воскликнула Ангелина. – Он говорил, что у него есть младшая сестра Дуся.

– Ну надо же, как мир тесен! С ума сойти можно. Только я этого Федора никогда не видела. Он, кажется, был геологом и вечно где-то пропадал... А Дуська была хорошенькая. Мы потом как-то разошлись, не виделись... Ты не знаешь, как она?

– Федя говорил, у нее двое детей, хороший муж...

– Как интересно! Слушай, а у них есть дача?

– Господи, у кого?

– Ну у Дуськи с мужем? Можно было бы им предложить купить тут участочек, если двое детишек...

– А еще надо предложить Make тут домик купить. Она с восторгом, я думаю, отнесется. Знаешь, как рьяно она взялась за его квартиру, даже с работы ушла.

– Ты ее не любишь?

– Чепуха!

– Ну почему, ты же вроде любишь его, значит, ее любить не можешь по определению.

– Баська, я спать хочу, разморило меня...

Как странно, думала Ангелина, что Баська знает его сестру... Интересно, он сходил в милицию, как обещал? Вряд ли, зачем ему это?... А приятно, когда стены бревенчатые. И какой в доме чудный запах...

Однако Федор выполнил свое обещание, наведаясь в отделение милиции. Майор Стрешнев, к счастью, оказался на месте. Сперва он ни за что не желал ничего объяснять невесть откуда свалившемуся мужику, но Федор подарил ему две предусмотрительно взятые книги с проникновенными надписями от автора, и майор сдался.

– Слышь, а ты этой бабе кем приходишься? – спросил он напоследок.

– Пока никем, – честно ответил Федор.
– А, понял! Рассчитываешь с помощью информации, которую из меня вытянул, втереться в доверие?
– Да нет. Просто я ей кое-чем обязан, вот и хочу отблагодарить.
– Да ладно, браток, все ясно, я ж в людях кое-что понимаю. Давай действуй! Она ничего, на мой лично вкус слишком тощая, но смотрится...
– Денис, а может, пообедаем, я приглашаю?
– Да не могу, откуда время? Я и так уж тут с тобой засиделся.
– Все, понял, ухожу! Спасибо тебе, дружище!
– Да не на чем, рад был помочь известному писателю. А книжку новую завези, когда выйдет. Мне-то читать некогда, но батя у меня все читает. Ну бывай!

Они обменялись крепким рукопожатием и разошлись, довольные друг другом. Федор хотел сразу пойти к Ангелине и все рассказать. При этом он должен был обязательно увидеть ее лицо. Интересно, что с ней будет, когда она все узнает, но она сейчас наверняка еще на работе, а опаздывать домой нельзя, он обещал Маке повести ее сегодня ужинать. Значит, визит к Ангелине отложим до завтра. В субботу Мака собирается покупать занавески и еще какие-то тряпки и совсем не хочет, чтобы он ломал ей кайф. Естественно, он ведь будет ворчать, брюзжать, да и что он в этом понимает? Тем более что каждая новая вещь, купленная для его квартиры, была как еще одно звеньшко в цепях Гименя, и ему становилось жутковато. А еще надо завтра заехать к Дуське. Оттого что они расстались словно бы в ссоре, на душе было неуютно. Вот помирюсь завтра с Дуськой, расскажу Ангелине о визите к Стрешневу и подведу черту под этой историей. И что, Федор, полезешь сам в кузов? Полезу, раз назвался груздем. Но ты ведь им назвался под влиянием немецкого яблочного вина... Ну и что, чем девочка-то виновата, что тебя повело? Ничем. Но что у них вышло с Дуськой или сестра просто ревнует? О боже, как разобраться с тремя бабами сразу? Кошмар какой-то! Напиться, что ли? Это не выход. А где выход? Нет выхода. Сиди, Федя, в отремонтированной квартире с Макой, она ведь переедет туда с тобой, а свою сдаст, и жить ей, кроме как у тебя, будет негде. Так что ты, Федя, груздь. А квартира с Макой – твой кузов! Здравствуй, груздь! Был такой французский роман «Здравствуй, грусть!». А ты, брат Федор, напиши роман и назови его «Здравствуй, груздь!». Ему стало смешно.

А вечером в ресторане он встретил старого приятеля, журналиста. Тот, глядя на Маку, просто слюнями истек, а она так мило и естественно кокетничала с ним, при этом не давая ни малейшего повода для ревности,

что Федор подумал: а она неожиданная девочка, может, и не будет с ней скучно в нашей кузовке? Но все-таки он напился, сам не зная отчего, и, когда они ловили такси у ресторана, Мака сказала:

- Вот видишь, Федечка, если бы у меня была машина...
 - Закончишь с ремонтом, иди на курсы. Так и быть, куплю тебе тачку.
 - Федечка, а какую?
 - Я уже сказал, пока не научишься как следует ездить, подержанные «Жигули», а там будет видно.
 - Ну, Федечка, а что люди скажут?
 - Вот уж на это мне насрать с высокого дерева...
 - И потом, Федя, в «Жигулях» же нет никакой страховки, подушек безопасности и все такое...
 - Слушай, какая прекрасная идея! – пробормотал он.
 - Какая идея?
 - Герой романа покупает своей жене старые «Жигули», чтобы с гарантией угробить, ведь в «Жигулях» нет подушек...
 - Федя, что ты несешь? – фыркнула Мака.
 - А что, прекрасный способ убийства... Герой знает, что она по натуре лихачка... Он не портит тормоза, не подкладывает взрывчатку, он просто рассчитывает на плохое качество отечественной продукции, и ни один даже самый проникательный следователь не додумается до этого. Разве что Каменская... Да и то, судя по последней книге, у нее теперь климактерические проблемы...
 - Федя!
 - Что – Федя, что – Федя?
 - Федечка, ты вынашиваешь план убийства, да?
 - Ага, все вынашиваю, вынашиваю и никак не могу выносить... Дурочка ты, Мака, маленькая дурочка!
 - Не пойму, с чего ты так напился?
 - Да это наложилось... Я днем поддал маленько в милиции.
 - Что ты делал в милиции?
 - Надо было... для романа...
- Для романа с Ангелиной, добавил он про себя и усмехнулся.

Наутро, едва Мака умчалась, он набрал номер Ангелины. У нее никто не ответил. Он позвонил на мобильный, но услышал, что «абонент находится вне зоны действия сети». Куда ж она подевалась? Впрочем, мало ли куда женщина может пойти в выходной день. В салон красоты, к примеру, по магазинам, к подружке, на свидание, наконец. С утра

пораньше? А почему бы и нет? Хотя зачем ей ходить куда-то на свидание? Она живет одна. Неужто у нее нет любовника? Как-то не верится. А может, все дело в том, что у нее сейчас любовник в доме? Вот она и не подходит к телефону и мобильник отключила? Кровь бросилась ему в голову. Он готов был мчаться туда, ломать дверь, вышвыривать любовника из ее постели... Бред, бред! Зачем она мне? У меня есть Мака. Вчера вечером она была так прелестна... И мужики на нее пялились, и Сережка слюни пускал... Она же меня любит! По-настоящему любит. Вот и прекрасно, Федя, это так приятно, когда тебя любят, и в твоём возрасте этим уже не следует пренебрегать. Здравствуй, груздь! А разве плохо иметь уютный, красивый, хорошо обустроенный кузовок? Да и вообще, твое дело сейчас – писать! Ты, Федя, теперь не бродяга больше, а писатель. Тебе нужна для нормальной работы рутина? Вот и отлично! Рутину не обязательно должна быть с тараканами. Лучше с Макой. Гигиеничней, по крайней мере. Сволочь ты, Федор! Чего тебе еще надо? – ласково журил он себя. Ну что ж, если Ангелины нет, значит, надо помириться с Дуськой. О том, чтобы сесть за письменный стол, он даже думать не мог. После вчерашнего голова была тяжелая. И он поехал к сестре.

У подъезда стояла машина Ивана, и он загружал что-то в багажник.

– Привет, Вань!

– О, классик, здорово! Ты к нам? А мы сейчас уезжаем и вернемся только в понедельник.

– Куда это вы собрались?

– Во Владимирскую область, на лыжах кататься.

– Что это вдруг?

– Да Дуське приспичило! Ей вчера позвонила какая-то старая подружка, с которой они не виделись черт-те сколько, пригласила в гости, да еще сказала, что у них там продается по дешевке дом и места райские. Дуська загорелась.

– Вань, а скажи ты мне, что у Дуськи с Макой вышло? Мы с ней из-за этого даже поцапались.

– Федя, я не в курсе, даже не знал, что вы с ней цапались. Она ж тихушница, сам знаешь.

В этот момент из подъезда выскочил Иваныч с двумя сумками:

– О, Федя, привет! Ты с нами едешь?

– Я к вам приехал, а вы смыливаете.

– Так поехали с нами!

– Ну уж нет, тащиться незнамо куда...

Тут появились Дуся с Шуркой.

- Федя, ты что тут стоишь?
 - Да вот хотел пообщаться...
 - Ничего, мы в понедельник вернемся, ты Баську Белопольскую помнишь?
 - Нет, я ее не знал. Слышал, что была такая, но никогда не видел!
 - Правда? Ничего, вот поселимся мы в деревне, будешь к нам приезжать! Феденька, Баська говорит, что у них там кайф. Экология, грибы, рыба, цветы полевые... Для детей просто рай.
 - Дусь, ехать пора, мы и так припозднились, – напомнил Иван.
 - Ой, да, Федечка, ты извини. А хочешь с нами?
- Ему страстно захотелось поехать с ними куда-то далеко, в какую-то заснеженную деревню, к незнакомой Баське...
- Федь, не мучайся, поехали! – Сестра по его лицу поняла, как хочется ему поехать.
 - Нет, не могу, – твердо проговорил он. – Ты только скажи мне в двух словах, что у тебя вышло с Макой?
 - В двух словах? Да нет, Федечка, ничего такого, просто мне кажется, что вы с ней не пара, только и всего.
 - И ты дала ей это понять?
 - Боже сохрани.
 - Значит, она догадалась?
 - А что она тебе сказала?
 - Ничего. Просто я чувствую...
 - Федя, я не хочу ни во что вмешиваться, тебе с ней жить! Ну все, пока, братишка!

И они уехали. Ну что за народ эти бабы? Наведут туману, а ты изволь разбираться. И покой мне только снится! Если Мака и Дуська будут враждовать, что за жизнь получится, а? И ведь сестра врет, что ничего не произошло, определенно врет. Ей же Мака сначала понравилась, они спелись на почве ремонта, дожали меня вдвоем, а потом обеим попала шлея под хвост. Вот так люди и спиваются, когда невозможно ни в чем разобраться, когда близкие враждуют между собой... Ничего, я сегодня пристану к Маке – не мытьем, так катаньем заставлю все объяснить. Буду взывать к ее разуму – зачем ей враг в лице моей сестры? Да, попил яблочного вина, голубчик.

Вечером Мака, сияя, продемонстрировала ему покупки. Занавески на кухню, занавески в спальню, какие-то подушечки на диван, здоровенную деревянную подставку для дисков в виде кошки. Кошка выглядела

отвратительно. Но он смолчал. Однако она сразу почувствовала, что ему не нравится.

– Феденька, я вот думаю, может, я зря эту кошку купила, а? Может, мы кому-нибудь ее подарим?

– Хорошо бы.

– Понимаешь, меня уговорили, а я к тому моменту уже устала, ну и дала слабину. Ничего, я ее подарю Алинке, она такие приколы любит.

– Мака, а ты не жалеешь, что ушла с работы?

– Нисколечко! Скучища там! Да и на Ангелинину постную рожу смотреть надоело.

Он едва сдержался, чтобы не раскричаться.

– Раньше ты по-другому о ней говорила.

– Так раньше она и вела себя иначе. А сейчас начала придирается по всякому пустяку. А ну ее.

– Слушай, а ты говорила, что у нее произошла какая-то трагедия? – осторожно начал он.

– Да, но это уже когда было, сто лет назад!

– А что все-таки было?

– Почему тебя это интересует?

– Потому что мне вообще люди интересны. И я хотел бы понять, почему такая женщина одна.

– Какая женщина? – насторожилась Мака.

– Эффектная как минимум.

– А как максимум?

– Мака, ты что, ревнуешь? – прищурился он.

– Еще чего! Было бы к кому ревновать, она уже старуха!

– Так все же что у нее случилось?

– Ну там с мужем какая-то история... Она застала его вроде с какой-то бабой, а он начал развод, обливал ее грязью и в результате уехал с сыном в Америку. А потом они оба там погибли.

– Боже мой, сын погиб?

– Ну да!

– Несчастливая женщина.

Сердце облилось кровью. Захотелось немедленно найти ее, обнять, утешить. Хотя прошло много лет. Любая боль притупляется. Даже, наверное, боль матери, потерявшей сына. Надо скорее с ней увидеться, рассказать о визите в милицию... И вообще...

– Федя, о чем ты думаешь?

– Что?

– Федя, я все хотела тебе сказать...

Сейчас она скажет, что беременна и ловушка захлопнется окончательно, похолодел Федор и сам испугался своего испуга.

– Знаешь, завтра приезжает папа.

– Поздравляю, ты рада?

– Рада, конечно, но...

– Какое «но»?

– Ты забыл? Могут ведь начаться сложности. У папы трудный характер.

– Ну и что?

– Федя, завтра вечером я вас познакомлю!

– Буду рад.

– Почему ты так холодно говоришь об этом?

– А что я, по-твоему, должен визжать от восторга?

– Федечка, ну пожалуйста, постарайся понравиться папе! Нам всем будет легче, если вы с папой найдете общий язык.

– А как я должен стараться? Фрак надеть? Так у меня фрака нет. И смокинга, увы, тоже. Или, может, надо представить папе справку из вендиспансера? А заодно и справку о гонорарах? Или спеть под гитару, а? Нет, я лучше спляшу ему качучу, папа будет в восторге! Или он предпочитает брейк? Но для брейка я уже староват.

– Федя, ты почему кричишь?

– Потому что нельзя делать из человека идиота!

– Кто это делает из тебя идиота?

– Ты и твои родственники! Второй раз за два месяца мне устраивают смотрины! Черт знает что такое!

– Федя, какие смотрины? Просто ты же должен познакомиться с папой!

– Ну да, да. Извини. Я неважно себя чувствую.

Она подошла к нему, обдав нежным запахом ванили, прижалась, поцеловала в подбородок:

– Федечка, ты что, раздумал на мне жениться?

– Ничего я не раздумал, глупости!

– Федечка, ты меня любишь?

Ах, как он ненавидел этот вопрос! И почему женщины так часто его задают? Зачем? Где их хваленая женская интуиция? Неужто словам они доверяют больше, чем своему сердцу? Они не верят в любовь, хотя вербального подтверждения ее. Неужели не понимают, что легче всего ответить: «Да, люблю» – и она отвяжется.

- Что за вопрос, конечно, люблю, – ответил он, чтобы она отвязалась.
- Федя, Новый год мы будем встречать с родителями.
- Это обязательно?
- Конечно! У нас хорошо на Новый год! Но если ты захочешь, можем потом куда-то еще поехать, в какой-нибудь клуб.
- Ну вот еще, терпеть не могу!
- А где ты раньше встречал Новый год?
- Где придется, но в последнее время всегда у Дуси. Она, кстати, очень расстроится, если мы не будем встречать с ними.

Мака поджала губки. Ага, сейчас самый подходящий момент выяснить, что там между ними произошло.

Он сел в кресло.

– Мака, поди сюда, сядь. Нет, сядь ко мне на колени, вот так! А теперь скажи, – начал он теплым, задушевым тоном, – скажи, девочка, что там у вас с Дуськой вышло? Мне это тяжело и неприятно.

Мака напряглась. Она уже знала, что сестра много значит для Федора и надо быть очень осторожной.

– Ничего не вышло, Федя, просто Евдокия Васильевна меня невзлюбила.

– Ни с того ни с сего? Сначала ты ей понравилась.
– Значит, потом разонравилась, что ж делать, Федечка? Так бывает, не зря же в народе говорят «золовка-колотовка».

– Мака, но ведь что-то же послужило причиной?
– Я не знаю.

Он понимал, что она врет.

– Мака, я не ребенок, я хорошо знаю свою сестру. Если бы она невзлюбила тебя беспричинно, это произошло бы с первого взгляда.

– Так, наверное, и было, просто она не хотела тебя огорчать. Ты вот с первого взгляда полюбил меня, а она с первого взгляда невзлюбила.

– Не хочешь говорить, не надо! – рассердился он. – Но имей в виду, я портить отношения с сестрой и ее семейством не собираюсь, даже из-за тебя! Это моя семья, я их всех люблю, и мне очень, повторяю, очень неприятна эта история. Ты молчишь, Дуся тоже молчит, но я ведь не идиот...

Нет, я идиот, полный и абсолютный идиот! Она же не хочет ничего понять. А хочет только подчинить меня, чтобы я плясал под ее дудку, а тут еще папаша... Хорошо бы мне ему не понравиться. Постараться, что ли? Да нет, глупости... Что я, мальчишка-оголец? Ладно, авось этот папаша нормальный мужик...

– Ладно, оставим пока эту тему. Скажи мне лучше, что твой папа пьет?
– Папа вообще не пьет!
– Как?
– Да вот так, в рот не берет алкоголя. И очень сердится, когда бабушка предлагает ему выпить. В шутку конечно.
– Значит, чтобы ему понравиться, я должен изображать трезвенника?
– Не надо ничего изображать. Просто не напивайся, как вчера, вот и все.
– Боюсь, я не смогу удержаться, просто из духа противоречия.
– Федечка, ну пожалуйста, ты ведь шутишь, да? – Она надула губки, и он, как всегда, не устоял.

Утром за завтраком Баська вдруг сказала:
– Геля, а ты знаешь, кто к нам сегодня придет?
– Откуда же мне знать?
– Дуся Головина.
– Кто? – не поверила своим ушам Ангелина.
– Дуся, сестра твоего Федора!
– Но ты же сказала, что давно потеряла ее из виду!
– А вчера, когда ты легла спать, я пошла к Толику, у него телефон, позвонила одной нашей общей подружке и узнала Дуськин номер. Она так удивилась и обрадовалась, я даже не ожидала, что она так обрадуется. И я пригласила ее приехать, сказала про дачу, она и загорелась. Приедет сегодня с мужем и детьми.
– Зачем ты это сделала, Баська?
– Ой, Геля, я ничего такого не думала, просто когда ты сказала про Дуську, мне жутко захотелось ее увидеть. Она прелесть, такую соседку иметь было бы здорово. А давай ты тоже купи тут домик, а Федор твой наверняка будет приезжать к сестре...
– Да ну, Баська, глупости! Как ты себе это представляешь – я буду торчать в этой глуши в ожидании, когда Федор Васильевич соизволит приехать к сестре? У меня, знаешь ли, своих дел хватает, и я не собираюсь... К тому же он предатель.
– Да ладно, Гелечка, не злись. Познакомься лучше с его сестрой, я уверена, она тебе понравится. Проведем вместе полтора дня, только и всего. А тебе свежий воздух к лицу! Уже совсем другой вид!

Ангелина подумала: может, лучше уехать? Не хочу я знать о нем лишнего, к чему? Но острое любопытство, почти уже болезненное, не позволило ей это сделать. И она с нетерпением ждала, когда же появится

пресловутая Дуся.

...В воскресенье утром Федор проснулся в отвратительном настроении. Предстоит знакомство с будущим тестем, да нет, уже не с будущим, ведь они с Макой давно живут как муж и жена, и теща вступила в свои права. Она просила Федора передвинуть у них в квартире какой-то секретер и командовала им вполне по-родственному. А теперь еще тесть-трезвенник на его голову, наверняка противный, тупой тип. В семействе Маки по-настоящему ему нравилась только бабушка Жанна Эдуардовна, симпатичная, веселая старуха, с удовольствием выпивающая рюмку-другую, дымящая как паровоз и умеющая блестяще рассказывать анекдоты, порой весьма скабрзные. Он как-то заметил:

– Жанна Эдуардовна, знаете ли, по-моему, арфа вам не очень идет, скорее уж гитара с бантом.

– Вы хотите сказать, что арфа – неземной инструмент?

– Пожалуй.

– А знаете, как болят пальцы от арфы? Без рюмки иной раз трудно. Но я с вами согласна. Правда, с небольшой поправкой: не арфа мне не идет, а я не иду арфе! Так будет точнее, господин писатель!

Мака с утра помчалась по каким-то ремонтным делам.

– Почему ж ты отца встречать не едешь? – удивился Федор.

– Федечка, я не могу! Мне сегодня двери привезут!

– В воскресенье?

– Да, понимаешь, их доставляет на дом частник.

– А папа не обидится?

– Нет, его обычно встречает только мама, так у них заведено.

– Традиция такая?

– Именно.

– А у вас в семье чтут традиции, да?

– Да, представь себе! – с вызовом ответила она.

– Отлично!

– Федя, почему ты иронизируешь?

– Да боже меня сохрани, какая ирония! Так что требуется от меня?

– Только быть к вечеру в форме.

– В форме? Это что значит?

– Федя, – укоризненно проговорила Мака, – ты не хочешь знакомиться с моим папой, да?

– Честно?

– Значит, не хочешь? И жениться на мне тоже не хочешь?

Глаза налились слезами, губки надулись.

– Мака, прекрати! Я действительно не жажду быть микробом, которого разглядывают под микроскопом! Мне, знаешь ли, на предметном стекле неуютно!

– Федя, почему ты так настроен против папы?

– Как я могу быть настроен против твоего папы, если я его никогда даже не видел!

– Вот и я думаю – почему? Вероятно, ты переносишь на папу свое отношение ко мне!

– Что за вздор!

– Ну тогда я вообще не понимаю! Федя, если ты не хочешь на мне жениться, то так и скажи!

Ее глаза были полны слез.

– Не выдумывай! Я же сам просил твоей руки!

– Знаешь, если бы я редактировала твой текст, я бы поставила галочку возле этой фразы!

– Почему? – опешил он.

– Потому что это звучит слишком литературно.

– Ты просто хочешь сказать мне какую-нибудь гадость, да? Почему-то во Франкфурте тебя не смутило, когда я сказал, что буду просить твоей руки.

– Там был другой контекст.

Она меня не любит, вдруг отчетливо понял он.

– Федечка, не сердись, – словно опомнилась она и сразу начала журчать и ластиться к нему. – Ну Федя, не будем ссориться, наберись терпения, посиди один вечерок с папой, я уверена, вы друг дружке понравитесь. Ну пожалуйста, ради меня. Федечка, я так тебя люблю, не огорчай меня!

– Ладно, – сдался он.

Может, и в самом деле все будет нормально. Мака умчалась. А он все прокручивал в памяти только что состоявшийся разговор. Наверное, ему померещилось... Но в какой-то момент у него было ощущение, что он вдруг увидел другую Маку, жесткую, холодную, взрослую... Такая Мака совсем ему не понравилась. Но он предпочел не думать больше об этом. Наверное, она просто была крайне раздражена.

Он сел за стол, включил компьютер и попытался работать. Но в голове была полная тупость, ни одна нормальная фраза не складывалась. Он ненавидел такое состояние. Выключил компьютер и решил пройтись. Не помогло. Снова попытался работать, и снова ничего не получалось. К черту,

решил он, сегодня даже и пробовать не стоит. Надо пережить эту треклятую встречу с тестем как стихийное бедствие и завтра уже со спокойной душой писать дальше.

Он вытащил из ящика наброски своей грустной повести. Она показалась ему такой унылой и скучной, что он едва не порвал листки. Но все-таки не порвал, а убрал назад в ящик. Сегодня слишком дурное настроение, чтобы судить здраво. Когда он был в таком настроении, ему ничего не нравилось. Даже у обожаемого Льва Толстого он видел лишь недостатки, невозможно и неуклюже навороченные фразы, иной раз до того тяжелые, что начинала болеть голова. К тому же его безмерно раздражала и нервировала мысль о предстоящем вечере. Он что, боится неодобрения? Глупости. Тогда в чем дело, Федор Васильевич? А черт его знает. Скорее всего, в том, что он, напротив, боится одобрения, боится, что теперь уже надо сделать решительный шаг и при полном одобрении Макиных родителей раз и навсегда залезть в этот треклятый кузов семейной жизни с Макой.

Он подошел к зеркалу, провел рукой по щеке. Сегодня он еще не брился. Друг Федор, пожалуйста в кузов. Здравствуй, груздь! Причем груздь ты уже не слишком молодой, так, полушлюпик. А грузди шлюпиками не бывают! Это настоящие грузди, а грузди метафорические – запросто! Здравствуй, метафорический груздь! Тебе уже за сорок – и пора, пора в свой уютный, отремонтированный кузов. Пойдут груздята... Мака скажет, что им тесно и два двухкомнатных кузовка надо поменять на один большой, и там тоже надо будет делать ремонт... А пока мы поживем у мамы, Федечка. И там, у Макиной мамы, тобой уже станут помыкать целых три женщины...

Его охватила такая тоска, что хоть вешайся. Он быстро оделся, выбежал на улицу и сел в машину. Куда ехать? А поеду-ка я к Левушке. Он посоветует что-нибудь умное... С ним можно выпить... Тебе нельзя сегодня пить, груздь! Ты должен произвести впечатление на папу-трезвенника. Чтоб ему пусто было, этому папе! Не хочу! «Федечка, ради меня!» – умоляла Мака. Нет, пить не буду, к Левушке не поеду. Один раз выпив яблочного вина, я уже натворил глупостей... Но то немецкое яблочное вино, а тут родная русская водка. От водки я, кажется, особых глупостей не делал, я же не алкаш... А ведь запросто им стану, просто от тоски...

И он все-таки поехал к Левушке, купив по дороге бутылку. От одной бутылки с таким собутыльником, как Левушка, ничего не будет!

Но, как ни странно, Левушки не оказалось дома. Может, и к лучшему?

Надо, вероятно, купить цветов теще. А что дарить тестю-трезвеннику? Да на кой черт мне ему что-то дарить, этому мудаку? Я его уже ненавижу. За что? Понятия не имею. Но это же абсурд! Интересно, почему он не пьет? Может, он в прошлом алкоголик? Завязавшие алкоголики – нудная публика. А вдруг наши с Макой дети будут какими-то ущербными из-за такой наследственности? Надо осторожненько узнать, окольными путями, как говорится, в семье ведь такие неприятные факты обычно стараются скрыть... О господи, что это со мной, я мечусь по городу как угорелый козел. Нет, надо еще раз проверить свои чувства. Вот сейчас поеду к себе на квартиру, там Мака ждет, когда привезут какие-то двери... Скажу, что совесть замучила, что решил приехать помочь ей... И посмотрю... Еще разок посмотрю на нее как бы со стороны... И если что, выскочу в окно, как Подколесин... Скроюсь на фиг...

Куда ты, идиот, скроешься? Квартира-то твоя, и Мака вот уже больше месяца не щадя живота делает там ремонт. Совесть не позволит... А что же делать, если я не хочу жениться? Не хочу! Какая жизнь меня ждет, если я впал в такую панику перед последним решающим шагом? Совершенно не хочу делать этот шаг... Но это неприлично, там Мака сделала ремонт... А я предложу ей обмен, обменяем наши квартиры, и вся недолга. А если она не согласится? Ничего, я ее уговорю. А может, я просто возьму материально ее физические и нервные затраты? По расценкам дорогого прораба. Фу, что за мысли? Лучше я подарю ей машину. Она же так хотела машину. Куплю ей «пежо», и пусть гуляет... Не стыдно тебе, груздь? Она же любит тебя, и ты сам назвался груздем, никто не неволил... Из-за чего я так распсиховался? Подумаешь, папаша! Ну его в баню, этого папашу. Это ей он папаша, а мне – хрен с горы... Но Маку все-таки жалко...

Он подъехал к своему дому.

– Федор Васильевич! – окликнула его соседка по площадке. – Какой ремонт отгрохали, молодчина! А жена у вас просто золото чистое, трудится как пчелка, я заходила, такая красота! Рада за вас, повезло вам! Она очаровательная девочка и так вас любит!

– Спасибо, Ольга Густавовна.

– Когда переезжать думаете?

– Куда переезжать?

– А вы разве тут жить больше не хотите?

– Ах да, конечно.

– Что с вами, Федор Васильевич, вам нездоровится?

– Да нет, вроде все нормально. Простите, Ольга Густавовна.

Соседка ушла, недоуменно оглядываясь. А он стоял возле машины,

почему-то не решаясь войти в подъезд. Вот Ольге Густавовне Мака нравится... Дуська просто ревнует. Нет, с этими родственниками одни только заморочки. Ну их всех! Если бы не Дуська, не этот мудила-трезвенник, все у нас было бы прекрасно. Надо очистить наши отношения от всех и вся, лучше всего уехать куда-нибудь месяца на два, подальше от Москвы, от родственников, пусть они свыкнутся с мыслью, что я женатый человек, а Мака замужняя женщина, и тогда все будет отлично. И чем скорее мы уедем, тем легче будет нам сохранить то хорошее, что есть между нами. При мысли об отъезде, пока, правда, неизвестно куда, он воспрял духом и вошел в подъезд. Тихонечко открыл дверь своим ключом и сразу услышал на кухне голос Маки:

– Нет-нет, левее! Алинка, криво!

Так, Мака не одна. Он замер в нерешительности. Может, лучше ретироваться, пока его не засекали?

– А теперь нормально?

– Теперь здорово! Просто клево! Ты права, Алинка, так лучше. Ну все, слезай и давай кофейку выпьем.

Ему вдруг захотелось кофе, запах его уже витал в квартире. Но что-то мешало ему объявиться. Какое-то странное нездоровое любопытство, тем более что в его романе есть похожая ситуация. Герой становится невольным свидетелем разговора двух подруг и узнает нечто ломающее все его планы.

– Вкусный кофе! Где взяла кофеварку?

– Купила в «Домино». Клевый кофе получается, правда?

– Ага. Мака, а ты знаешь, что я в Питере встретила твоего папика?

– Да, он что-то такое говорил.

– А с кем был, не сказал?

– С какими-то приятелями.

– Насчет приятелей не знаю, но есть у меня подозрение, что он там был с бабой.

– Да на здоровье!

Это становится интересным, подумал он.

– Ты что, не ревнуешь?

– Брось, Алинка, к кому ревновать-то?

– Ну дело, конечно, твое, но очень уж странно...

– Что странно?

– Он там был с Ангелиной!

– С кем? С Ангелиной? – Мака расхохоталась. – Ну и что? Я, по-твоему, должна ревновать его к старухе?

– Не такая уж она старуха. Я потом их в поезде вместе видела, она спала, положив голову ему на плечо.

– И только-то? Это не криминал.

Он не верил своим ушам.

– Мака, ты что, совсем не любишь своего папика?

– Не-а!

Его бросило в жар.

– Тогда зачем?

– Как ты не понимаешь! Он хорошая партия, он мне непротивен, им легко управлять... Мне уже скоро двадцать четыре, я свои шансы оцениваю трезво. Он для меня идеальный вариант. С ним я могу далеко пойти!

– Куда? – спросила Алина.

– Он сейчас в моде, по его книгам снимают сериалы, и я уже говорила ему, что буду защищать его интересы, он может настоять, чтобы меня сделали соавтором сценария, а там, глядишь, я стану и сама сценарии писать, давно об этом мечтаю. И вообще, он хороший мужик, мой Федечка.

– А как он в койке?

– Да вполне.

– Не противный?

– Нет, даже очень милый. И бабушка от него без ума.

– Послушай, Мака, а с Димкой ты встречаешься?

– Нет, не время сейчас, надо сначала сочетаться законным браком.

– Чтобы отомстить Димке, что ли?

– В частности, и для этого. Пусть знает! Он женился на какой-то задрыге, а я выйду замуж за знаменитого писателя. Думаю, он не стерпит!

– Неужели ты все еще любишь его?

– Больше всего на свете!

– А если он разведется?

– Нет, поезд ушел. Теперь мне нужен перспективный муж, а не просто красивый парень.

– Знаешь, а мне сначала показалось, что ты в Федора все-таки влюблена.

– Я была влюблена, но не в него, а в ситуацию... Понимаешь?

– Не очень.

– Ну как... Я приехала первый раз на такое грандиозное мероприятие, и вдруг буквально на второй день появляется известный писатель – и не урод какой-то, не старик безнадежный, а вполне еще приглядный мужик. Сразу кладет на меня глаз. Почему бы не покрутить с таким? А он вдруг в первый же вечер предложение делает... Я себя сразу такой неотразимой

почувствовала, хотя, честно говоря, все не верила, что он не схильнет.

– И теперь не веришь?

– Теперь верю.

– А как же Ангелина?

– Да что Ангелина? Хотя он как-то на днях о ней расспрашивал, да, точно... Но это ерунда. Ну даже если переспит он с ней, от меня не убудет. Да не переспит. Во-первых, ей совесть не позволит, она высокоморальная, а во-вторых, вряд ли у него на нее еще силенки останутся, он так старается со мной...

Федор стоял, не веря своим ушам. Неужто можно быть таким идиотом?

– Да, Алинка, я вот хотела даже с тобой посоветоваться. У него есть сестрица, та еще фруктоза! Он ее обожает, а она...

– Что?

– Понимаешь, она на меня зуб наточила.

– За что?

Федор затаил дыхание.

– Мы с ней поехали на строительный рынок, вдруг ко мне какая-то баба кидается с рекламными листочками, полы из ламината, вид жуткий! Оказалось, Инка Жестева!

– Инка?

– Ну да! Морда испитая, руки – ты бы видела! И лезет обниматься, а от нее такое амбре... Ну я ее отшила, а золовка-колотовка вдруг заявляет, что это, мол, хамство, что нельзя так с людьми – одним словом, всякие благоглупости... Ну и пошло. Она Феде пожаловалась, но, правда, не сказала, в чем дело. Он допытывался, что между нами вышло, а я молчу. Мол, знать не знаю, ведать не ведаю.

– А Инка хорошая девка была.

– Именно что была! Видела бы ты ее!

– А где, говоришь, ты ее встретила? На каком рынке?

– На «Каширском дворе», а тебе зачем?

– Съезжу туда, попробую найти. Может, ей помощь нужна. Ладно, Мака, мне пора. – Голос Алины звучал сухо.

– Прекрати, Алинка! Что вы все на меня...

Федор не хотел ни за что, чтобы его тут засекли, и на цыпочках выбежал из квартиры. Подозревая, что сейчас выйдет Алина, он побежал не вниз, а вверх по лестнице.

Действительно, вскоре появилась Алина, она не стала дожидаться лифта. Федор посмотрел в лестничное окно. Вот она выбежала из подъезда,

села в свой крошечный «фольксваген»-жук и укатила. А он с громко бьющимся сердцем замер на площадке. Как сейчас быть? Пойти к Маке и сказать ей все, что он о ней думает? Она начнет отпираться, рыдать, клясться в неземной вечной любви, устроит истерику, будет угрожать самоубийством... Невыносимо, но как-то надо это пережить. Нет, не пойду, решил он, не могу ее видеть сейчас. Надо остыть и все обдумать.

Он спустился, сел в машину и решил первым делом забрать от Маки свои вещи: компьютер и рукописи. И это надо сделать незамедлительно. Но куда деваться с этими вещами? К себе нельзя. Да, умеешь ты устраиваться, Федор! Ничего, на худой конец проживу несколько дней у Левушки. Правда, там придется все время пить, если не с самим Левушкой, то с его гостями. А пить нельзя сейчас. Потому что Мака потом повернет все так, что у меня просто пьяный бред, и ведь сумеет убедить всех, в том числе и меня самого... Поеду-ка я к Дуське. У меня есть ключи от ее квартиры. А как выкурить Маку из моей? Придется подождать... Ох, сегодня ведь назначены смотрины... И все решат, что я просто испугался уз Гименея. И Мака будет несчастной, невинной жертвой великой любви к мерзавцу...

Ну нет, голубушка, этот номер не пройдет, я не позволю и дальше делать из меня конченого лоха. Ты все эти месяцы играла со мной как с последним идиотом, так напоследок и я сыграю с тобой в игру, да так, чтобы всем все стало ясно! Трудно будет, брат Федор! Ох, трудно. Ничего, я справлюсь! Я притворюсь, что все нормально, приду туда к ним с цветами, как полагается, а потом при всех вручу Маке ключи от новенького «пежо» и во всеуслышание заявлю: я благодарен за все, что ты для меня сделала, и этот автомобиль – награда за труды, но в твоих услугах я больше не нуждаюсь. А потом в ответ на удивленные возгласы, объясню, что слышал ее разговор с Алиной. И потребую ключи от квартиры... Нет, предложу обмен! Мне все равно где жить, лишь бы без Маки! Эффектная сцена может получиться! Даже очень! Воображаю, какой поднимется визг! Хотя зачем мне это нужно? Бред сивого мерина. Черт, она считает небось, что я действительно старый сивый мерин. Хотя все-таки сказала, что в постели я ей непротивен... Сука! Нет уж, дорогая Мака, ты останешься у разбитого корыта! Только с новенькой тачкой. Что ж, неплохой гонорар за два месяца страданий... Ах дрянь. А я-то хорош, в моем возрасте, с моим опытом купиться на эти наивные глазки... Кретин, старый пень. И хоть бы я любил ее, так ведь нет... Уже через два дня понял, что мне нужна другая. Слава богу, что все так вышло, слава богу! Нет, не стану я устраивать спектаклей на публике! Не стану! В конце концов, врежу новый замок в дверь, и все дела! А сейчас поеду и куплю ей вожделенный «пежо»!

Он вынес вещи в машину и первым делом отвез их на квартиру сестры. Оттуда на такси поехал в автомагазин и купил темно-синий «пежо». Ремонт и эта последняя покупка сильно облегчили его карман. Нестрашно, заработаю! Главное – избавиться от Маки. Нет, главное – не вляпаться в новую любовную историю, не мчаться к Ангелине с предложением руки и сердца. Да и зачем мне ее сердце? Не хочу я больше. Буду жить холостяком, милое дело. А если приспичит, думаю, Ангелина в такой ситуации не откажет. Она явно не прочь, ее останавливали какие-то моральные препятствия. Теперь они будут сняты и ничто нам не помешает, надо надеяться. Однако, пока не приду в себя, не стану с ней встречаться, о визите в милицию расскажу по телефону. Считаю, Федор, что ты еще дешево отделался.

И он позвонил Маке на мобильный.

– Федечка, ты где? Я соскучилась!

– А ты где?

– Еду домой уже, переодеться надо. Ты скоро будешь?

– Минут через двадцать, если не застряну в пробке.

– А почему у тебя голос такой?

– Какой?

– Суровый!

– Короче, я скоро!

Он отключил телефон. Его трясло.

Подъехав к дому, он увидел в окнах свет и опять позвонил ей.

– Федя, где ты? И куда делся твой компьютер?

– Мака, спустись, пожалуйста, тут для тебя сюрприз!

– Да? Сейчас, Федечка!

Она выбежала из подъезда, такая хорошенькая, аппетитная. И стала в недоумении озираться.

– Мака! – окликнул он ее.

– Федя, ты почему не на своей машине?

– Это твоя машина, вот ключи...

– Федечка, любимый! – взвизгнула Мака и повисла у него на шее. –

Это правда моя машина?

– Твоя! Вот на нее документы, держи и постарайся не разбить ее, когда сядешь за руль...

Он с трудом произносил слова, у него перехватило горло от обиды и ненависти. Она что-то почуяла, но еще ничего не понимала.

– Ты почему такой?

– Мака, я очень тебе за все благодарен, но жить с тобой дальше не

хочу! Прости, если есть за что, и давай расстанемся без скандалов.

– Федя, я ничего не понимаю!

– Все крайне просто. Я случайно услышал твой разговор с Алиной.

Она онемела. Краска медленно отхлынула от лица.

– Я понимаю, я стар для тебя, но с меня довольно. Мы оба сделали глупость, я давно это понял, но не хотел ранить твои чувства. А поскольку чувства оказались пшиком, то зачем обоим мучиться, чего ради? Правда же? И я даже благодарен тебе, что ты не дала себе труда притворяться с подругой. У меня как камень с души свалился. Ну вот, пожалуй, и все. Да, если хочешь, можем поменять квартиры. Ты там сделала ремонт и...

– Федя, ты что-то не так понял, наверное.

– Да все я правильно понял, не считай меня таким уж лохом.

– Зачем же ты мне машину купил? В качестве отступного?

– Можешь считать это платой за обязанности прораба, которые ты так рьяно выполняла. И еще, если что-то из того, что ты купила для моей квартиры, захочешь оставить себе, ради бога. Ну прощай!

– Федя, а ты, значит, меня не любишь?

– Нет, не люблю.

– Ты любишь Ангелину?

– Никого я не люблю. Прощай, Мака!

– Федя, тебе надо писать для театра. Хорошо выстроил сцену прощания. Молодец. За машину спасибо. Занавески я оставлю себе, тебе ни к чему.

– Вот и хорошо. С нелюбимым жить, наверное, трудно.

– Но иногда это бывает удобно и выгодно. Где еще я за два месяца заработала бы «пежо»?

– Тебе тоже не мешает заняться драматургией. Это достойный финал!

– Сволочь!

Он рассмеялся и пошел прочь.

– Эй, писатель, погоди!

Он обернулся.

– Возьми ключи, там ведь новую дверь поставили! И оцени мое благородство. Я ведь могла бы долго еще не пускать тебя в твою квартиру. Но мне это не надо! Пока, ты еще пожалеешь, у нас мог бы быть вполне гармоничный и взаимовыгодный брак, но... Вольному воля.

Он вернулся на квартиру сестры и в полном изнеможении рухнул на диван. Одному было невмоготу. И он решил позвонить на мобильный Ивану. Может, они пораньше придут?

Он позвонил с домашнего телефона, и голос Ивана звучал испуганно:

– Кто это? Что случилось?

– Вань, это я...

– Ты что, у нас?

– Да. Я ушел от Маки. Завтра перееду к себе. Дай мне Дуську.

– Федечка, это правда? – В голосе сестры слышалось ликование.

– Правда. Я все расскажу при встрече.

– Федя, почему у тебя такой голос, тебе плохо там?

– Есть немножко.

– Физически или морально?

– Скорее, морально.

– Федечка, мы сейчас выезжаем. Только, пожалуйста, дождись нас и не делай глупостей.

– Я дождусь, а если под глупостями ты подразумеваешь самоубийство, то это в мои планы не входит. Ничего рокового не произошло. Я просто исправил ошибку.

Федор ушел от Маки! Ангелина была в смятении. Неужели это из-за меня? Да нет, глупости. С какой стати бросать из-за меня такую хорошенькую, такую молоденькую, полную сил? Ну ничего, они еще помирятся, Мака от своего не отступится, сумеет подольститься к нему. Или он быстро найдет себе другую. Его чувства поверхностны, вкусы изменчивы, он легкомысленный и непостоянный. Совсем не то, что мне нужно. А разве мне вообще что-то нужно? Что-то или кто-то? Разве что немного человеческого тепла. Мужского тепла? Не обязательно. Вот Дуся и ее семейство – они такие милые, теплые люди. Она ни словом не обмолвилась о том, что знакома с Федором, о нем вообще речь зашла только после его звонка. Дуся с восторгом возвестила, что брат бросил свою девку. Она явно терпеть не могла Маку. Почему, интересно? Но спрашивать не хотелось. Она боялась обнаружить свой интерес к Головину. Это лишнее. Баська тоже не упоминала о Федоре, да она и не была с ним знакома. Они с Дусей все время говорили о покупке домика в деревне. Дуся влюбилась в эти места, Иван тоже, и они пообещали через неделю приехать снова и тогда окончательно решить все вопросы. После звонка Федора они живо собрались и уехали, хотя сначала думали остаться до утра.

Закрыв за ними ворота, Баська спросила:

– Ты нарочно не сказала, что знаешь его?

– Да нет, просто к слову не пришлось.

– Знаешь, в этом что-то есть...

– В чем?
– В том, что Дуська была здесь, когда пришло известие о его разводе.
– Это не развод. Они еще не женаты. Просто ссора. Он еще сто раз может передумать.
– А ты ему этого не позволяй.
– Как я могу?
– Ты не просто можешь, ты обязана!
– Это почему?
– Потому!
– Не понимаю!
– Понимаешь, прекрасно понимаешь, просто придуриваешься!
– Зачем мне придуриваться?
– От страха! Ты боишься...
– Чего?
– Всего! А он, похоже, тебя любит!
– Ах, боже мой, его любовь... Он Маку тоже любил...
– Ее он не любил! Она ему просто подвернулась в подходящий момент.
А вот то, что он примчался в твой двор, почувствовав, что тебе грозит опасность, это дорогого стоит!
– Брось, Баська, он писатель, он все это придумал! Наверняка оказался там случайно, у нас большой дом, там живет прорва народу, мало ли к кому он приезжал...
– Ну допустим, а ваша поездка в Питер?
– Это от скуки. На этом заседании была такая тоска!
– А его готовность пойти в милицию?
– Ну это просто попытка джентльменства. Да он и не ходил наверняка.
Ему не до того было, он с Макой ссорился.
– Как ты можешь это знать? Твой мобильник здесь не берет...
– Баська, ты так жаждешь меня с ним свести? – улыбнулась Ангелина.
– Гелечка, у меня сердце кровью обливается, когда я на тебя гляжу.
– Я что, такая жалкая?
– Совсем не жалкая. Но такая одинокая...
– Ну и что? А разве мужик – гарантия от одиночества?
– Любимый – да!
– А кто тебе сказал, что я его люблю?
– Полюбишь!
– Баська!
– Ты посмотри, какая у него родня! Дуська, Иван, дети... Давно не видела такой чудной семьи.

- Да, они милые.
- Кстати, Дуська сказала, что ты ей ужасно понравилась, что ты красавица, что она всегда завидовала таким стильным женщинам. И еще сказала, что ты значительная. Вот!
- Приятно слышать.
- Гелька, но он же тебе нравится?
- Да, нравится, но не более того.
- Расскажи, какой он?
- Да я уже говорила...
- Нет, ты просто рассказывала вашу историю, а ты набросай мне его портрет.
- Составить фоторобот? – усмехнулась Ангелина.
- Я не шучу. Вот расскажи мне как на духу, какой он, по-твоему. Начни с внешности.
- Внешность у него приятная. Он немного выше среднего роста, очень широкоплечий, глаза серые с темным ободком, волосы светлые с проседью, уже немного поредевшие, рот красивый, ресницы пушистые, руки большие, мужицкие.
- А голос?
- Голос как голос, ничего выдающегося. Пожалуй, это относится ко всему его облику – ничего выдающегося. Но в целом впечатление оставляет приятное. Наверное, это все.
- Воспитанный?
- В меру. Даму вперед пропустит, но стул в ресторане не отодвинет.
- Подумаешь!
- Ты спросила, я ответила.
- А тебе хочется, например, приготовить ему что-нибудь вкусненькое?
- Не думала на эту тему.
- А ты подумай!
- Господи, Баська, что ты ко мне привязалась?
- По-моему, Головин – это твоя судьба!
- Ты же его не видела даже! И потом, альянс издатель – писатель штука сомнительная.
- Почему?
- Не знаю даже, как объяснить... Просто мне так кажется!
- Чепуха! Нормальный альянс. Актриса и режиссер. Актриса и драматург. И наоборот, актер и драматургесса... Дирижер и певица. Самый нормальный альянс!
- Отстань, Баська!

– Не отстану! Я хочу, чтобы вы сошлись и тоже купили тут домик, вот было бы здорово! Летом Дуська с ребятами и Федор жили бы здесь, а на выходные вы с Иваном приезжали бы... Как хорошо!

– Нет, ты меня достала! Я, пожалуй, поеду сегодня!

– Не вздумай!

– Тогда отвяжись от меня!

– Так и быть! Поедешь, как собиралась, завтра днем.

– Да, Федя, ты еще легко отделался, только зачем «пежо»-то было покупать? Дорогая машина, хватило бы с нее и «Жигулей», – заметил Иван. – Или уж «рено», все подешевле!

– Нет, правильно, – тряхнула головой Дуся. – По крайней мере она не сможет вякнуть, что он ей что-то должен. Твое счастье, Федька, что ты квартиры не лишился. Ладно, проехали! Там что-то еще надо доделать, у тебя?

– Вероятно, но я, честно говоря, не знаю. Я не вмешивался.

– Ничего, ты пока живи у нас, а я завтра съезжу, посмотрю, и мы в два счета приведем все в порядок. Только уж ты, Федя, впредь будь поосмотрительнее. Бедный мой братик!

– Федя, тебе новая жена нужна? – басом осведомилась Шурка.

– Боже сохрани! – засмеялся он. Ему сейчас было хорошо.

– А у тебя что, есть кто-то на примете? – Иван подхватил дочку на руки.

– Угу!

– И кто?

– Тетя Бася.

– Не выйдет, у тети Баси муж есть.

– Она хорошая. Ну тогда еще можно Гелю.

Федор вздрогнул:

– Кто это – Геля?

– Да там была Баськина подруга, кстати очень интересная женщина!

– Кто такая?

– По твоей части, между прочим, издательница!

– Миленич? – холодея, спросил он.

– Да-да, красивая фамилия, я только вспомнить не могла. А ты ее знаешь?

– Что она там делала?

– Говорю же, Баськина подруга. Она мне понравилась. Только какая-то одинокая, жалко ее. Федя, что с тобой, ты чего так побледнел?

- Ради бога, адрес! – закричал Федор.
- Какой адрес?
- Адрес, адрес давай!
- Чей адрес? – совершенно растерялась Дуся.
- Федя, я тебе объясню, как ехать, – сообразил Иван. – Там дорога нормальная, но ты особенно не гони, она собиралась уезжать только завтра к обеду. Успеешь! А может, вообще утром поедешь?
- Федя, что у тебя с Ангелиной? – опомнилась сестра.
- Не знаю пока, но я должен срочно ее увидеть и рассказать одну дурацкую историю...
- Федя, я тебя не пущу, ты опять наломаешь дров!
- Ладно, поеду утром, я что-то устал... Шурка, а тебе Геля понравилась?
- Ничего, но Бася лучше.
- Вот видишь, Дуська, твоя дочь ее одобряет, а помнишь, куда она советовала отправить Маку?

Федор встал в пять утра, взял приготовленный Дусей с вечера термос с кофе, пакет с бутербродами и тихонько вышел из квартиры. На улице было темно и холодно. Ого, подумал Федор, градусов пятнадцать, не меньше.

Уже выехав за кольцевую, он вдруг спросил себя: зачем ты туда мчишься? Рассказать идиотическую историю о том, что лжемилиционера ей прислала ее домработница Роза Марковна, решившая сосватать ее со своим соседом, который оказался двоюродным братом настоящего мента, и к тому же человеком со слабой психикой – представляясь майором милиции, он чувствовал себя куда увереннее с женщинами, чем в собственном обличье не слишком удачливого риелтора? Кретинская, даже не слишком смешная история... Зачем же так торопиться рассказать ее? Или я просто хочу ее видеть? Разумеется, хочу. Теперь я имею право... И нет больше преград... И еще одно... Когда вчера Дуська сказала, что ее жалко, у него все перевернулось в груди. Ее не должно быть жалко! Она так хороша!

Проехав уже километров восемьдесят, он вдруг затормозил. Налил кофе из термоса, отхлебнул. Зачем я еду? Куда? Она же может воспринять мой приезд как... Как что? А черт его знает... Она может истолковать его как-то неправильно, подумать, что я... Что я чего-то хочу от нее... А я разве не хочу? Еще как хочу! Но все равно, это слишком скоропалительно! Да нет, не так уж... Вот если бы я вчера сорвался, а так... Все-таки утро вечера мудренее... А может, вернуться? Подождать ее в Москве, позвонить

по телефону, услышать хриловатый голос... Нет, я пока не назвался груздем, так на фиг лезть в этот новый кузов? Не полезу ни за что!

Он развернулся и поехал назад. Стар я уже кидаться... Дуське было ее жалко? Ерунда! Дуське вообще жалко всех незамужних и неженатых. Поеду сейчас к Левушке и напьюсь. Самое милое дело.

Вдруг он увидел девушку в платочке, голосовавшую на дороге. Причем это явно была не придорожная искательница клиентов, а просто деревенская девушка.

Он затормозил.

– Ой, дяденька, подвезите тут до разъезда!

– Садись!

Она села. Некрасивая, лет двадцати восьми, наверное, она поглядывала на него с опаской.

– До разъезда далеко? – спросил он.

– Да нет, километров восемь. Только у меня денег нет.

– Да не нужны мне твои деньги.

– Ой, спасибо!

Девушка развязала платок, сняла.

– Жарко тут у вас. Ой, мамочки, сережку потеряла! – вскрикнула она.

– Что?

– Сережку потеряла! Дядечка, остановитесь, ради бога, я поищу!

– Ты уверена, что здесь потеряла?

– Не знаю я, – всхлипывала девушка.

Он затормозил, и они вдвоем стали искать сережку. Нашли довольно быстро. Сережка была дешевенькая, с каким то красным камушком, а скорее даже стеклышком, но девушка была счастлива.

– Это мне муж подарил, – сообщила она.

Странно, эта история началась с сережки, и кончается тоже сережкой. Нет, она не может так кончиться, не может и не должна!

– Ну далеко еще? – спросил он.

– Да нет, вот сейчас мост будет, и от моста еще километр.

Он прибавил скорость. Высадил девушку, не слушая ее благодарного лепета, снова развернулся и погнал на бешеной скорости.

Сережкой кончилась не повесть, а лишь пролог к ней.

Он увидел ее сразу, она играла во дворе с большой лохматой собакой. По случаю мороза на ней был какой-то тулуп и клетчатый деревенский платок. Кулёма, сказал он про себя, и сердце зашло от нежности.

Здравствуй, груздь!